

дмитрий
навроцкий

Время
лечит
не счета

18+

Дмитрий Павлоцкий

Время лечит не спеша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64664488

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-95816-6

Аннотация

Говорят, что беда не приходит одна. Но почему обычно все летит под откос одновременно?

Глебу скоро тридцать. Он успешен: живет в своей квартире в спальном районе Санкт-Петербурга, с отличием окончил университет, женат, неплохо устроен. Но вдруг от него уходит жена, серьезно заболевает мать, а работа перестает приносить деньги и удовольствие. И только близкий друг Глеба старается убедить его в том, что совсем скоро все будет хорошо.

Или нет.

Содержание

Часть 1. Прошлое	5
1. Глеб	5
2. Полина	10
3. Глеб	35
4. Лиза	41
5. Полина	59
6. Бумажки	73
7. Доктор Аня	82
8. Честный кофе	87
9. Полина	90
10. Доктор Аня	95
11. Глеб	101
12. Лиза	104
Часть 2. Настоящее	110
1. Глеб	110
2. Влад	115
3. Город	120
4. Лиза	126
5. Света	135
6. Глеб	149
7. Руслан	157
8. Дед	161
9. Глеб	164

10. Лето	169
11. Настоящее лето	172
12. Самое настоящее лето	179
13. Будущее	180
Часть 3. Никогда не следуй за белым кроликом	182
1. Дурак	183
2. Никифорыч	191
3. Яна	196
4. Алексеич	201
5. Зачем	224
6. Поля	228
7. Смс	237
8. Послесловие. Глебыч	242

Дмитрий Павлоцкий

Время лечит не спеша

Часть 1. Прошлое

1. Глеб

Я не люблю тебя.

Вроде бы, фраза как фраза. Обычная, ничем не примечательная. Не очень приятная, но такая простая, что даже как-то неудобно ее произносить вслух.

Я не люблю тебя.

Горько слышать такие слова от ребенка. Но он же ребенок. Он вряд ли понимает, что говорит.

Неприятно слышать эту фразу, если тебе тринадцать лет и звучит она из уст твоей подруги, на которую ты обратил внимание не только как на объект таскания за косички, но и как на настоящую девушку.

Отвратительно звучат эти слова, если тебе уже двадцать, и ты по уши влюблен в Настю, которая еще десять лет назад играла в куклы в соседнем дворе, куда ты приходил на футбол с парнями, а теперь она – взрослая женщина, которая выбирает другого.

Но не в тринадцать, не в двадцать и даже не в двадцать пять эти слова не звучат так отчетливо, как когда тебе уже тридцать.

Вроде бы вот он, подбирающийся кризис среднего возраста, за углом. Самое время выбрать свой путь, который ты, как выясняется, еще совсем не выбрал. Пора осознать свое место в этом мире, погрузиться в пучину размышлений, из которых может вытянуть она, та самая, которая всегда с нежной улыбкой маячит рядом на фотографиях. Можно размышлять о будущем и бояться его. Можно переехать жить в деревню, разводить хаски, строить баню, решиться завести ребенка. И в этот самый момент ты готов услышать что угодно. Но не это.

Я. Не. Люблю. Тебя.

Никогда не забуду Полинино лицо в тот момент. Она кричала. Кричала на меня впервые за все семь лет нашей совместной, как мне казалось, счастливой жизни.

Казалось.

Я. Не. Люблю. Тебя.

Больше никаких кареглазых.

Глеб засмеялся. Сам я невольно улыбнулся от его смеха, хотя на душе было как минимум погано. Глеб очень редко смеется. Все чаще он понимающе кивает или пытается выдавить контршутку, что почти никогда ему не удается. Но тут он прямо захохотал, причем так громко, что мой рот как будто бы улыбнулся сам, без моего ведома.

Больше никаких кареглазых. Нужно отметить, что все мои женщины, общее количество которых умещается в красивую цифру «два», были именно кареглазыми. Обычно ведь даже не задумываешься о том, какой у тебя складывается «вкус» и по какой причине. Да и не все ли равно, если только через несколько лет понимаешь, что твои пассии были практически на одно лицо. Только через несколько лет. Через несколько впустую прожитых, кажущихся бесконечными лет.

Смеющийся Глеб – это вообще знак того, что день удался. Хотя и без смеха этот товарищ немало стоит. Родители назвали меня редким именем. Настолько редким, что я в жизни не встречал больше ни одного Глеба. Кроме Глеба. Должно же было так сложиться, что единственный Глеб, которого я встречу кроме того, которого каждое утро разглядываю в зеркале, будет моей абсолютной противоположностью внешне, с диаметрально отличными вкусами и чуждыми мне ценностями. Родившийся в один день со мной Глеб. Мой лучший друг Глеб.

– Знаешь, что я сделал в первую очередь, когда она мне это сказала? Я оделся и вышел на улицу. Вышел, и стоял минут пятнадцать. Я не понимал, куда идти. Просто стоял под снегом. Поворачивал голову направо, налево. Ночь. Ты же знаешь, как я ненавижу, когда темно. А сам пошел на улицу. Вижу: машина едет. Думаю: надо бы проверить, работают ли инстинкты. Вот шагну сейчас под колеса...

– Что за херня? – Глеб тарашится на меня. Он говорит тихо. От этого фраза звучит непривычно и как-то судьбоносно.

– Нет, думаю, хрен там, – продолжаю я. – Жить хочу. Жизнь люблю. Такая жизнь...

Какая именно жизнь – мне уже не придумать. Поэтому мы просто пьем кофе, который давно остыл. И через минуту Глеб выдает:

– Гребаная жизнь.

– Гребаная жизнь, – вторю ему я.

Глеб смотрит куда-то в сторону. Либо задумался, либо ему нечего сказать. Либо заметил блондинку, которая стоит у кассы. За последние пять лет он сильно изменился. Этого не понять, если не смотреть на фотографии. Когда с человеком видишься так часто, как мы с ним, внешние перемены кажутся логичными и практически незаметными. Я думал о том, что приобрел каждый из нас за эти пять лет. И что потерял. Глеб потерял шевелюру и приобрел довольно крупный живот, утратил отношения с родителями, обрел жену, ребенка, потом любовницу, ипотеку, нервное расстройство, коричневый Рено Дастер в кредит, потерял практически всех друзей, кроме меня, и при этом не лишился твердой уверенности, что в жизни нет смысла, а наш путь предначертан высшими силами.

– Если от тебя ушел автобус – значит это был не твой автобус. В следующий раз повезет, – глубокомысленно заключает Глеб.

– Ага. Бог троицу любит, – отвечаю ему я.

Глеб внезапно громко бьет кулаком по столу, от чего все посетители кофейни затихают и с испугом поворачиваются к нам.

От смеха он подавился кофе.

***

Вдоль кирпичной стены торгового комплекса идет пожилая женщина. У нее ярко накрашены губы, широкополая шляпа надвинута на глаза, скрытые за очками. Ее манера одеваться вышла из моды еще до того, как я родился. Она активно жестикулирует и, видимо, громко кричит. Для того, чтобы разговаривать по телефону при помощи эйрподов, она слишком великовозрастна. Из-под шапки на туго затянутый вокруг шеи шарф спадают седые кудри. О чем она говорит, я не слышу. В наушниках надывается Pop Evil.

Моя любимая песня заканчивается как раз когда я прохожу мимо говорливой бабули. Оказывается, она рассказывает всем вокруг о своих бедах. «Уже двадцать четыре года не трогала мужчины! Ни одного!» Надо же. А я никогда не трогал мужчины. Я улыбаюсь своей мысли и мне немного жаль бабулю. Но именно немного. Я же не знаю, может у нее дома сидит муж, по возрасту годящийся ей во внуки, а всем окружающим бабуля с расстройством речевого аппарата просто врет. Да. Надеюсь, она врет.

Ведь тогда она идеально вписывается в мою картину мира. Я никому не верю.

2. Полина

– Если вы будете продолжать в том же духе, я сорвусь, – шепчу я и пытаюсь улыбаться. Получается довольно плохо. Я стою перед родителями и рыдаю.

– Как ты можешь такое говорить! – из маминых глаз брызнули слезы. То есть они действительно брызнули, не потекли, не полились. Брызнули. Никогда такого не видел.

И без того склонная к излишнему артистизму, мать с рыданиями упала в кресло.

– Как ты можешь такое говорить, – с точностью до ноты дублируя интонацию жены восклицает отец, бросаясь на подмогу рыданиям.

Только через неделю после того разговора, когда открытые переживания по поводу развода трансформировались в глухие хлюпанья в подушку, я понял, что преисполненный трагизма мозг моей матери опасность нервного срыва преобразовал в падение с балкона. Так и казалось, что я вишу на балконе десятого этажа, из последних сил цепляясь за жизнь двумя пальцами и вот-вот сорвусь.

Бред какой. Никогда бы не решился на самоубийство.

Почему после развода я решил вернуться в отчий дом – отдельный разговор. Как выяснится много позже, я подсознательно искал убежища в том месте, где чувствовал себя в безопасности. К тому же, бонусом к переезду появилась воз-

возможность давить на нервы родителям: легче от этого не становилось, но возникала иллюзия абсолютной власти. Скоро сублимация перестала быть интересной, после этого – смешной, затем их реакция стала предсказуемой, а вскоре это и вовсе потеряло смысл. Процесс публичного самоуничтожения сменился глубоким и полноформатным чувством стыда. Ты развелся, развелся внезапно. Но кто в этом виноват кроме тебя самого?

Как хорошо, что меня хватило всего на неделю, после которой я с облегчением удрал домой. И как же здорово, что у родителей меня успел навестить Глеб. Он привез с собой сигареты, книгу и железную уверенность в том, что все будет хорошо.

– Тебе уже тридцать лет. Надо что-то менять. – заводит он разговор, пока мы стоим на балконе и курим. Удобно, что он живет на самом севере города, рядом с моими родителями. На северном фронте без перемен.

– У меня есть контраргумент. – я вздохнул. – Мне уже тридцать лет и менять что-либо уже поздно.

– Тоже верно, – Глеб резким движением затушил сигарету. – И что ты ей сказал, когда она достала чемодан?

– Пакуйся с миром.

– Ну что же, ты как минимум жив. Выглядишь не очень, но зато хотя бы шутишь. – он оценивающе смотрит на меня. Не брился я недели две, а как только переступил порог отчего дома, сразу надел широкие мешковатые джинсы, которые

не носил с первого курса института и безразмерную толстовку. Не понимаю, что заставило родителей оставить эти вещи в гостевом шкафу. Хотя и моя комната не изменилась за последние лет десять. Даже игровая приставка подсоединена к старому телевизору, будто дожидаясь, что я вот-вот вернусь.

– А во что ты вообще одет? – Глебу нелегко скрыть раздражение. Он как будто не понимает, что любую фразу в свой адрес я могу расценить как атаку:

– Да потому что теперь я одеваюсь так, как хочу. А тогда я выглядел так, как хотели. Потому что «ты же взрослый мужик, ты уже женат, оденься прилично, купи себе нормальную рубашку, а мне шубу, ну и что, что не хочешь, нет, мы поедем в театр, а не на концерт и вообще побрейся». Надоело!

Продолжать вечер ностальгии я не стал. Глеб тоже не стремился к расспросам, поэтому оперативно ретировался, вежливо отказавшись от чая, предложенного отцом. Он и так прекрасно знал, что за последние семь лет все менялось плавно, но по определенному сценарию: сначала я планировал одеваться так, как хочу, потом я хотел поступать так, как хочу, а в ответ получал «Да, ты молодец, ты должен принимать решения сам, и только! Но...» и после этого «но» следовали аргументы, не только не совпадающие с моей картиной мира, но и противоречащие здравому смыслу. А я слушал, слушал с открытым ртом, мне казалось, что я воспринимаю и впитываю информацию и всего лишь стараюсь делать так, как хочет моя любимая, ведь что может быть важ-

нее, чем счастливая жена. Хотя, как оказалось в результате, и одевался я все равно не так как надо, и вел себя неподобающе, да и жена была не сильно счастлива. Но это выяснилось потом, сильно потом.

На второй вечер у родителей, после очередного семейного совета, который закончился разбитыми бокалами, криками и хлопнувшими дверями, в своей комнате я нашел детские фотографии. В основном остались те, которые мама делала перед самым выпуском из моей школы, как будто подозревая, что с каждым днем она утрачивает связь с единственным сыном и пытается запомнить его как можно лучше. Вот мне лет шестнадцать-семнадцать. У меня длинные волосы, я стою во дворе. На мне фланелевая рубашка и рваные джинсы. И лицо очень открытое, с улыбкой, а рядом – папа с неуверенной бородой, потому что его бабушка была против бороды, и с сигаретой, потому что дедушка, на которого он так хотел быть похож, много курил. Он не улыбается. Стоит у меня за спиной и хмуро смотрит в объектив. Один в один с тем, каким я сейчас вижу себя в зеркале. Только фланелевые рубашки я носить не перестал. Точнее опять начал. Недавно.

Все семь лет совместной жизни Полина пыталась сделать из меня взрослого мужика. Не мужчину, не молодого человека. Именно мужика. Черное пальто в пол, как на бандите из девяностых, гладковыбритые щеки, волосы уложены назад гелем. Ботинки-крокодилы с тупыми носами. Когда ле-

то – дурацкий турецкий кожаный пиджак... Кстати, может быть это у всех так: в двадцать лет стараешься выглядеть как можно старше, а в тридцать радуешься, что тебе отказываются продавать сигареты и требуют предъявить паспорт?

И только один маленький секрет все эти годы помогал мне оставаться в состоянии зыбкого равновесия внутри собственной головы.

Бывают минуты, когда сопротивляться себе бесполезно. Вспоминаешь человека, который учился с тобой в одной школе на несколько лет младше, вбиваешь заветное имя в поисковую строку... и с фотографии на тебя смотрит какой-то дед, обрюзгший лысый мужик с тремя, а если повезло – с пятью детьми или взрослая женщина с усталой улыбкой. А потом смотришь в зеркало и думаешь: вот, ни одного седого волоса, морщин не так и много. Зато и детей нет. И жены. Так ведь и надо? А как должно-то быть? Есть где-нибудь правила зафиксированные, как поступать нужно? Или хотя бы – как себя чувствовать полагается.

***

Когда завершается очередной этап жизни, всегда хочется отдать все долги без остатка. Мне посчастливилось обнаружить дома у родителей томик Генрика Ибсена, который я в старших классах одалживал у своей учительницы литературы и принял решение начать с малого. Чтобы вернуть хотя бы этот долг, я без предупреждения поехал в школу ближе к концу учебного дня, чтобы точно ее встретить. В тот день

я и обнаружил удивительное свойство мозга: появляешься в том месте, где был в детстве, и сразу ощущаешь себя моложе, младше, и даже по размеру как-то меньше. Как будто не тридцать тебе, а лет семнадцать. И как будто не на развод надо документы подавать, а к контрольной готовиться.

Школа.

Первой, кого я встречаю на втором этаже, оказывается старшеклассница. Когда я заканчивал школу, самое откровенное, что могли себе позволить девочки – это юбка до колена. А мне навстречу идет женщина в кожаном корсете, мини-юбке и с глазами, густо упакованными в тонну теней. Она улыбается. Наверное, приняла меня за предка кого-то из соседнего класса...

– Привет. Я тебя раньше здесь не видела. Ты в каком классе учишься?

Серьезно?

– Деточка, да я технически гожусь тебе в отцы!

Боже, как это льстит. Каблуки уносят свою изумленную хозяйку прочь от меня по коридору, а я испытываю то, что обычно в книгах называют «смятением». Но оно какое-то такое теплое, такое милое и сладкое, это смятение, что я не против забрать его с собой.

А можно я буду почаще сюда приезжать, чтобы чувствовать себя моложе? Это так приятно.

Это успокаивает.

А может быть это и есть тот самый кризис, о котором мне

говорил Глеб.

***

Врачи говорят, что самый большой стресс человеческий организм испытывает от трех вещей. Что любопытно, смерть близкого человека не входит даже в топ-5. Итак, вот она, вертушка этого крайне полезного хит-парада:

– Стресс от того, что споткнулся. Организм теряет баланс и считает, что его убили.

– Стресс от того, что подавился. Организм считает, что его лишают кислорода и вот-вот убьют.

– Развод.

Я люблю Полю. Очень сильно и по-настоящему люблю. Я готов ради нее на что угодно.

Мне пока очень сложно ее отпустить.

Я не хочу с ней расставаться.

Она от меня ушла.

Я просто заваривал чай, когда она зашла на кухню и села за стол. Тогда я думал, что ничего не предвещало. Сейчас я понимаю, что предвещало всё. Увидев ее грустные глаза, я спросил: «Ну что такое?» И она ответила: «Как обычно». И я парировал: «Надо решать тогда».

Не помню, что она мне ответила, потому что я сел рядом с ней с зажженной сигаретой и больше ничего не слышал. Смотрел перед собой в стол, как истукан и просто погрузился в вакуум.

Я не хочу и не буду ее винить, пожалуй. Точнее, буду, но

потом. Я хочу ее вернуть и не представляю жизнь без нее и не хочу ее больше видеть. Или я не представляю себе жизнь в одиночестве, а без нее просто не смогу?

В наши общие финальные дни я совершил почти столько же ошибок, сколько за все последние годы. Я не слышал ее. Когда она начала терять ко мне интерес, я закрывал на это глаза или она мне на это глаза не открыла. Но, судя по нашему предпоследнему разговору до шести утра, «наши отношения ее тяготят». Тяготят отношения. Город. Серый город. А внутри серого города я. Недвижимый я. Добрый, милый, прекрасный партнер и друг. Но не мужчина. Не мужчина, которому нужна поддержка и связь. Друг. Партнер. Давненько «мечтал» такое услышать.

***

– Мать так ее полюбила, – отец абсолютно спокоен. И это пугает. Обычно в сложные моменты он паникует, вращает глазами, бегают по квартире и вопит. Хотя то, что у его единственного сына рухнул брак, вряд ли можно назвать «сложным моментом». Скорее «ад», «апокалипсис», «конец света», но никак не «сложный момент». В любом случае, отец спокоен. В его руках тлеет сигарета. Он сидит за столом, уставившись на стену. Сидит. Не бегают. И спокойно говорит слова, сопровождая их клубами дыма. Спокойно говорит. Спокойно курит. Спокойно сидит. И это пугает.

– Сука, – делает он лаконичный вывод. А у меня даже нет сил пошутить, кого именно он назвал «сукой» – мою быв-

шую жену, мать, о которой он только что вспомнил, жизнь, кошку, которая случайно роняет с подоконника блюдце или же вообще меня.

Мне почему-то сразу становится стыдно перед отцом. Не оправдал. Не достиг. Не смог. Опять не получилось. Прости меня, папа. Я так хотел быть похожим на тебя, но я не виноват в том, что все детство у меня перед глазами была картинка семьи из разряда «раз и навсегда». Мои родители сидели в школе за одной партой, после этого поступили в один и тот же институт. На третьем курсе они поженились, а на четвертом родился я. Если бы Лиза не уехала в Москву после выпускного, я бы тоже сделал так. Я бы сделал так, как ты, папа. Но у меня не получилось. Опять не получилось.

***

Четверть двенадцатого. Старый новый год. Ненавижу зимние праздники.

И вот я сижу у себя дома на новом диванчике, курю. Зачем мне этот диванчик, зачем Полина заставила меня его купить за неделю до того, как ушла? Не получилось сократить количество сигарет, опять почти пачка за сутки. Хотя нет. Удалось. Еще неделю назад было почти две пачки.

Скоро развод.

Жутко хочется тепла и ужасающе пугает возможность новых отношений когда-нибудь. Мне очень тяжело. Я не понимаю, почему. Потому что меня бросили? Да. Потому что мне вралли? Вероятно. Но больше всего мне больно и тяжело от

того, что ничего не получилось, а я не могу просчитать, когда она перестала меня любить и любила ли вообще. Я не знаю, что она и кому рассказала, и мне на это наплевать, если честно. Я знаю, что я всегда был с ней честен. И другого мне знать не надо.

Как ни странно, уже получается многое анализировать. Я знаю, что я сделал не так. Но я так же знаю, что прошлое на то и прошлое, что прошло и надо попробовать начать строить нового себя. Я не затаиваю, не загниваю, веду себя как обычно: много курю, сижу в сети и смотрю телевизор.

Сегодня я проспал десять часов с перерывом в час. Проснулся ночью с комом в горле и был готов плакать или умереть. Не стал. Потом были ужасные сны, в половине из которых Поля меня бросала.

Но после этого я проснулся в полдень в бодром и спокойном расположении духа.

А потом пошел разглядывать вещи, которые она не забрала. Зачем-то оставила серую кофту, старый зонтик, а в сумке под столом – куча ее домашней одежды. Вчера Глеб предложил сжечь эти вещи, а его жена Наташа засмеялась. Пока не буду этого делать. Надеюсь, что вернется? Уже не думаю, что хочу этого.

На столе лежит блокнот. Тот, который я купил Полине на день рождения. Почему-то только сейчас, смотря на него, я начинаю понимать, как ей было тяжело. От всего. И не знаю, как она так долго держалась. И больше всего не понимаю –

зачем.

Кстати, забрала все кольца, что я ей дарил. А обручальное оставила. Не понимаю, почему. Может и задам вопрос. Но только если напишет первая. И когда напишет, отвечать ей я, конечно, не буду.

Практически уверен, что думает обо мне. Все время думает обо мне. Потому что люди не меняются. Или меняются? По телевизору прозвучала фраза «зона комфорта». Прелесть какая.

Мне надо научиться самому управлять своей жизнью. Как это сделать – пока не очень понятно.

На кухне открыто окно, потому что я курю в комнате. Оттуда веет холодом, уже все ноги промерзли насквозь.

До Доктора Ани не дозвониться и немного хочется спать. А спать страшно.

Вчера заезжали в гости Глеб с Наташей. Ребенка они предусмотрительно оставили у бабушки. Когда я попрощался с ними у своего дома и пошел к парадной – так захотелось плакать, сил нет. Люди иногда принадлежат людям. Это то вымораживает, то радует, то отходит на задний план. У них, кстати, тоже не все гладко: то Глеб находит новую девушку, то возвращается в семью. А иногда он уезжает в деревню недели на две и никто, даже я, не знает, чем он там занимается. Когда я думаю о том, что он сидит в деревне в тишине, где-то глубоко в душе появляются отблески надежды, напоминающие о кайфе одиночества. Можно поскорее,

пожалуйста?

Я открываю книгу, которая лежит на полу. Оказывается, это сборник Маршака. Подсознание подсказывает, что надо погадать, я открываю томик на середине и вижу «Ищут пожарные, ищет милиция». Дальше мне читать уже не хочется, да и наизусть я все помню. Поэтому я просто начинаю плакать.

Вчера вечером, когда Глеб пытался привести меня в чувство, я заметил, что Наташа – будто его тень. Не потому, что она такая же высокая как он, а потому что ее можно не заметить, если пристально не смотреть. Весь вечер сидела, пила чай. Иногда хихикала, если Глеб шутил. Никакой поддержки от нее я лично не получил. И с Полиной она, кстати, так и не подружилась. Может быть ей вообще на меня плевать?

– Так если тебя родители в детстве научили, что раз и навсегда, что ты можешь поделаться? – Глеб рассказывает мне очевидные вещи, которые понятны даже, наверное, Наташе. – Они всю жизнь вместе были. Прямо вот как в книжках: пока смерть не разлучила. Ты даже если сам так не хотел, ты все равно так хотел, неужели ты не понимаешь?

Голос Глеба как обычно спокоен. Даже крушение семьи его лучшего друга не вызывает никаких эмоций. Хотя то, что для меня – крушение, для него, вероятно, будни. Еще месяц назад ссора с Наташей была повесткой каждого нашего с ним разговора. Теперь же он – семья. Видал, дружище, даже у тебя рухнуло, а у меня – вон, сидит, чай пьет. И молчит.

Вот такая семья. Крепкая, сильная. Настоящая. Интересно, а Наташа тоже так думает? А все его любовницы?

– Это все в детстве закладывается, чтобы как в книге – листочек к листочку, скрепившись. – повторяется Глеб, отрывая свою внутреннюю энциклопедию очевидного и вероятного. – Не убий, не укради. И семью себе заведи. Чтобы вплотную. – Он игриво двигает бровями, берет со стола маленькую коробку, трясет ею над головой как бубном и заговорщицки шепчет. – Канцелярские скрепы.

На следующее утро я принимаю четкое решение, что хаос, владеющий моей жизнью, закончится в тот же день. Я даже причесываюсь, впервые лет за двадцать. Как на праздник.

На развод.

Я проснулся новым и почти свободным человеком, но при этом все ещё женатым. Этот вопрос нужно решить как можно скорее. Как интересно получилось: Полины уже нет рядом, но я все равно делаю что-то для нее. И за нее. Все повесили на меня. Или я повесил. Теперь уже не так важно. Я выхожу из квартиры. Я выхожу из дома. Я сажусь за руль автомобиля. Я выезжаю из двора. Я еду по дороге.

Из оцепенения меня выбивает звук клаксона. Он такой громкий, что будильник, выдергивающий меня по утрам из тревожного сна, на его фоне кажется комариным писком. Мне в лоб летит КАМАЗ.

То есть самый настоящий КАМАЗ. Огромный, старый, с оранжевой кабиной. Я резко выкручиваю руль в сторону пра-

вой обочины, не успев даже мысленно выругаться.

Интересно, сколько я ехал по встречке? И как мне повезло, что на дороге так мало машин. Абсолютно пустой мозг никак не может угнаться за адреналином, подступившим через мгновение, и я не понимаю, чем забить голову, чтобы успокоиться. Голова пустая, пустая, пустая. Попытаться убедить себя радоваться тому, что жив? Да кому нужна такая жизнь. Я на всякий случай ощупываю свое лицо. Вроде бы все на месте. Ну что ж, выжил, а теперь езда и разводись.

Я еду по дороге.

Подпись. Печать.

Улыбка девушки. Ух ты какие очки! В роговой оправе. Интересно, из чьих рогов она сделана? Надеюсь, не из моих.

Я выхожу из кабинета. Я выхожу из коридора. Я выхожу на улицу.

Мне тяжело дышать. Мне почти не вдохнуть. Мутит со страшной силой. Взмок, сердцебиение ускорилося, ноги-руки ледяные, задыхаюсь. Я вспоминаю, что у моей прабабушки была жестокая астма каждую весну и в панике пытаюсь просчитать, может ли заболевание проявиться не с самого детства, а через несколько десятков лет. От врача во мне только шепотка генов давно умершего деда, поэтому каждый виток размышлений приводит все к большей панике, и я начинаю безудержно кашлять.

Первая паническая атака случилась у меня в возрасте лет двадцати трех, аккурат под новый год. Тогда я еще не мог

понять, что это такое. Переутомление на работе, неуверенность в себе, постоянный стресс, недосып и огромное количество алкоголя сделали свое дело. Тридцать первого декабря, в гостях, я обнял друзей, сел в кресло, поскольку закружилась голова и начал отключаться. На секунду показалось, что я умираю, но не было ни страха, ни паники. Они пришли через пять минут, когда ко мне подлетел боевой товарищ и с воплями утащил на кухню, где разболтал сухой витамин С в стакане воды и приказал выпить залпом. Помогло, черт возьми, даже виски до утра умеренными количествами употреблял.

Но шло время, а остатки счастья прятались все глубже. На смену институту пришла работа, на смену Свете пришла Полина, на смену радости пришел алкоголь. Врожденная закрытость характера, негативные эмоции, улыбки в лица неприятным, но важным людям при отвратительном расположении духа, граничащем с депрессией – все начало накапливаться и потихоньку искать выход. Все это время в фоновом режиме брезжило воспоминание, что примерно от такого же образа жизни скончался дед, который никогда не давал выход своим чувствам, а последние лет десять своей жизни запил. Переживания и отсутствие поддержки от «самых близких» (одна часть из которых не знала, что происходит, а вторая часть только фыркала на жалобы) продолжали складывать маленькие монетки в копилку «бескрайних» нервов.

Улица. Никаких частей близких, никаких близких, нико-

го. Я один. В детстве я любил рисовать знаки препинания. И вот меня уже выгибает в форму вопросительного знака, и я чувствую, что меня выворачивает, но я не ел уже два дня, поэтому облегчения не приходит. Меня тошнит, у меня кружится голова. Ноги становятся ватными, но я почему-то не падаю. Скорее всего со стороны это выглядит забавно: утро, будни, на окраине города около дворца регистрации браков стоит одинокий лимузин с обручальными кольцами на капоте и одинокий я, уже в виде буквы «Г», как будто принимая решение, разогнуться или наоборот свернуться калачиком и лечь на землю. Нас обоих припорошивает снегом, и мне кажется, что мы похожи с автомобилем – он тоже таскал в себе людей, а теперь, как и я, стоит пустой и никому не нужный.

Один. Пустой.

Один.

Уже не чувствуя сердцебиения, направляюсь к своему автомобилю. В одном кармане – скомканное свидетельство о разводе, в другом – скомканное свидетельство о несостоявшемся счастье: записка от Полины, написанная на кусочке крафтовой бумаги, которую она сунула мне в карман, когда мы только начинали жить вместе. С тех пор я всегда носил этот листок с собой.

Там написано: «Я тебя жду дома».

***

Каждое утро я просыпаюсь с пустой головой, как будто предыдущего дня не было. Или словно грядущего дня не бу-

дет, пока не понятно. Совершенно не появляется ощущения нового начала, всегда все знаю наперед: за каким действием какое последует, сколько чашек чая выпью перед тем, как выйти из дома, как буду чистить зубы, какую рубашку наде- ну. И каждое утро, каждое чертовое утро у меня перед глазами Полина и наше с ней знакомство.

Бывают дни, когда выкинуть ее из головы не получается ни на секунду. Я пытаюсь переключиться, смотрю фильмы, разглядываю фотографии других девушек в интернете, выхожу на улицу, пялюсь в лица прохожих, рассматриваю лю- дей в транспорте, но в каждом втором я вижу ее лицо. Ино- гда это пугает, но все чаще вызывает только легкую грусть. Грусть, о чем – пока не слишком понятно.

Говорят, ощущения после расставания похожи на качели или американские горки. Но нет, это настоящая карусель. Карусель, вокруг которой расставлены люди и события из моей жизни. И пока на три четверти она состоит из карти- нок с Полиной, и лишь в четверть круга влезает вообще все остальное, что со мной происходило.

Один день проще. Другой день тяжелее. Один день легче. Другой день очень плохо. Потом опять проще.

С Полиной, кстати, все было классически просто. Лиза уехала. Света ушла. Бог троицу любит, уже начал шутить Глеб, забывая, что с Лизой мы были всего лишь друзьями. Мы только-только зашли с Полей из параллельной группы в «Честный», и тут вот пожалуйста:

– Он старше, сильно старше. Он реально на десять лет меня старше. – она стала говорить вполголоса, как будто боялась или стеснялась своей историей. – Мне мама всю дорогу говорила: мужик хороший, ты чего, работа есть стабильная, серьезный. Начальник, наверное. Ты что размышляешь? Хватай! А он, оказывается, врал. Сначала врал о том, что на машину сам заработал, потом – о том, что по службе продвижение и потому сидит в офисе долго. А на деле к своей этой Настьке сбежал. К жене своей. Да. О том, что он женат, тоже не говорил. А я влюбилась в него, верила. Представляешь? Маме рассказываю, а она: да брось, уйдет он от нее, ты же лучше гораздо, да и моложе. А я и верила. И ждала. Уже имена нашим детям придумала. Такой он красивый. Да что я тебе говорю, ты же мужик, ты красоты мужской не поймешь. Он врал. А я верила. И вся ему открылась, все о себе рассказала. О том, какой в детстве была, о каждой мечте своей. О том, чего боюсь, о том, как с папой стало сложно говорить, когда он от мамы ушел. Все ему выложила, – голос Поли дрожал с каждым словом все сильнее. – А он растоптал. Взял и растоптал. Каждую частичку наружу вытащил, разорвал и растоптал. И сверху плюнул. И бросил. И все. И нет меня. И зачем?

Сколько эмоций. Откуда столько эмоций? Такая красивая, нежная девочка, за что он ее так? Зачем он ее так? Ее же в карман к себе хочется посадить и носить в нем, чтобы под дождем не намокла. Чувствует как. Таскает в себе, как

будто сама бережет и отпускать боится. Разве можно с ней так? Вот зараза, еще и кареглазая. Как Светка. Я затянулся сигаретой сильно, глубоко, как будто всю целиком в себя втянул. А потом выплюнул дым и начал говорить. Я говорил, говорил, и мне было не остановиться. И я уже не понимал, кому я это: Полине или самому себе.

– Знаешь, вот это все, то, что произошло – этого ты не заслужила. Ты вполне права, что я ничего не знаю и не уверен, что мне надо это знать. Говорят, что у каждой истории есть три стороны: твоя, моя и правдивая. Так вот, мне вполне хватает двух сторон из трёх для выводов. Ты не заслужила к себе такого отношения, ты не виновата в том, что за твой счёт он повышал свою самооценку, ты не виновата в том, что все равно верила, это не твоя проблема, что люди сами не знают, чего хотят и это не твоя задача эти вопросы решать.

Я все вижу довольно просто, двумя глазами: тебя очень легко любить, но тебе очень нелегко соответствовать. Вывезти нелегко. И ты сейчас усмехнись, покачай головой, опровергни, а теперь слушай дальше: вывезти нереально тяжело. Ты этого не чувствуешь, ты считаешь, что это не так, а это страшно. Потому что человек смотрит на тебя, человек влюбляется в тебя, человек узнает тебя поближе, и вся твоя коллекция качеств, которую он изучает с течением времени, она может легко от него ускользнуть, потому что соответствовать тебе нелегко. Потому что не понятно и не верится, что может быть все по-настоящему и честно. Потому что со-

перничество –страшно, потому что всегда может появиться кто-то получше, кто заберёт, потому что юмор, внешность и мозг неординарны и черта с два этому сможешь соответствовать. А ты еще и моложе его на десять лет. Он же боялся тебя потерять, это же очевидно!

Это огромная несправедливость, что происходят вещи, которые могут надломить. Огромная. Но это реальность, другой она не будет. Учись с этим жить. Поговори с подружками о том, что теперь не можешь нормально верить людям.

Я знаю, что это такое, я понимаю, что это такое, когда жрет изнутри, я знаю, как это, когда в желудке появляется дыра, а потом вдруг приходят кашель, ком в горле, сдавленное дыхание на фоне абсолютного здоровья. Это тяжело. Это неприятно. Это плохо.

И это можно преодолеть.

Можно не есть, не спать ночами, чувствовать себя ничтожеством.

И преодолеть. Самой, самой преодолеть.

И это не сила. Это просто жизнь. Этот навык нужен, чтобы беречь, а не уничтожать себя. Чтобы жить и стараться радоваться. И чтобы потом, когда получится, взять и поверить.

Мне очень жалко. Мне очень горько и тяжело.

И я знаю, что ты справишься.

Потому что я в тебя верю.

Последнее слово я уже не сказал, а прошептал, потому что она вытерла слезы и поцеловала меня. Впервые поцеловала

меня.

Прошло столько времени, а я как будто все тепло отдал Поле, и себе ничего не оставил. Все искал, искал, не понимая, чего не хватает. А тут вон как просто – тепла. Я на кухню захожу, окно закрываю, батарею на максимум выкручиваю, а все равно тепла нет. И так каждый вечер. Каждый вечер.

Каждый вечер на кухне полумрак. Откровенный такой полумрак, как в детстве иногда пожирал, как в детских кошмарах. Будто из-за занавески пробивается лунный свет, но он не голубой и не холодный, а просто целиком черный. Поэтому полумрак. Полусветом такое не назвать. Сажу на стуле на кухне, холодно, полумрак. На шкаф смотрю, а он мне снится как будто. И страшно до жути. И проснуться очень хочется. А я не сплю. И сидеть так неудобно. Две недели назад Глеб сел на этот стул и стал качаться. Ножки расшатал. А я не починил. Сел и сажу. Неудобно.

Неудобные стулья. Всю жизнь неудобные стулья. Стулья и диваны, одежда, табуретки, кровати, люди, шапки. Неудобно. Не нравится. Почему не сделать удобно? Почему не пересесть? Как будто сам себя наказываю. Зачем мне это? За что?

***

Не могу, не могу есть. Не хочу, не могу есть. Ходить, ходить. Куда угодно ходить. Вот как умеешь – так и ходить. Ногами ходить. Чтобы шевелиться. Главное – не сидеть. Свеже-

го воздуха, не дома сидеть. Ходить. Идти, чтобы делать хоть что-то, только не в квартире сидеть.

Я в четырех стенах провел две недели. Пропась глубиной в четырнадцать дней. Иногда, казалось, сутки напролет не двигался. Двигаться не хотелось и было страшно. Только ноги на пол спускаю – сразу голова кружится. Полное ощущение, что упаду, а вот встану после этого или нет – это вопрос. Но проверять не каждый день хотелось.

Ел я за это время раза четыре. Может быть пять. После второго считать перестал. Думать о еде и о том, как она попадает в рот, не хотелось. А когда хотелось, спал. Или казалось, что спал. Во всяком случае, еда мне не снилась.

Ох, какой воздух свежий. Головокружительный и ненадежный. Опять голова качается. Или это земля качается?

Нужно было всего лишь встать с кровати, надеть на себя какую-то одежду, а потом найти ключи. Это заняло около трёх часов. Как интересно, настоящая заместительная терапия! Если сбоят, то вообще все. Даже голова. Чтобы она думать не могла.

Интересно, я потерял вес? Главное, что себя не потерял. Во всяком случае, весы я не нашел. Я не нашел весы в однокомнатной квартире. Кому расскажу – вот смеху будет! А может быть я их выкинул? Прямо с Полиной одеждой взял и выкинул. Тогда, когда силы были. Две недели назад. В прошлой жизни.

Отец почему-то не звонил. Наверное, у него все хорошо.

Ну, конечно, сын не в себе, а ему-то что. Все у папы отлично. Вообще человек не страдает.

Идти, идти. Идти, чтобы ходить. Чтобы хоть что-нибудь, но только дома не сидеть.

Надо же, как холодно.

Глеб почему-то не пишет. Наверняка испугался за меня. Хотя, если бы испугался за меня, то писал бы. Или скорее бы даже звонил. Значит он испугался меня. Ну ничего, ничего, дружище. Где наша не пропадала! Позвонишь ещё. Или я сам позвоню. Так ведь интересно, что там у тебя. У меня вот ничего, сидел один, иногда телевизор пытался включить. Получалось через раз. Нелегкие, нелегкие времена. Но ты не бойсь, все путем. Мы ещё с тобой побарагозим. Как в старые-добрые. В жизни позапрошлой.

Чего-то много воздуха как. А людей, кстати, мало. И славно. Не надо людей. Вот не хочу сейчас людей. Пусть бы я сам.

Дедушку вспомнил. Будь, говорит, мужиком. Да я и так, вроде, не девочка, дедуль, только как это – мужиком быть – ты почему не объяснил? Мог бы рассказать ведь, но не рассказал. Не успел? Понимаю, понимаю. Столько всего было, а такую мелочь не успел. Ну не беда, наверстаем. Когда-нибудь. Через недельку. Или год.

Надо же, я ходить умею. И не задыхаюсь даже. И одышки нет почти. Иду сам, своими ногами, по земле. Иногда по асфальту, правда, у нас тут район такой: то земля, то асфальт. Но это ничего. Ноги на месте. Иду вот.

Отвлекаюсь. Удивляюсь, какое целительное свойство у кислорода. Ну ничего себе, прочищает как, плечи аж расправляются, чувствую, что жить могу. Не хочу пока, но могу, могу прямо. По-настоящему могу. Хожу, дышу. Полину вспоминаю. Это ещё мне зачем? Организм, ты чего? Паниковать перестаешь? Оборонительная тактика сменилась? Ничего. Переживём. Все переживём. Семь лет коту под хвост. А все опыт. Бесценный. Бесценный опыт бесцельно прожитых лет. Зачем мне это все? Почему вспоминать стал?

Сигарет надо купить. Эх, и хлеба в доме нет. Вообще ничего нет, все закончилось! А погода-то какая хорошая. Разноцветная какая! Надо папе скорее позвонить, а потом Глебу. Но сперва надо, пожалуй, зайти куда-нибудь, передохнуть хоть немного. И что-то так поесть захотелось.

***

– Ты где был? – спрашивает отец, по привычке не здороваясь. Он всегда так звонит: не здоровается и не прощается. Бывает и так, что только начав очередную фразу я понимаю, что отец бросил трубку. Как истинный интеллигент бросил трубку не только не попрощавшись, но и не поняв, что я не закончил разговор. Или поняв. Он всегда выходит победителем из любой, даже непродолжительной беседы: оставляет последнее слово за собой.

Он звонит мне на стационарный телефон. С одной стороны, это довольно ярко его характеризует, с другой – это оптимальный способ проверить, дома ли я. Если бы он звонил

на домашний, пока я ходил по улицам, у него был бы козырь в виде переживания за сына. Но он мог бы и на мобильный позвонить. Но не позвонил. А теперь звонит. Мог бы и поздороваться.

– Гулял.

– С кем гулял?

Это на самом деле происходит?

– Пап, какая разница, с кем я гулял?

– Отвечай. Это закрытый вопрос.

– Да.

– Что «да?»

– Это мой ответ на твой закрытый вопрос.

– Я тебя спрашиваю, где ты гулял и с кем.

– Пап, мне тридцать лет.

– Тебе не тридцать лет.

– Хорошо, мне почти тридцать лет. Ты мог бы привыкнуть к тому, что я самостоятельный мужик?

– Ты мог бы говорить, куда и с кем ты ходишь!

– Ты серьезно сейчас?

– Еды купи.

– У меня есть...

Гудки. Отец опять бросил трубку, но на сей раз даже не обидно. Ненавижу врать отцу. Холодильник же пустой.

3. Глеб

Мы с Глебом двигаем шкафы. Какая-то знакомая рассказала ему, что для того, чтобы справиться с сильным стрессом, нужно сменить обстановку и заняться физическим трудом. Поэтому он решил помочь мне сразу во всем: и тяжести потаскать, и картинку перед глазами изменить. Разговор не клеится. Отвечаю я неохотно, но он не сдаётся. От обсуждения футбола мы перешли к музыке, а затем к отношениям в семье. И вот здесь Глеб решил задержаться, ведь он считал себя гуру в решении проблем межличностной коммуникации людей, которые давно и бесповоротно друг от друга устали. Хорошо хоть он задаёт наводящие вопросы:

– И что главное?

– Вера, надежда...

– И круглые сутки включенный телевизор. Ты что несёшь? Ты же только что был женат. Только что. Ты помнишь, что я тебе говорил?

– Помню. Не ной, если...

– ... выбрал не тот путь, – хором со мной завершает фразу Глеб. – Правильно. Но никто же не заставляет выбирать не тот путь. Никто вообще не заставляет тебя сейчас ничего выбирать. Остынь. И вообще, посмотри на ситуацию со стороны: у тебя полно причин для счастья. Квартира, машина, прекрасная работа. Не очень здоровые, но очень живые ро-

дители. Полно причин...

– И ни одна из них не работает, – я аж вздрогнул от осознания собственной правоты. И вправду: есть все, что необходимо для среднестатистической счастливой жизни. Все есть. И это «все» не делает ни капли счастливее. Ничего этого не нужно.

– Да а какого черта не работает? У некоторых нет и половины того, что есть у тебя.

– Ну ты мне еще про голодающих в Африке напомни! У кого-то нет половины, у кого-то нет ничего. А у кого-то есть все. Не помнишь, как ты недоумевал, когда Честер покончил с собой?

– Помню! У человека было не просто все, а трижды все! Что таким людям еще-то нужно? Не понимаю.

– Да и не дай тебе Бог хоть на секунду понять, что у «таких людей» происходит в душе. – вот теперь меня было не остановить. – Ты можешь представить себе, чем одержим человек, у которого есть супер-популярная и коммерчески успешная группа, с которой он колесит по всему свету и зарабатывает все деньги мира, у которого сотни миллионов фанатов, мультиплатиновые альбомы, жена-красавица и шестеро детей, но при этом ему плохо и ему этого всего не надо, если у человека есть вообще все, но ему от этого не лучше? Надеюсь и не поймешь. Ведь это же настоящий ад! А тот, кто орет «у тебя же все есть, чего тебе еще надо» – это либо несведущие, либо просто дураки. Я абсолютно уверен, что

так заявляют те, кто не представляет себе, что такое душевное заболевание. К сожалению, таких в мире немало. Хотя, почему «к сожалению»? Скорее «Слава Богу». Если у человека настоящая депрессия, у него нет желания даже встать с кровати и дойти до туалета. И на такие шаги, как прием препаратов или самоубийство решаются только те, у кого есть на это силы.

– Справедливо. – Глеб грустно кивает. Он уже включает Linkin Park на своем телефоне.

– Выключи сейчас же. Точнее нет. Стоп. Поставь лучше Криса Корнелла.

Некоторое время мы молча слушаем грустный голос в записи. А потом я продолжаю:

– Вот как так сложилось, что человек всегда рассказывал обычные вещи через тяжелую музыку? При этом подача настолько проста, что и разьяснять-то нечего. Такое чувство, что у человека были тексты на абсолютно любой случай жизни и для абсолютно любой ситуации. Тридцать лет непрерывного создания музыки, совершенно разной, непохожей ни на что и задающей темп росту все новых и новых поколений, становящейся стандартом и эти же стандарты ломающая. И цитировать можно вечно, каждую строчку. Потому что там – обо всем.

Глеб активно кивает и закуривает очередную сигарету. А я продолжаю:

– Каждый раз, когда в сети встречается фотография, имя,

любое упоминание Корнелла, я вспоминаю один его ответ на вопрос в интервью начала двухтысячных. Недалекий журналист спросил: «Каким же образом вам удастся быть релевантным со своим творчеством на протяжении стольких лет?!» А Крис улыбнулся и сказал: «Мне просто очень-очень грустно. Всегда». – я задумался и добавил. – Было грустно. И молчал. А почему? Может быть потому, что не знал как правильно: просить о помощи или терпеть дальше... А если и знал бы, все равно бы сделал иначе.

– Ну ты же помнишь: мы все учимся на своих ошибках, а потом повторяем их снова, – подмигивает Глеб.

– Это чтобы закрепить пройденное, – отзываюсь я.

Некоторое время мы молча пьем кофе.

– Но, если я когда-нибудь решился бы покончить с собой, это был бы прыжок с крыши. Пока падаешь, успеваешь передумать десять раз. А вот закричать, думаю, не успеваешь. А ещё говорят, что в такие моменты перед глазами проносятся жизнь.

– Ага. – Глеб начинает улыбаться. – А потом бы на место приехали журналисты, репортёры, блоггеры всякие...

– Да, и об этом бы точно написали в «Известиях».

– Где написали бы?

– На «Фонтанке», на «Фонтанке» написали бы.

– Или примчал бы какой-нибудь ТВ-3 и снял бы сюжет о том, что какого-то долговязого мужика на севере Санкт-Петербурга пытались достать через окно инопланетяне, но их

космической силы не хватило, чтобы затащить его на летающую тарелку, таким он был тяжеленным.

– А потом бы и НТВ подхватили. – я попытался изобразить гнусавый голос телерепортера. – В районе Юнтоловского заказника наркоман со стажем по имени Г. решил свести счёты с жизнью из-за невиданно крупной кредитной задолженности.

Глеб уже рыдал от смеха. Я закурил сигарету, чтобы перевести дух.

– Уфф. – вытер слезы Глеб. – Интересно, а ТВЗ ещё существует? Их создателям как живется? Хочется жить?

– Слава богу, я не понимаю, как может «не хотеться жить», тем более, если более-менее здоров и почти ничего не болит, – отвечаю я только на последний вопрос. – Грустно бывает. Тяжело бывает. Практически невыносимо бывает. Но пока мы живы, да еще и можем себе позволить рассказать об этом друг другу – это счастье. Настоящее, огромное счастье, которое досталось нам бесплатно. Да еще и взамен почти ничего не требуется отдавать. Я только недавно понял: даже когда все из рук вон плохо, даже когда нет сил подняться с кровати, сделай усилие: порадуйся тому, что ты дышишь. Все рестораны-машины-шмотки – это условности. Все заграницы-морья-поля – это блажь. Это же вообще несложно! Научиться видеть радость даже в снегопаде и гололеде! Ведь так настолько легче дышать. Даже в душном офисе!

– Тебе нужно мотивирующие самоучители писать, – Глеб, кажется, впечатлен моими монологами в последнее время.

– Ага. Только не про семейную жизнь.

Глеб улыбается и смотрит в окно. По всем признакам, он вот-вот выдаст судьбоносную фразу. Ну или ему она будет казаться судьбоносной:

– Если ты поймешь, на самом деле поймешь, а не просто подумаешь, что понял, насколько ты замечательный человек – тебе не надо будет за счет своих чувств давать самоутверждаться кому-то еще...

– Как же здорово, что ты сказал «если», а не «когда», – отвечаю я.

4. Лиза

Губы у Лизы ярко покрашены красной помадой. Или даже бордовой. Темно-темно красной. Не представляю, как называется этот цвет в секретной женской палитре. Меня предупреждали, что такая помада обычно не к добру. Страшно подумать, какого цвета ее белье.

Она сидит на пассажирском сидении и смотрит в окно. Кажется, что она не моргает. И почти не дышит. Если бы был полдень, я бы подумал, что мы едем на свадьбу. Но на циферблате два часа утра и, по всей видимости, мы едем расставаться.

Хотя как можно расстаться, если вы и вместе-то не были? Если изначально как-то удачно договорились, что это – что угодно, но не отношения. Нет никаких «нас», мы не вместе, но мы и не дружим. Зачем вообще вешать ярлыки и придавать статусы тому, что происходит, и кто это придумал? «Значит мы любовники!» – однажды объявит она. «Звучит как-то не очень», – мысленно отвечу я, улыбаясь в ответ. Пусть будет так. Пусть будет так, как ты считаешь нужным. Пусть уже будет хоть как-нибудь.

Но ведь расстаться можно только если мы вместе. Значит мы были вместе. И кого в этом винить, если не себя самого?

На мое счастье, у меня как раз был такой виновный. И звали его Руслан. Во всем виноват Руслан.

Успешный предприниматель, образцовый семьянин, раньше он любил рассказывать друзьям, как устает от того, что каждый вечер приводит домой новую девушку. Ему мало кто верил, но никто об этом не говорил: уж больно Руслан был спортивным и спокойным. И это не подкупало. Это пугало.

– Ты такой хороший человек, но слишком уж мягкий, – говорит он, глядя куда-то в сторону, словно я беру у него интервью, а не рассказываю о бессоннице. В руках он держит шариковую ручку. Держит спокойно, уверенно, будто в любой момент готов не моргнув подписать дарственную или атаковать ею врага. – Почему ты прогибаешься-то под людей? Ими нужно пользоваться. Нашел, забрал себе, не понравилось – выкинул. Понравилось, через неделю все равно выкинул, и получше найдешь.

– Дружочек, ты сейчас о чем, о приеме на работу?

– Да обо всем! – Руслан бросает ручку в меня. Я ее, конечно, не ловлю: она обидно ударяется об мое плечо и падает на стол. – И о приеме на работу, и о людях вообще, – он видит мое изумление, но продолжает, не обращая внимания. – Когда ты последний раз приводил кого-то в свой дом на один день, а лучше на одну ночь? Никогда? Самое время. Тебе тридцать. Когда, если не сейчас? Как там говорил твой отец?

– Мы тебя воспитали хорошо, но неправильно, – мямлю я.

– Большой привет ему при случае, – Руслан откидывается в кресле и довольно смотрит на меня как на ребенка, на

которого даже голос повышать не надо. Но вовсе не потому, что все понятно, а потому что он уже знает: я пойду и сделаю все так, как он говорит, даже если я этого не хочу.

***

Дороги пустые, но мы с Лизой едем медленно, словно смакуя каждый километр шоссе. Мне хочется включить какую-нибудь странную музыку. Но патетики и так хватает, так что мы просто едем в тишине.

– Я встретила другого.

Ее голос звучит так неожиданно, что я вздрагиваю. Другого. Странно. Облегчение одновременно с завистью и странным чувством несправедливости. Как это «встретила другого»? Я же должен был воспользоваться твоими чувствами и прогнать тебя прочь! В машине прохладно, но я чувствую, как кровь приливает к лицу и становится душно. Я открываю окно и в салон залетает остывший воздух. С каждой секундой становится все холоднее. Сам того не осознавая, я все сильнее давлю на педаль газа.

– Как его зовут? – зачем я это спросил? Неужели меня это действительно интересует? Еще и горло пересохло настолько, что вопрос прозвучал будто из болота.

– Аркадий.

Спасибо, господи!

Я роняю сигарету себе под ноги, мастерски паркую автомобиль в неполюженном месте и начинаю шарить руками по коврику. Как же здорово, что Лиза не видит моего лица. Оно

приобрело оттенок ее губ – я еле сдерживаюсь от смеха.

***

– Все. Финита. Она ушла от меня. Представляешь, сама ушла! К Аркадию!

– К кому? – удивленное выражение лица Глеба стало таким привычным, что уже не вызывает эмоций. Его вечно неколебимый взгляд являлся символом стабильности, мужественности и сдержанности в любые, даже самые сложные времена. Казалось, что вот начнется война – и он с таким же спокойствием схватит первый попавшийся предмет и побежит на фронт. Ему расскажут, что его дом сгорел – он лишь коротко кивнет. Спасение котят из пруда, признание в любви, похороны родственника – все это не стало бы для него причиной хоть как-то разнообразить мимическую палитру. Но сейчас он удивлялся. В очередной раз.

Меня опять начало распирает от смеха.

– Я долго пытался придумать более смешное имя. То есть Глеб – тоже так себе, согласись. Но Аркадий! Кто в своем уме назовет в XXI веке ребенка Аркадием?! Кадик!

– Справедливости ради, назвали его так еще в прошлом веке, – лицо Глеба снова приняло безучастный вид. – Понятно все. Лиза твоя целиком зависела от счастья, от эмоций другого человека. Ты – ее единственный источник выработки эндорфинов. Если по какой-то причине у тебя прекращается выработка – получается два несчастных человека. Ибо поток иссяк. Она крепко сидит на этом потоке. И

тут она выступаете уже в роли просящего, а ты – в роли донора. А вот если вы на равных, то помимо тебя у нее другие источники для получения этих гормонов. Хорошая работа, увлечения, мир не сосредоточен только на одном человеке. И если у одного какие-то проблемы с выработкой, то можно какое-то время посидеть на одном источнике, но не долго. В этом случае ты не заботишься о ней меньше, вы просто целостнее сами по себе – следовательно какие-то невзгоды можно пройти с меньшими потерями.

Ваши вялотекущие отношения, которые вы даже не называли отношениями – это вообще тупик. Я тебе говорил уже не раз и не два, что к такому тебе она бы привыкла, если бы захотела. Но не захотела. И правильно, кстати, сделала.

– Да не привыкла бы окончательно. Никогда. А если бы и привыкла, возненавидела бы и себя и меня.

– Все к лучшему. – спокойно говорит Глеб, будто о чем-то другом. – Все к лучшему.

***

Лиза была чрезвычайно одинока. Об этом свидетельствовали ее короткая юбка и хищный взгляд. Когда мы встретились в кафе в первый раз после перерыва, сидели долго, но очень странно. Не смотря на то, как она выглядела, держалась она холодно. Говорили обо всем. Она ходила покупать себе одежду. Пили кофе. Потом она пила чай, а я – газированную воду. Не щелкнуло. Вообще не щелкнуло. А говорилось легко и ненатужно. Больше вспоминали школу. Забав-

но. Хорошо, что я сильно устал днем на работе. И поэтому в десять вечера я уже был дома. На прощание (которого долго не хотелось, не совсем понятно, кому из нас) чмокнулись, легко задев друг друга губами. Оба поняли, что так надо. Договорились встречаться почаще. «Почаще» почти сразу превратилось в «каждый день».

Как выяснилось через пару недель, от нее ушел очередной «парень», с которым она еще недавно радостно позировала на фотографии. Видимо, ту, которая стоит сейчас в рамке на тумбе рядом с диваном, она уничтожить не успела. Ну или пока не хотела, оставив на тот момент, когда я скажу ей, что мы официально вместе. Кажется, что мы были рядом всю жизнь. Но на самом деле я абсолютно не знаю ни ее, ни ее семью, ни даже ее увлечений. Я знаю только одно: мне нужно воспользоваться человеком. Так посоветовал Руслан. И мне уже кажется, что мой выбор очевиден и вполне обоснован.

Я смотрю прямо в глаза ее бывшему, который крепко держит ее в объятьях. Кто из них ушел? Кто кого оставил? Он выглядит влюбленным, она смотрится счастливой. У нее на пальце кольцо, которое он подарил ей на день Святого Валентина. Что может быть пошлее предложения руки и сердца, сделанного четырнадцатого февраля?

Игорь!

Ну точно, его звали Игорь. Хотя, почему «звали». Скорее всего зовут. Не думаю, что он наложил на себя руки после расставания с Лизой. Тем более если он сам от нее ушел.

В углу негромко работает телевизор.

– Рынок содрогнулся от внезапного подорожания беконна...

Серьезно? С каких пор в новостях федерального телеканала в прайм-тайм говорят о беконе? И с каких пор я смотрю новости по телевизору?

– Опять они о биткойне. Никогда в этом не разбиралась, – Лиза неспешно заходит в свою комнату с двумя кружками чая. – Вчера рассказывала маме, что мы вместе смотрим новости. Она подумала, что это становится похожим на семью.

Я переключил канал. Какая семья? О чем вообще речь? Я же только что решил быть сам по себе, без семьи, без ответственности и обязательств. Как это произошло?

Прошел месяц с тех пор, как мы разговаривали с Русланом. Как ни странно, он больше ни разу не выходил на связь. Последнее, о чем мы с ним говорили – это работа. Он еле доехал до офиса через снегопад, чтобы обсудить интеграцию какой-то CRM-системы с Владом. Их диалог был очень краток. Руслан спросил о том, как продвигается проект. Влад, как и всегда, покраснел, начал вращать глазами и пробормотал:

– Проект не стоит на месте. Все в порядке, мы набираем обороты.

– Лучше воды пойди в чайник набери. Обороты он набирает, – усмехнулся Руслан. – Ну что, выбрал? – повернулся он ко мне, как только Влад вышел из кабинета.

– Что выбрал?

– Не «что», а «кого». Кого ты позовешь к себе сегодня вечером?

***

Я продолжаю переключать каналы. «Сегодня вечером» состоялось две недели назад. До этого мы с Лизой не виделись лет десять. Случайные встречи в пабе или в торговом комплексе не считаются. Все это время я был счастливо женат. Она, вероятно, тоже в чем-то себе врала. Во всяком случае, я не представлял, чем она живет, пока не случилось судьбоносное «сегодня вечером».

У меня не получилось.

Для того, чтобы кого-то выгнать из своего дома, его нужно сначала туда пригласить. Но «сегодня вечером» я написал ей смс, в котором значилось: «Кофе». Без приветствий, вопросительных знаков и смайликов. Перезвонила она через минуту. Мы даже ничего не обсуждали. Мы не узнали, как у кого дела и не пытались быть вежливыми. Мы просто за три фразы договорились, где встретимся пить кофе в тот же день. Но «сегодня вечером» не получилось. Мы просто выпили кофе.

А теперь я сижу на диване в ее комнате и не понимаю, когда это началось. И мне страшно подумать, чем это может закончиться.

Щелк. Реалити-шоу. Щелк. Новости. Только не это! Щелк-щелк-щелк. Почему в феврале никогда не показыва-

ют футбол по федеральным телеканалам? И почему у Лизы только федеральные телеканалы?

– У меня каждый вечер такое, – словно услышав мои мысли говорит Лиза. – Сижу, переключаю каналы и думаю. Нам не надо видеться. Я не могу без тебя. Мне нельзя привыкать. Я привыкла. Все хорошо. Все плохо. Мне нужна помощь. Мне не нужна помощь. Я хочу с тобой. Я не хочу с тобой. Мы не увидимся никогда. Мы увидимся завтра...

На телеэкране неуверенный мужчина с мягким лицом обнимает грустную взрослую блондинку. На дворе февраль. Какой умник догадался пустить в эфир «Иронию судьбы»? Еще не хватало, чтобы за окном пошел снег.

– Снег пошел, – отвлекается Лиза и начинает улыбаться. – Значит теплеет.

Никогда не думал, что голос человека может звучать уютно. И вот мне уже плевать и на телеэфир, и на Полину, и на Лизин неудобный диван. Сейчас мне больше всего хочется укутаться в тембр ее голоса и остаться так лежать до весны. Или до следующей зимы, чтобы открыть глаза и увидеть, что все на месте: снег за окном, в доме тепло, рядом она и больше не нужно ни о чем переживать.

***

– Прекрати включать Федора Михайловича! Просто покажи мне фотографии и все.

Мы все еще лежим на неудобном диване, будто боясь спугнуть нашу внезапно появившуюся цельность. Пролежим

так еще пару суток, и цельность перерастёт в монолитную неделимость. А там уже и до очередной свадьбы недалеко.

Я открываю на своем смартфоне галерею с фотографиями, которые не решался удалить. На первой Полина смеется зажмурившись, а вокруг летают осенние листья. Я уже не помню, при каких обстоятельствах и даже где это было снято. А если бы и помнил, то поскорее хотел бы забыть.

Процесс уничтожения прошлого своими руками нередко бывает увлекателен. Вещи можно продать, отдать, выкинуть или сжечь. Книги можно сдать в библиотеку. Одежду можно раздать неимущим, украшения отнести в ломбард, а технику продать. Но есть кое-что, от чего не отделаешься быстро и безболезненно, не потратив перед этим несколько дней или, если повезет, часов на воспоминания и рефлекссию.

Я смотрю на фотографии. Вроде все было вот-вот, позавчера. А оказывается, семь лет назад и как будто не со мной. И меня почти нигде нет на снимках. Я либо их делал, либо я делал то, что вокруг них.

Странно.

Влияешь на людей, строишь их жизнь, а в ответ на тебя плюют, уходят, предают, а ты остаешься один. И наблюдаешь за прошлым на фотографиях как будто со стороны. И за настоящим этих людей тоже. Потому что им, вроде, хорошо, но без тебя. Хотя ты их и сделал такими, какие они сейчас. И тебя в это «хорошо» не зовут. Потому что у них свое настоящее. А ты – уже не настоящее. А какое-то игрушечное.

Забывтое. Прошлое.

В соцсети можно удалить «альбом» одним кликом. Говорят, это даже помогает. Раз – и все. Но если фотографии хранятся на телефоне или в ноутбуке, история принимает совсем другой поворот.

– Ты должен вспомнить, насколько это приятно: не чувствовать ничего, когда видишь человека, по которому столько страдал. Сначала ты грустишь, потом ненавидишь его, потом тебе безразлично то, что с ним происходит, а потом не остается даже безразличия, – Лиза говорит с таким чувством, будто пытается убедить в своей правоте не меня, а саму себя.

– Ты именно поэтому не убрала с тумбочки фотографию с Игорем? – зачем-то подтруниваю над ней я. Зачем я это сделал?

– Вообще-то его зовут Егор, – в шутку обижается Лиза. Смотря мне в глаза, она берет рамку, достает из нее фотографию, демонстративно рвет ее на части и с улыбкой бросает на ковер. Я ментально чувствую облегчение. Какой ужас.

Лиза тянется ко мне, чтобы обнять, и только тогда я замечаю кольцо, подаренное Игорем-Егором, на ее пальце.

***

Как можно было уйти от Лизы, я решительно не понимаю. Как можно бросить ее, блондинку с наивным, почти детским личиком, большими голубыми глазами и яркой улыбкой?

В день, который я до сих пор называю «сегодня вечером»,

я еще не знал, что жизнь может меняться сама по себе, прилагаешь к этому усилия или нет. То есть если тебя несет потоком, а ты сопротивляешься, нет никакой гарантии, что тебе удастся выплыть. А если ты складываешь руки по швам, то двигаешься быстрее, но тогда есть шанс, что неприятный отрезок закончится скорее.

Через пару дней после отъезда Поли и очередного визита к доктору Ане, я решил смешать советы врача с собственным представлением о том, как должна проходить моя жизнь. В результате я сделал список из плюсов и минусов, которые касались исключительно меня, а не других людей или самой жизни, которая шла сама по себе будто бы мимо.

Я взял листок бумаги и начертил два столбика. Заполнять плюсы было предсказуемо сложнее, чем минусы.

Плюсы:

1. Высокий.
2. Стройный.
3. Честный.
4. Добрый.
5. Симпатичный.
6. Никогда не изменял.
7. Целеустремлённый.

На момент создания судьбоносной таблицы только половина этих пунктов была стопроцентно правдива. Тем легче было вписать минусы и тем сложнее было остановиться на седьмом пункте.

Минусы:

1. С этим гребаным ростом мне не войти во все двери, в весь транспорт, во все автомобили. Нет удобных стульев и столов. Их не делают для таких как я.

2. Я очень много занимался спортом. Но теперь я очень мало двигаюсь. Никогда не сидел столько, сколько сейчас. Просто жутко боюсь разжиреть и ни черта с этим не делаю.

3. Долбаная честность очень мешает и ссорит меня с людьми. Со всеми. Без исключения.

4. Из-за доброты я страдаю по-настоящему. Потому что требую к себе того же.

5. Я ненавижу свою внешность. Я уже несколько лет рассказываю всем, что мне все равно, но это ложь. Я почти не смотрю в зеркало и не верю никому, кто говорит мне обратное.

6. О том, сколько было возможностей, сколько было впустую потрачено сил на это, лучше не считать.

7. Перфекционизм меня убьет. Я из-за него не сплю ночами. Ну или рак кишечника меня убьет. Пока не понятно.

После встречи с Лизой мне захотелось примерить этот потрясающий и универсальный список и на нее.

Плюсы:

1. Она высокая. По современным меркам она действительно высокая. Всего на полголовы меня ниже, а я невероятно длинный. Почти два метра.

2. Она стройная. Лиза говорила, что ни дня в жизни не за-

нималась спортом. К тридцати годам она каким-то образом выглядела лет на двадцать не только лицом. Но и фигурой. Наверное, гены.

3. Она, пожалуй, честная. Во всяком случае, по отношению ко мне. За всю жизнь (с перерывом в десять лет) она ни разу мне не врала. Наверное.

4. Она однозначно добрая. Если бы у нее была возможность, она бы забрала домой всех бездомных животных. А эмпатия и желание помочь каждому, кто в этом нуждается, иногда приводила к бессонным ночам. Сама рассказывала.

5. Она не просто симпатичная. Она – эталон красоты. Она, пожалуй, самая красивая девушка из всех, что я видел в своей жизни.

6. Она никогда...

– Да, было пару раз.

А вот это неожиданно. Имидж милой и отчаянно честной потенциальной пары таял на глазах.

– Погоди. Как можно любить кого-то и ложиться в постель с другими?

– Это довольно просто объяснить. Чувство к нему было какое-то прелое, темное и гадкое. А к Егору такое светлое и чистое...

Я вспоминаю нашу первую школьную совместную фотографию, которую сделал Лизин отец. Я держу ее за руку. Неуверенно, как будто сам за нее держусь. Она улыбается, зажмурившись на сентябрьском солнце. А я хмурюсь, буд-

то предвижу грядущие десять лет в общеобразовательном учреждении. Что же мне так везет на зажмурившихся на фотографиях девчонок?

Отец Лизы давно умер. Точнее – погиб. Он спешил на работу и его сбил пьяный водитель. Более тривиальную смерть для отца семейства сложно придумать. Мать начала крепко пить, а сама Лиза ухаживала за медленно угасающей бабушкой и ходила в школу, где училась на одни четверки и не дружила ни с кем, кроме меня. Мы десять лет просидели с Лизой за одной партой, но я так и не узнал, что она за человек и что происходит в ее семье. На выпускном, когда она мне рассказала, из чего состояла ее жизнь, мне отчаянно захотелось обнять ее и всегда быть с ней вместе. Через месяц после окончания школы мать Лизы приняла решение уехать в Москву и увезти дочь с собой. Тогда мы и нашли крышу в центре города, куда пробрались в тайне от всех, чтобы посмотреть на закат и попрощаться. Мы долго сидели в тишине, а я надеялся, что это никогда не закончится: мы так и будем сидеть там, выше города, всех людей, выше поезда до Москвы и того, что ждет нас вдали друг от друга. Мы молчали, слегка касаясь друг друга пальцами, которые мы грели об остывающую после дневной жары крышу.

– Дождешься? – Лиза даже не смотрит на меня, но мне кажется, что ей важно получить утвердительный ответ.

– Конечно, – отвечаю я после недолгой паузы.

Одномоментно все иллюзии и мечты о том, что «раз и на-

всегда, как родители» рухнули, разбившись о стену обстоятельств. Одноклассники окрестили нас женихом и невестой еще во втором классе и активно подтрунивали над нами. Но, как ни странно, мы никогда не говорили и даже не думали о том, что можем быть вместе. Ну то есть Лиза не думала. Наверное.

Когда умерла моя мама, я как будто стал ближе к Лизе. Я не представлял себе, где она находится, с кем и чем занимается. Но потеря близкого человека словно бы заставила занять вакантное место, симметрично образовавшееся в наших семьях. В какой-то момент я даже стал представлять себе, что она сидит рядом со мной. Просто сидит рядом, присутствует. Не говорит ни с кем, не утешает меня, а просто находится неподалеку. Как воображаемые друзья из детства – они просто проводят с тобой время и становится гораздо легче.

Позже, когда пришло время под названием «сегодня вечером», я рассказал ей об этом, и мне очень хотелось, чтобы она бросилась мне в объятия и начала рассказывать о том, что в определенный момент она ощутила, будто я нахожусь рядом, поняла, что у меня что-то произошло и сразу же захотела со мной связаться. На деле же она потупила взгляд и кивнула. Театрального в этом жесте не было ничего, а вот разочарование накатило на меня огромной волной. Хотя я так до конца и не понял, зачем себе придумал это ее «присутствие».

***

– Когда уже у меня будут внуки?

Он не шутит. Он вообще не шутит. Даже не пытается заигрывать. Вот ведь выбрал подходящее время! Внуки. Множественное число. Сколько их ему надо? Пятнадцать? Или четырех будет достаточно? Почему родители всегда задают этот вопрос? Когда ты сделаешь домашнее задание? Когда ты определишься, в какой институт поступать? Когда ты уже пересдашь экзамен? Когда ты найдешь работу? Когда ты найдешь работу получше? Когда ты уже женишься? А теперь ещё и внуки. Какие ещё внуки?

– Мне повторить вопрос? – отец начинает хмуриться. – Когда. У меня. Будут. Внуки.

– Минут через десять, – профессионально отшучиваюсь я. Отвечаю, хотя в последней его фразе вопроса не звучало. – Десять минут тебя устроит?

– Лишь бы шуточки шутить. – У меня в голове эта фраза отдается эхом с разными интонациями раз пятьдесят. Потому что я слышу ее в пятидесятый раз в жизни по пятидесятому поводу. Примерно.

– Пап, да я даже ни с кем не встречаюсь, – констатирую я. Но его это, кажется, не волнует. Я начинаю понимать, что забыл его улыбку. Она осталась только на каких-то допотопных фотографиях, где я еще ребенок, а он молодой. Молодой папа уже ответил на этот вопрос своим родителям: вот они, вот они внуки. Хватит с вас и одного. А дальше-то что, пап?

А дальше, сынок, ты уже как-то сам. Потому что время пролетит и уже тебе придется отвечать на этот вопрос, когда я его тебе задам. Но это уже совсем другая история. Да и будет ли вообще хоть кто-то, у кого ты, в свою очередь, сможешь спросить то же самое?

5. Полина

Я благодарен. Я благодарен за каждое утро. За то, что дышу, за то, что солнце за окном. За то, что сам есть. Без надежд, без веры, без сил и без одежды, лежа в кровати каждое утро просто «спасибо» говорю. За то, что глаза открыл.

Мне уже не первый день периодами грустно. Сам толком не понимаю, почему именно. Пожалуй, просто очень сильно устал. От всего. Бегаю, делаю дела, смысла в этом не вижу. В работе смысла не вижу. В жизни смысла не вижу. Пытаюсь грусть связать с образами Полины, не получается, смысла не вижу. Надо срочно закрывать проект, а я смысла не вижу.

Грустно. Очень хочется, чтобы пожалели. Остается самому себя жалеть.

Я выключаю свет и подхожу к окну. Странное действие, если учесть, что я на тринадцатом этаже, а ближайший дом находится как минимум в километре от моего: при всем желании никто не сможет заглянуть в окно. Но я делаю это не задумываясь, словно повинуюсь мышечной памяти. И точно, так делала прабабушка, когда мне было четыре: если за окном слышался шум, она выключала свет и аккуратно выглядывала во двор. Блокадник не мог поступать иначе.

Я вглядываюсь в зимнюю улицу и через минуту обращаю внимание на свое отражение. Силуэт будто наполнен снегом и асфальтом и от этого выглядит нереально и немно-

го апокалиптически. Если по следам такого описания героя я бы делал домашнее задание по литературе в старших классах, пришлось бы обратить внимание на символизм момента. Метель укрывает его своим холодом и лишь иногда через светлый снег проглядывает разрушенная, будто выжженная душа. Пафосно, неоригинально, с надрывом. Как и полагается интеллигентному ребенку в старших классах.

Прошел месяц с тех пор, как Полина уехала. За это время я получил от нее только одно сообщение, состоящее из двух слов, каждое из которых разорвало мне сердце. «Я дома». Значит есть всё-таки какая-то «я», которую я уже почти забыл. И она сейчас дома. Но рядом со мной ее нет, так что ее дом не здесь. Ее дом где-то там, где меня нет. Асфальт начинает проглядывать все отчетливее, ветер усиливается, на глазах героя замерзают слезы.

Чем старше становишься, тем быстрее бежит время. Эту идею с самого детства пытаются донести до тебя взрослые. Не трать время даром. Не упускай шанса. Лови момент. Но хоть бы кто из них сказал, как нужно это время проводить, на что его тратить, как, в конце концов, уметь жить. Почему никто не догадался объяснить, сколько времени требуется для какой цели? Сколько положено грустить по умершему родственнику? Сколько нужно ждать настоящей любви? Лечит ли время? И если лечит, то почему настолько неспешно? И вот ты сам уже взрослый. Стоишь на балконе, ищешь символичность в асфальте под снегом, а в руках – открытка.

«Ты приехала и жизнь изменилась. Сдвинулось с мертвой точки то, что на ней было всегда.

Ты приехала и стало чаще светить солнышко и появились улыбки

Стало лучше и светлее.

Ты влюбила в себя людей. Ты дала им надежду на то, что все будет хорошо. И на то, что все уже хорошо.

Я люблю тебя».

Прошло-то всего несколько лет после того, как я написал эти строки и подарил открытку Полине на день ее рождения. А сейчас я держу этот подарок в руках и плачу.

Как все изменилось.

Ты сделала больно. Ты предала, и ты не представляешь, как сложно разбиваться вдребезги в тридцать лет.

Какая обида, лютая депрессия и тяжесть.

Как плохо. Плохо потому, что ты так сделала. Плохо потому, что тебя нет рядом. Плохо потому, что не подпускала к себе. Плохо, что прошло столько лет. Впустую.

Просто плохо. Боль и страх.

Спасибо тебе за все.

Я не уверен, что я тебя люблю.

И сегодня, если бы ты спросила, как у меня дела, я отправил бы тебе эту же открытку, но написал бы на ней совсем другие слова.

«Дела в порядке. Второй раз за месяц болею. В параллели ношусь между домом и работой. Наклевывается новый инте-

ресный проект, но на работе я гнию и думаю валить. Кстати, еще я уже почти живу с девочкой, с которой знаком с детства, помнишь, я тебе о ней рассказывал.

Кстати, ты обещала написать мне письмо, когда вернешься домой. Но так и не написала. Ты говорила, что мы будем дружить, но ты соврала. А еще ты сказала, что ничего не изменится. Цветы подымают, дома грязно, но я справляюсь, кошка не скучает по тебе и очень сильно меня любит. Я планирую поездку в Европу, как бог играю в футбол, каждый вечер возвращаюсь в пустую квартиру, и все думают, что у меня все хорошо. Ты не идешь у меня из головы, но я тебя уже почти что ненавижу».

***

Прекрасно помню тот день, когда начал бояться звонка мобильного телефона. В самые тяжелые недели я вздрагивал даже если слышал этот звук на работе, в общественном транспорте или в пабе, – откуда угодно, только не из своего кармана. Даже сейчас я иногда начинаю трястись от звонка, потому что каждый может не нести в себе ничего хорошего. Но летним днем, когда ничто не предвещало беды или даже дождя, у меня зазвонил телефон. Я сомневался, поднимать мне трубку или нет, что усугубилось надписью на экране телефона: «Звонит ОТЕЦ». Его голос спокоен и пуст: «Приезжай, пожалуйста, как можно скорее. У мамы обнаружили рак».

Когда жизнь разворачивается на девяносто, а то и на все

сто восемьдесят градусов, на настроение влияет все: от крепости заваренного чая до погоды. То есть если ярко светит солнце и за окном комфортные плюс двадцать, вполне вероятно может случиться мощный откат и будет нелегко вытащить себя из-под одеяла. Но все же в тепле приятнее придаваться апокалиптическим мыслям о том, что жизнь кончена и света не видать не только в конце тоннеля, но и в его начале. Как показывает практика, самые страшные вещи происходят как раз если солнце светит наиболее ярко.

Вокруг больницы стоял запах хвои. Резкий аромат хлорки разбавлял его каждый раз, когда открывались двери в приемный покой.

– Быть может врач слишком молодой? Сколько ему? Двадцать семь?

– Да хоть семь.

Мы сидим на кухне, и мама кладет себе в чашку пакетик зеленого чая. Наверное, впервые она не заваривает крепкий черный чай по случаю моего приезда. Она подчеркнуто спокойна. Не похоже, что рассказ о возрасте врача был шуткой.

«Фиброаденома». Слово-то какое страшное.

В книгах иногда пишут, что мысли «роятся как стая пчел». Врут. Все мысли пришли мне в голову одновременно: когда мама умрет, больно ей или нет, как маме помочь, что я скажу Полине, как же будет жить отец, какому врачу позвонить, как сообщить новость бабушке, остаться мне с мамой или наоборот уехать, рыдать или смеяться, что делать, что

делать, что делать...

Когда-то мама сказала, что человек становится по-настоящему взрослым, когда лишается родителей. Я четыре раза сменил работу, получил одно высшее и одно специальное образование, развелся, но мне нет еще и тридцати. Я давно уже считаю себя взрослым и самостоятельным мужчиной. Оказывается, зря. Из потока мыслей вырисовывается только одна:

– Мама, тебе не больно?

Маме не больно. Пока не больно.

– От рака умрут все, кто до него доживёт. – отец то ли шутит, то ли констатирует научный факт. В любом случае, звучит это страшно и очень неприятно. Именно в такой последовательности.

***

Обычно звуки аппарата искусственного дыхания в кино звучат зловеще. Из-за этого они кажутся какими-то ненастоящими. На каком-то из мониторов мерцает диаграмма сердца, громким плакающим звуком отзываясь в помещении. В воздухе повисает напряжение, в палате столпились родственники. Кто-то плачет, кто-то скорбно обнимается. Пара чьих-то детей сидит в ногах у лежащего и пытается играть либо в машинки, либо в куклы, в зависимости от гендерной принадлежности ребенка. Кто-то принес пышный букет, в котором количество цветов на всякий случай четное.

Я смотрю на мать, лежащую на кровати, и вспоминаю, как

два года назад она танцевала с моим кузенком. Ему только исполнилось три года, он довольно плохо разговаривал, но с удовольствием отплясывал под абсолютно любую мелодию – будь то детская монофоническая песенка их китайской игрушки или дремучая doom-metal группа, ревущая у тринадцатилетнего соседа в спальне. Мама не приходит в себя уже неделю, а в моей памяти она танцует и смеется. Видимо, мозг защищается от того, что я вижу. Получается не очень.

– Мам, – полушепотом говорю я. – Мне врачи сказали, что ты все-все слышишь. Привет. Ты не переживай за нас. Нормально все. Мы очень-очень по тебе скучаем, нам очень тебя не хватает. Но мы справимся, все в порядке. Мы уже справляемся. Я папу тут к доктору отвез, у него что-то голова болеть стала. Все с ним в порядке. Он очень сильно за тебя переживает, поэтому болит. Но это пройдет, мамуль. Ты главное не переживай. Я тоже уже в норме. Я даже на Полинку не обижаюсь. Я знаю, что ты думала, что вы подружки. Ну не подружки, что ж поделать. Но я-то хоть друг тебе, мам? А друзей беречь надо. Не переживай. Пожалуйста, не переживай. Я картошки вчера домой купил. Хочу вечером сегодня приехать, нарубить ее прямо с кожурой, как ты в детстве для скорости делала, и обжарить. Много-много масла налить, посолить щедро. Может еще и мультик какой поставлю, чтобы играл. Как будто я мелкий, а все рядом, все-все рядом. А вообще я нормально питаюсь, полный порядок. Ты мне пообещай только, что волноваться не будешь. А еще

пообещай, что, когда ты бабушку встретишь, передашь ему, как я скучаю. Если он оттуда, сверху, видит то, чем я занимаюсь, мне лучше не попадаться ему на глаза, конечно. Но я надеюсь, что он поймет. Ты же всегда говорила, что я на него похож. Мамуль, пусть он меня простит. И ты меня прости. Я каждую свою ошибку знаю. Мне будет очень тяжело, но, если тебе так легче, не страдай. Мы справимся. Отдыхай, мам. Пожалуйста отдыхай.

***

Когда умирает кто-то из родственников, не сразу понимаешь, как себя вести и что положено чувствовать. И ладно бы это была бабушка, живущая в другом городе, которую ты не слишком помнишь, да и, если честно, даже не очень и любишь. И тебе, вроде бы, всего четыре года и знать, что такое смерть, еще слишком рано. Но вот она пришла откуда не ждали. Ведь бабушке было всего девяносто четыре года, она прошла две войны, блокаду и пережила почти всех своих детей. Всего девяносто четыре! А здоровье было как у молодой! И абсолютно кристально-чистый, незамутнённый разум. Только спала по двадцать часов в сутки. А так – как новенькая.

И вот вдруг, ни с того, ни с сего. Была бабушка – и нет ее.
– Мама, а как это? Что такое «умерла»?

– Ты ее больше никогда не увидишь.

Да я и так ее не очень часто видел и смутно помню звучание ее голоса.

И ладно бабушка.

А если умирает тот, кого ты видел каждый день или почти каждый день, когда не оставался ночевать у Глеба?

Мы хороним маму. Стереотипы снова оказались неподвластны реальности: в кино обычно такие дни наполнены серыми тучами, которые в обязательном порядке низвергают весь накопленный дождь на скорбящих, каждый из которых именно в этот день не прихватил с собой зонт. Оно и справедливо: как можно прочувствовать горе, если не вымокнешь до нитки? Покойнику уже ничего не будет, а вот ты должен хотя бы промокнуть.

Но у нас, как и всегда, все наоборот. Светит яркое солнце, остатки снега стаяли за пару дней, природа оживает и дарит надежду тем, кому она еще нужна. Маленькое кладбище в пригороде, где уже несколько лет покоятся отец и бабушка мамы, почему-то всегда было очень тихим. Даже если люди прощались с кем-то и приходили большими семьями, оно молчало.

Мой дед всю жизнь был заядлым курильщиком. После смерти врачи сказали, что из вороха его диагнозов половина была следствием курения. По привычке на соседнюю могилу я положил для него зажжённую сигарету. Почему-то существует поверье, что некурящим надо положить конфетку или хлеб, а курящему – непременно сигарету. Но дед отказывается со мной «курить». Только когда стали закапывать урну с маминым прахом, сигарета начинает активно тлеть.

Бабушка заплакала. Отца трясет.

А я не понимаю. Мне легче. Я отпускаю. Или думаю о Полине. «Привет, Поль. Мама умерла, я ее хороню, а думаю о тебе».

***

– Я вишен боюсь.

Лиза смущенно улыбается. Она приехала сразу после похорон. Не задавая лишних вопросов, не готовясь дополнительно, не напрашиваясь в гости. Она просто приехала без предупреждения. Приехала и села рядом со мной. И если мне уже было легко, то стало еще легче. От того, что с ней – уют. От того, что вокруг тишина. От того, что можно побыть собой и без угрызений совести сбросить свою молчаливость на «состояние». Легче.

Без объявления боевых действий мы начали игру «Правда на правду». Это не «Правда и желание», да и алкоголя никакого нет. Нет победителей и проигравших. Мы просто сидим у меня на кухне и рассказываем друг другу друг о друге. Мы не играем. Играю я. У меня азарт.

– В смысле «вишен»?

На столе как раз стоит огромная кастрюля с вишней. Купил по дороге домой. Свежая, спелая. На весь дом пахнет. Обожаю вишню.

– Ну в прямом. Вот этих. – Лиза смущенно показывает пальцем в сторону кастрюли и виновато улыбается. – В детстве меня бабушка вишней на даче закармливала. А один

раз я забежала в дом, схватила ягодку со стола, а она сразу в горло мне попала. И все, я задыхаться стала. Страшно было, а мне ни вздохнуть, ни звука не издать, ничего. Хорошо хоть бабушка рядом была. Схватила меня, стала на солнечное сплетение давить. Выбила ягодку. Я их не ем с тех пор. Двадцать лет уже не ем. Страшные вишенки. – Лиза хихикнула и прикрыла рот рукой.

Действуй.

– Сегодня, Лиза, давай все будет по-новому. Вообще все будет другое. Сейчас вечер и мы выключим весь свет в помещении. Хочется кричать, но мы будем молчать. Мы будем пить горячий чай, хоть дома и жарко. Мы даже фильмы будем смотреть в немецкой озвучке, чтобы веселее было. Мы будем слушать монгольские песни, наденем всю одежду, которую найдем в доме, развесим кастрюли по стенам, а чашки наполним вином и расставим по углам. Зажжем свечи и будем от них прикуривать сигареты, от них – поджигать бенгальские огни. И вообще сегодня – новый день. Так что сейчас я поздравлю тебя с днем рождения!

Изумление в глазах Лизы граничит с восторгом. Мне кажется, что сейчас – самое время отыграть все то, чего мы с ней были лишены в нашем детстве. В детстве, которое мы практически целиком провели вместе, но которого нам до конца так и не удалось прожить. Сегодня каждое безумное предложение она встречает с радостью, а каждую странную идею готова реализовать самостоятельно. Она, похоже, гото-

ва вообще ко всему и именно поэтому я решил не останавливаться:

– Есть люди, которые обладают каким-то запредельным уровнем эмпатии. Живётся им от этого не легче, но и иначе не получается. Иногда такие люди стараются помочь другим. Чтобы тем было попроще, повеселее, но происходит это отчасти и из-за того, что эмпат сам видел некоторое количество дерьма и знает, каких сил стоит выбираться с самого дна. И помогает он людям, помогает, а потом внезапно и ему самому нужна помощь. То есть может даже и не помощь, а плечо. Или плечико. Не для того, чтобы поныть, а для того, чтобы понять, что он не один. И в такие моменты нередко плечика не находится. А все окружающее перестает приносить удовольствие и вообще иметь хоть какой-то смысл.

Для таких людей радость просыпаться по утрам – не простой звук. А чистое и мощное желание попробовать посмотреть, что там будет дальше.

Я это к чему. Сегодня, в твой день рождения, я могу сказать одно: Лиза, ты на верном пути. И ты не одна. Горжусь я тобой. Ты заслуживаешь большего. Во всем без исключения. И я знаю, что ты этого хочешь, но, вероятно, считаешь, что не заслуживаешь. Желая тебе чтобы период «не заслуживаешь» сократился до минимума.

С внеочередным днем рождения тебя, Лиза. Будь счастлива.

Бывают в жизни такие моменты, когда под воздействием

внешних факторов начинаешь ощущать что-то для себя новое. Это не просветление, вовсе нет. Это какая-то правда, которую понимать-то вроде понимаешь, но не чувствуешь. Или, наоборот, – чувствуешь, но осознать никак не можешь. Это как радость от теплого весеннего луча после суровой зимы. Или как глоток воды после суток на спортивных соревнованиях. Я смотрю на Лизу, которую знаю много лет, вспоминаю первое сильное переживание, связанное с ней, а потом и не связанное. Мысли цепляются одна за другую, я начинаю вспоминать, что было хорошего, когда было легко, и что было плохого, когда было трудно дышать.

И прощаю.

Прощаю каждого, кто когда-то мешал, а я выстоял. Каждого, кто когда-то пытался уничтожить, а я жив. Каждого, кто не верил, а я добился. Каждого, кто провоцировал и глож в волнах агрессии сам. За все то, что люди пытались со мной сотворить, прощаю.

И верю.

Верю в то, что действительно жизнь была до этого момента отличной и ни на что не похожей. Верю, что раз есть люди, которые не бросят в беде, то замечательных людей в мире больше, чем обозленных и глупых. Верю, что те, кто болеют, несомненно, выздоровеют и встанут на ноги, а те, кто ненавидят, обязательно однажды полюбят.

Лиза вскочила и артистично аплодирует моему тосту. Тепло от ее улыбки заполнило всю кухню и мне на мгнове-

ние кажется, что всех этих лет, что мы провели порознь, не было.

А еще краем глаза я замечаю пустую кастрюлю, которая только что была полна вишни и горстку косточек рядом с ней.

6. Бумажки

Он обещал ей снег на Новый год, а он выпал только в середине января. Она обещала не опаздывать, но не пришла вообще. Он обещал взять её с собой на дачу, но его дом сгорел. Она обещала любить его всю жизнь, но бросила через две недели. И только тогда пошёл снег. А он стоял, вперив взгляд в небо и раскинув руки. Он понимал, что уже ничего не вернуть, и закрадывалась мысль, что он сходит с ума. Волосы спадали ему на глаза. “Хорошо бы остаться с ней на всю жизнь”, – вот всё, о чём он думал. Ему не было ещё и шестнадцати, а жить уже надоело. Он продолжал глядеть в тёмно-серое небо и подставлял лицо под падающие хлопья. На глаза начали наворачиваться слёзы. Ему было стыдно, но удержаться он не мог. Слёзы стали безудержно капать. Они превращались в ледышки и разбивались об землю. Он постепенно забылся под снегом и уже ничего не ждал. Оставшись наедине со снегом, он думал о ней и никак не мог выкинуть ее из головы. Снег продолжал падать, будто бережно укрывая его. О нём никто не вспомнил. Он так навсегда и остался стоять под снегом.

Я сижу на полу в комнате, в которой жил до девятнадцати лет. Вокруг лежат сотни бумажек, исписанных кривым почерком – стихи и рассказы, которые я сочинял в школе. Как я мог написать такое в шестнадцать? Я перечитываю расска-

зик ещё раз и понимаю, что рыдаю. Без лишнего трагизма, стенаний и всхлипываний. Я просто ничего не вижу от слез. В очередной раз. Как раз когда я постоянно писал, мы всем классом ходили на постановку «Арт» в БДТ. Один из персонажей, имени которого я не запомнил, ближе к концу спектакля сказал, что для сорокалетнего мужика он слишком часто плачет. Зал, как по указке, взорвался смехом. Я тоже захохотал, ещё не подозревая, что по истечении каких-то тринадцати лет я и сам буду безудержно рыдать либо от того, что меня впервые в жизни бросят, либо от безвозвратно усвиставших в небытие лет, либо от того, что умерла мама, от того, что я бесконечно одинок, но скорее – от всего вместе. Понимание облегчения не приносит, ком в горле не исчезает, да и я уже успел с ним свыкнуться. Если он когда-нибудь пройдет, мне определено будет не по себе.

Я переворачиваю листок самой старой тетрадки. В ней лежит клочок бумаги, явно вырванный из другого блокнота. Он помят, буквы расплылись от времени. Это мой автопортрет:

*Долговязый и глупый,
Глаза два – как две луны,
Две руки – как две спички,
Мозг – усы электрички,
Рот – тоннель – и забрало,
Тело – перрон от вокзала,
Вот я какой: лиричный,*

Электрифицированный

И электричный.

Наверняка я слишком много читал Маяковского, когда сочинял это.

Я продолжаю перебирать бумагу и натываюсь на свой самый длинный рассказ – о старшекласснице, которая неосмотрительно забеременела и решила оставить ребенка. Мне казалась абсолютно стройной история, в которой никто не знает ничего об отце ребенка, а героиня рождает и продолжает прекрасно жить. На какие деньги она покупает себе еду и одежду ребенку меня не интересовало, но по какой-то неведомой причине она определенно боялась взрослеть. Именно поэтому она и решила родить – чтобы не забыть, каково это – быть ребенком. У нее почему-то было желание повторить этот путь со своим сыном. Логика в рассказе было мало, да она и не требовалась – главным было ощущение от того, что человек в принципе может так поступить.

Когда этот рассказ попал в руки Полине лет пять назад, она хохотала, тыкая изящным пальцем в строчки, написанные перьевой ручкой. Мне казалось, что настоящий писатель именно так и должен создавать свои произведения – исправить неудачный ход сюжета было невозможно, а ошибки можно было только вычеркнуть. Этот рассказ я назвал «Против часовой стрелки», прозрачно намекая, что главная героиня решила остаться в детстве, используя ребенка как удачный инструмент. Но Полина смеялась над моей юношеской

искренностью громко, даже самозабвенно. А может и издевательски.

***

В надежде докопаться до корня своих проблем, я прихватил несколько тетрадок с собой. Дома я оставил их стопкой около дивана, в первый же вечер прочитал половину, а на следующий день уже не вспоминал о них.

А потом их обнаружила Лиза.

Я захожу в комнату и вижу, что Лиза плачет: сидит над раскрытой потрёпанной тетрадью и натурально рыдает. Она читает мой рассказ, который я написал вскоре после того, как ее семья уехала в Москву:

Снова пришло лето. Опять встало Солнце, освещая грустные пустые коробки новостроек, оставленные на три месяца "заядлыми дачниками". Оно разбудило жизнь пустого района. Редкие хозяева собак с питомцами и пара юных мамочек с колясками – вот с кого начинался еще один день. День, похожий на другие.

Солнце жило и требовало жизни от всего вокруг. Еще вчера, привычно пробившись сквозь занавески одиноким лучиком, оно озарило лик Христа, строго следящего за всеми людьми, в шкафу. Мягкие черты лица Его были пропитаны любовью ко всем грешникам, оставляющим тело низкой и пошлой жизни, а о душе забывшим вообще.

Солнце радовалось всему, каждой песчинке, каждой веточке каждого куста и каждому деревенскому домику –

кроме них, казалось, рано утром его не встречает никто.

Солнце вставало лишь для того, чтобы светить и греть, освещать жизни и пути всех людей. Но этим утром оно было не так весело, как обычно. Привычным жестом разогнав тучи, оно никак не могло найти того, кто каждое утро встречал его и улыбался в ответ. Боясь, что еще один человек сгинул в этой жизни, оно ускорило ход, чтобы как можно быстрее заглянуть в любимое окно, в единственное живое окно в округе. Где же он, этот друг, который провожал Солнце каждый вечер с последним бликом заката и встречал его с первым лучиком? Его больше нет?

Но вот Солнце прекратило свой бег по небосклону, успокоилось и, улыбнувшись, стало светить еще ярче. Вот он – на балконе слушает любимую песню, желая продлить это волшебное утро. Вероятно, последнее утро в его жизни. Стоит в обнимку с кружкой, держит сигарету и придаетя воспоминаниям...

... Лето. Москва. Европейская столица, а, точнее, столица Европы. Тверская. Арбат. Все перемешалось и привело на Красную площадь. Боясь утратить вдохновение, Человек начинает бегать в поисках места, где можно было бы купить сигарет и батареек для плеера. Закончился вкус, заканчивалась музыка, закончились впечатления. Комок подкатывал к горлу... но тут все сомнения рассеялись. Из-за туч вышло Солнце и приветливо улыбнулось своему другу.

– Ну здравствуй, – говорило оно. – Не бойся. Не ищи ее.

Ну а я тебя везде найду, где бы ты ни был. А туч большие не будет. Не волнуйся. Я с тобой.

Зная, что тело будет жить еще не меньше сорока лет, а душа начнет тускнеть через какие-то три месяца, Человек, немного успокоившись, продолжил свои поиски. Послав воздушный поцелуй единственному другу, он подбежал к ларьку и купил коробочку чернил. Теперь можно было хотя бы писать и рисовать.

Уже через полчаса, абсолютно не ориентируясь в столице, он уже был на Поклонной горе. Утомленный, он подбадривал себя мыслями о том, что у него есть всего один друг, но друг, с которым он никогда не расстанется.

Били фонтаны. Человек сел, опустив рюкзак на землю, достал давно начатую тетрадку и закурил. Улыбнулся другу, выдумал еще пару персонажей и стал рисовать их жизни, дела, чувства...

... А сейчас он стоял на балконе своего дома в родном Петербурге и курил, вспоминая и обмениваясь хитрыми взглядами со своим другом.

– Ну вот, – говорил Человек. – Душа умерла, а я ее воскресил, видишь?

– А я и не сомневался, – мысленно ответил его друг. – Ты силен, как и всегда.

Начинался обычный день, похожий на всех своих предшественников и предсказывающий однообразие потомков. Для всех людей эти дни были одинаковы – одна и та же рабо-

та, один и тот же досуг. Для всех, но только не для него. Каждое утро несло с собой массу новых впечатлений и воспоминаний. Каждое утро было другим, что было так необходимо. Человек жил не один. У него была лишь бабушка, которой недавно исполнилось девяносто пять лет. Бабушка, в три года вручавшая цветы Николаю II, не забывающая ни одного дня Блокады, встретившая Ленина на Финляндском вокзале, пережившая Войну и всех своих детей. Человек любил ее, но все равно чувствовал себя не в своей тарелке, оставаясь с ней наедине. В такие моменты ему больше всего хотелось оторваться от реальности и внести свою лепту в разрушение озонового слоя еще одной выкуренной сигаретой.

В это утро было все как обычно. Сытая скудным завтраком ровесница века включила телевизор на полную громкость и уснула, а Человек, выпив стакан чая, вспомнил своих родителей, которые два года назад умерли в одну ночь непонятно от чего. Погрустив, он подошел к шкафу и подумал, что ему надеть. Выбор остановился на старых порванных джинсах, бахрому на которых ему сделала еще бабушка.

– Ну что, Солнце? – подумал он, обращаясь то ли к другу, то ли к девушке, которой уже давно не видел. Хотелось спать, но Человек, потянувшись и улыбнувшись, подошел к телефону. Телефонная книга была, как и всегда, пуста, поэтому он набрал воображаемый телефон, но было занято.

Помотав головой, Человек вышел из дома. Он, как и всегда, забыл посмотреть на градусник, но ощущалось, что

было не меньше тридцати пяти градусов жары. Друг обрадовался и засиял еще ярче. Теперь на него было невозможно смотреть. Человек улыбнулся теплу и утру и Солнце поняло, что улыбка была адресована и ему.

Он любил такие моменты, когда распаренная голова начинала забывать грусть и одиночество. Было жарко и душно, на улице редко встречались люди. Но и это было хорошо. Так Человеку удалось в одиночестве гулять до позднего вечера.

Среди ночи Человек проснулся со странным ощущением, что умерла бабушка. Сон мгновенно улетучился, унося с собой приятные воспоминания об одиночестве. Он вскочил и побежал в комнату, где все еще работал телевизор. Бабушка лежала на кровати, как и всегда, раскрывшись. Не постарчески умиротворенное лицо и непонятная улыбка на губах уже не пугали, как в детстве. Руки у нее были холодные. Сердце не стучало. Дыхание прекратилось.

Человек вышел на балкон и закурил. Было пять часов утра и Солнце только начало просыпаться. Оно знало все и уже грустило со своим другом, обнимая его первыми лучами. Человек заплакал. Заплакал слезами испуганного ребенка. Солнце разогнало облака и, вопреки установленному миллионами лет распорядку, начало день раньше, чем положено. Как и всегда, оно было со своим другом. Наедине. И Человек уже не ощущал себя таким одиноким, как десять минут назад.

А Солнце обнимало его и говорило, нежно пригревая. Рассказывало обо всем на свете, даже не пытаясь отвлечь от горя.

– Ну поплачь, поплачь, – слышался его голос. – это полезно. Все у нас будет хорошо. Я тебя никогда не оставлю. Все образуется. Мы отдохнем. Хочешь, я останусь у тебя?

Человек зашел в комнату с сигаретой и сделал две чашки кофе. Солнце незаметно пробралось в квартиру и присело на диване, нежно обнимая друга. Весь мир навсегда погрузился во тьму, а в комнате Человека навсегда остались свет и тепло.

– Спасибо, – сказал Человек.

7. Доктор Аня

Интересно, зачем в принципе пытаться спасти то, что изначально обречено на провал? Ну ладно, если начинаешь какое-то новое предприятие, будь то проект, новая работа, новые отношения или жизнь в другом городе, на поражение не закладываешься, ведь так? Было бы странно делать хоть что-то новое с уверенностью, что у тебя это никогда не получится. Но если уж взялся, неплохо было бы просчитать все наперед или хотя бы расставить на бумажке плюсы и минусы. Новая работа. Так, денег побольше, это плюс, но ездить по два с половиной часа в один конец. Это минус. Там будет много новых людей. Это плюс. Но тебе уже не семь, ты не будешь так рад новым знакомствам, как в детстве. Это минус.

Новые отношения. Кто-нибудь хоть раз пытался просчитать все грядущие минусы, когда вступаешь в новые отношения? Сомневаюсь. А было бы полезно.

Когда внезапно (как кажется) от тебя уходит тот, кого ты (как казалось) любишь, первое, что придет в голову большинству – попытаться спасти отношения. И речь уже не идет о покупке подарков и цветов, думаешь не о том, что теперь-то уж точно каждые выходные – поездка к родителям или на природу.

Специалист.

Уговоры были недолгими. Я цеплялся за визит к врачу

как за последнюю возможность удостовериться, что я сделал все, что мог, а Полина, наверное, хотела, чтобы я поскорее от нее отстал. К тому же не секрет, что Доктор Аня умеет над некоторыми "i" расставить точки. Вот и сейчас: перед глазами все плывет, кружится голова и я почти что ничего не вижу от слез. Поля, вроде бы, находится рядом, но сидит на другом конце кабинета, на диванчике, а я – у стола Ани. Наверное, это Аня. Во всяком случае, на ней белый халат и я слышу ее голос. «Полина, дождитесь, пожалуйста, в коридоре. Тут сразу понятно, с кем нужно работать». Хлопнула дверь. Поля, наверное, и вправду вышла. Я этого не видел, а скорее почувствовал. Страх практически прошел, дышать стало легче. Но я все равно ничего не вижу. Вроде и слезы кончились, но глаза открываться не хотят.

Многое в своей жизни ты понимаешь и сам, но если очевидные вещи начинает говорить человек в белом халате, то ему почему-то веришь больше, чем себе. Переложить ответственность на другого всегда приятно. Тем более – если это специалист. Тем более – если это доктор Аня.

– Ну что, тут без антидепрессантов не обойтись.

– Э нет, Аня, так дело не пойдет. Я же мужчина.

– Послушай, мужчина. Если у тебя болит голова – ты что делаешь?

– Обычно ничего не делаю.

– Ладно, плохой пример. Тогда вот что: на футболе ты получаешь травму и терпеть боль абсолютно невозможно. Что

ты предпримешь?

– Мазью намажу. Таблетку от боли выпью.

– Правильно. А если душа болит – почему таблетку не выпить? Посмотри на себя в зеркало. Волосы грязные. Небритый...

– Я бороду отращиваю.

– Мешки под глазами ты тоже отращиваешь?

Препараты я принимать отказался, а первым решительным шагом к новой жизни стала широкая улыбка и глубокая уверенность, что я преодолею все препятствия.

Именно поэтому первую ночь после того визита к доктору Ане я провел в истерике в обнимку с блоком сигарет на кухне. Полина в этот момент собирала чемодан.

В следующий раз я сходил к Ане через две недели, потратил на часовой визит кучу денег и понял, что сделал это не зря. Ведь у нас как принято: если человек обращается к психотерапевту – он псих. Но я лишний раз убедился в том, что это не так, приехав, как и всегда, заранее. Я устроился в кресле и принялся наблюдать за окружающими.

Из соседнего кабинета выходит молодая мать с ребенком лет четырех. Мальчик прыгает и улыбается. Есть же такие, кто решает проблемы своих детей с самого начала. Еще одно упущение. Ну, хотя бы не мое, а моих родителей. Не хочется думать, что я иногда похож на ребенка. Я гоню от себя эти мысли только для того, чтобы Аня вернула мне их через несколько минут.

Человек в белом халате говорит, что можно рыть: почему я иногда веду себя как ребенок, почему давлю на жалость и плачу в те моменты, когда надо проявить стойкость характера, а в моменты, когда любой бы спасовал, отключаю эмоции и действую с холодной головой. Если чувствуешь, что что-то сломалось, говорит, разберись, может ты и не прав совсем. Может ничего и не рассыпалось, а ты сам себе это придумал; волны, качели и карусели – это нормально, это пройдет, потому что организм приспособливается. В среднем это занимает у людей два месяца. Неделька уже прошла. Плюс четыре месяца на шлифовку. Полгода – и все пройдет. Вообще пройдет. Но только через месяц я смогу приоткрыть глаза. Сказала, что антидепрессанты не нужны, сказала, что нужно наговаривать ситуацию. Так становится легче. И правда ведь становится легче. Днем было очень грустно и тяжело. А сейчас – такая легкость. Только небольшой ком в горле. Но ведь и это пройдет. Побольше бы таких моментов. Сказала, что проблемы – в восприятии ситуации. И напомнила, что надо себе задавать один вопрос и задавать его почаще, а все остальные вопросы либо в сторону пока отложить, либо на него заменить. «Зачем?», а не «Почему?» И то правда. Зачем я так переживал? Зачем я так грустил? Зачем я столько времени на это потратил?

Я выхожу из кабинета доктора Ани, направляюсь на ресепшн, чтобы записаться на следующий визит и вижу, как молодая администратор вбивает мои имя и фамилию в по-

исковую строку социальной сети.

8. Честный кофе

Кроме всего прочего, Аня строго-настрого запретила кофе. Пей, говорит, чай, лучше зелёный. А лучше и его не пей. Но главные твои враги – чай чёрный и сигареты. Про алкоголь вообще забудь навсегда, а лучше, конечно, хотя бы надолго. Крепкий чай не только пульс разгоняет, он в больших количествах хуже, чем никотин твой, который ты цистернами потребляешь. Курить плохо! И ты не смейся тут, что от меня сигаретами пахнет. Я – врач, черт тебя дери, кто, как не я, лучше знает, насколько это вредно?

И смеётся, смеётся очаровательным смехом. Но тут уж я не влиял, это она сама. Сама смеётся. Живо, честно. А глаза все равно грустные.

Но тут вот какое дело. Адреналин на месте, а раз сердце бьётся, значит жив ещё. А на сегодняшний день это главное.

Нет, без настоящего кофе не получится, извините.

В начале двухтысячных в городе на каждом углу стали появляться кофейни. Теперь после работы, до работы, в обеденный перерыв и вместо работы люди перестали есть и стали пить кофе. Тогда ещё не было запрещено курить в закрытых помещениях и в общественных местах. Поэтому абсолютно все без исключения теперь встречались чтобы курить сигареты и пить чёрный, белый, с молоком и сахаром, с солёной карамелью, с сиропом, со льдом, по-ирландски, бомбон,

по-венски, с круассаном или вообще без бонусов и топпингов, кофе, который победил чай так же внезапно, как в свое время телевидение победило радио, а интернет – печатные СМИ.

Уже тогда в лабиринтах дворов Петроградской стороны появилось маленькое, уютное помещение на два стола. Единственное, которое пережило приход сетевых кафе, второй приход сетевых кафе и огромное количество локальных и не очень кофеен любого масштаба. Единственное, которое не надоело ни разу, единственное, куда хотелось зайти в независимости от времени суток, настроения или погоды. И единственное, которое полностью отвечало своему названию: если ты хотел заказать литр черного кофе, ты получал литр черного кофе, а не стакан с ароматной водой. Там все изначально было по-честному. Оно так и называлось: «Честный кофе».

Пыльный угол дома, окрашенного в охра ещё в девятнадцатом веке, стал родным на первом курсе института, когда Света, отказываясь от посиделок с подружками и зазывных пивных бутылок однокурсников, цепко хватала меня за руку и уверенно шла сюда, в «Честный», чтобы сидеть вдвоем за столиком или, если лето, в скверике на поребрике пить горячий американо через трубочку, медленно курить длинную женскую сигарету и нежно гладить меня пальцами по щекам. Каждое ее прикосновение пробивало мой организм порцией юношеского адреналина, а внутри меня будто разбивал-

ся стеклянный кувшин. Вдребезги, на осколки, в пыль, но от этого было особенно приятно. Так я ощущал себя более полным. Законченным. Цельным.

Я даже рассказал ей об этом. Света удивленно вытаращила глаза и мило улыбнулась.

– Ты что, если просто трогаю, то разбивается?

– Ага. Каждый раз.

– Так может лучше не надо? – она улыбнулась и во двор проникли лучи солнца.

– Надо. Обязательно надо, Свет.

Она протянулась ко мне и провела ладонью по щеке:

– И сейчас?

– Вдребезги.

– Ну надо же. Какой ты нежный. Стеклянные щёчки.

9. Полина

– Я опять общаюсь с образом. И он у меня в голове сочетается в себе давнюю нежность и любовь Поли с обольстительностью и тайной той Лизы, что я знал лет десять назад. Я опять не хочу никому верить. Кому можно верить, если никто не может помочь и при этом еще что-то требует в ответ? Как можно до сих пор думать о Поле как о любимой и единственной, если она, забрав душу, растоптала сама все то, что я строил долгих и тяжелых семь лет в параллели с паранойей, расстройством, деперсонализацией и прогрессирующей болезнью мамы? Какого черта у людей нет терпения, и они всегда думают только о себе? Суки, да посмотрите же вы уже в зеркало: мир состоит из таких же, как вы. Все абсолютно одинаково читают книжки, боятся выпасть в окно и едят хлеб. Простое объятье и поцелуй на ночь – это не так много, как кажется. Только это нужно постоянно, чтобы не бояться, что ночью может стать так худо, что не проснешься и сам этого не заметишь.

Я помню каждую черту ее лица при том, что этого лица я толком не целовал уже года два и уже почти месяц не вижу даже на фотографиях. Я помню форму ногтей ее мизинцев, я помню, сука, какой она любит кофе в какой чашечке заваривать. Чтобы эти мизинцы, мать их, чмокать и делать кофе такой, как надо.

Зачем это все? Зачем я это все узнавал? На хрена покупать эту дебильную машину бирюзового цвета? Бирюзового! «Это цвет наших чувств, дорогой». Да что может быть пошлее! Зачем я ей во всем потакал?

Чтобы получить «я не люблю тебя и не хочу быть с тобой»?!

Да пожалуйста!

Я за эти годы столько всего боялся. Я боялся измены. Я боялся предательства. Я боялся одиночества. Я боялся непонимания. Я боялся, что дождусь того, чего боюсь и ничего не почувствую. Да на, подавись, я победил это все в себе и остался сидеть на новом диване, который мне в жопу не нужен, на котором я уже обнимаю другую и ничего не чувствую в прокуренной комнате, где мы задыхаемся вдвоем с кошкой. Я орать хочу о том, как мне хреново, только этого никто не услышит и поэтому все мысли отдаются уколами в сердце и парой слезинок, потому что я все всегда делал сам для всех остальных, но не для себя, а людям наплевать на то, что ты хочешь им быть полезен, приятен и нужен. Да никому ты не нужен, смирись! Я прекрасно понимаю, какая мне нужна, лучше всех знаю, лучше всех вас. Как же я хочу скорее ее найти! И я знаю, что если я встречу ее послезавтра, то оттолкну. И потеряю.

Сигарета в руках Глеба потухла. Ещё с минуту он смотрел на меня молча, а потом изрёк:

– Ты же понимаешь, что мы не у тебя на кухне сидим?

Я отрываю взгляд от чашки с холодным кофе, которой, как оказалось, я рассказывал то, что накопилось в голове. Надо же, вокруг – люди за столиками. Все внимательно меня слушают. Повисла оглушительная тишина. Мы в кафе. Вроде бы вторник, а может быть и среда. Почему я не на работе? Ага, значит уже вечер. И люди, вероятно, хотели перекусить в кафе перед тем, как отправиться в свои уютные и теплые дома, к своим родным и близким. А почему они сразу не пошли туда, завершив свои дела? Ребята, вы время теряете. Может быть кому-нибудь из вас сейчас изменяет жена. Или ваш муж уже собрал вещи и дописывает прощальную записку. А вы сидите и слушаете меня, чтобы потом рассказать друзьям, какого удивительного идиота вы сегодня наблюдали.

Что же, пусть это сделает ваши унылые жизни немного веселее.

– Только пообещай мне, что не будешь сидеть на страницах Полины в соцсетях.

– Обещаю, конечно, обещаю. Я что, идиот какой-то?

Естественно, первое, что я делаю, когда Глеб уехал – захожу на ее страницу. Количество друзей заметно увеличилось. Радостных сообщений на стене о внезапно наступившей счастливой жизни – тоже. Ого. И фотография новая.

На фотографии она с парнем. Ну то есть, скорее всего, с мужчиной, но таких как он всегда называют «парнем». Они не стареют. И даже если он женат уже пару десятков лет, то

рядом с ним на фотографии будет не жена или девушка, а некто, больше смахивающий на мать или, по меньшей мере, на старшую сестру в то время, как он останется «парнем». Такие не боятся морщин, седины, лысины или, не приведи господь, пивного живота. С «парнями» такого не бывает. Они и в шестнадцать, и в сорок восемь лет «парни». Такого боишься встретить на улице или в метро, потому что есть опасность, что он понравится. Внешне. Не как человек. А как мужчина. А ведь это абсолютно недопустимо для таких «агрессивных гетеросексуалов, как мы», как говорил Глеб. Если такого человека видишь в метро, еще до того, как понимаешь, что перед тобой Он – «парень» – начинаешь волноваться, что толпа спешащего народа поднесет твое несчастное туловище к нему поближе, и ты до него дотронешься. И в этом случае обратного пути не будет. Он вовсе не передаст тебе часть харизмы, привкус улыбки и не вотрет в тебя через куртку сексуальности. Такое ощущение, что за одно секундное прикосновение он тебя совратит, отымеет, сожрет и выплюнет, даже не заметив.

А, нет, вроде взрослый мужик какой-то. Суровый взгляд такой, волосы седые, борода. Ну охренеть, от чего бежала, туда и прибежала? И держит его так под ручку, не по-дружески, не заботливо. Он определенно ей больше, чем друг.

Как так бывает вообще? Ты что, врала мне? Зачем врала-то? Семь лет, семь! И все равно ушла к старику какому-то. Сколько ему? Девяносто? Двести? Триста лет?

Дыхание перехватило, и я почему-то вспомнил одну из последних фраз, которую она сказала мне вечером перед отъездом. Мы заказали огромное количество суши и роллов. Всегда их ненавидел. А Поля любила. Видишь, даже еда твоя любимая. Может останешься еще хоть ненадолго?..

– Я должен поблагодарить тебя за то, что ты принесла в мою жизнь роллы. Никогда их не любил. А теперь люблю.

– Их принес курьер. Можешь его поблагодарить.

Курьером был пожилой мужичок, простой, с бородой седой, ростом чуть выше Поли. Она ему еще так улыбнулась широко и чаевых столько дала. Она семью нашу рушила, бросала меня, топтала, уничтожала. И мужику какому-то улыбалась. Он что, понравился ей? Ты что, эй, к курьеру с суши ушла от меня?!

Я выдыхаю изо всех сил, освобождаю легкие, чтобы кричать не захотелось, протираю влажные глаза, подношу телефон ближе к лицу и, собравшись с духом, дотрагиваюсь до фотографии, чтобы ее увеличить. Ну и кто ты, рыцарь, мать твою, опытный мужчина, семьянин примерный. Парень. Ты кто?

Тьфу ты, это отец ее.

10. Доктор Аня

– Ну смотри, – Аня снимает очки и протирает их подолом халата. Не слишком гигиенично, тем более – для врача. С другой стороны, это делает ее более приземленной что ли. Более простой. Человечной. Так кажется, что мы на одном уровне. Хотя, быть может, это хитрый прием, чтобы заставить меня так думать. – Ты вспоминаешь только хорошее, верно? А зачем? Было хорошо? Ну было и было, а теперь прошло. Вернуть ее хочешь? А как ты можешь ее вернуть, это ведь не ты ее потерял. Да не протестуй, мы не в суде, сам же рассказывал, что она два года тебя к себе не подпускала. Два года! Сам понимаешь, сколько времени потерял? А теперь задумайся: разве ты был инициатором вашего разрыва? Это же она, она все обставила так, чтобы ты думал, что ты виноват. Ну ладно, предположим, что она – хороший человек. А с тобой поступила хорошо? Конечно, хорошие люди тоже ошибаются, иногда они поступают плохо. Согласен? Так вот, послушай: с тобой поступили плохо. Ты тоже совершал ошибки, совершенно верно. Но эти ошибки не исправить. Учел их? Постарайся не повторять. Все. Ты пытался измениться? Ты старался подстроиться? Искал компромисс? Ты сколько лет жил для другого человека, помогал ему, старался. Сделай перерыв, подумай: тебе понравилось? Нет? Так зачем ты тогда это делал? И менять себя на угоду того, кого

больше нет рядом – незачем. Абсурд! Такой, какой ты есть – таким и нужен. И себе и всем окружающим. Ты только посчитай сколько народу тебя поддерживает и помочь хочет: и родственники, и Глеб, и Влад, и все остальные. А Поля – зачем о ней думать? Откуда тебе известно, может она вообще все себе сама придумала: что приедет в новый город, что будет у нее новая жизнь, что вырвется она из своего окружения, выйдет на новый уровень, получит новый опыт, а может быть и бонусом еще счастливой станет. Ну вот придумала – и пусть там сама со своими придумками и справляется теперь. А у тебя есть ты – и решай свои вопросы, а не чужие. Порешал уже ее вопросы, достаточно.

А с «лишними» мыслями и воспоминаниями тебе бороться не нужно: ведь чем активнее пытаешься забыть, тем активнее они будут вылезать и вспоминаться. Сейчас все продумай, проревись, если надо, тогда с таракашками легче будет договориться.

И самое главное: не надо голодать и лезть в долги, чтобы ко мне приходиться. Купи себе еды, подожди зарплату и тогда если надо приходи. Хотя, мне кажется, тебе это уже и не надо совсем.

Аня, такая маленькая Аня в белом халате сидит передо мной, и я еще несколько минут перевариваю информацию, которую она мне выдала. Такая маленькая Аня, вдвое меньше меня Аня, а наполнить меня уверенностью в себе и каким-то незыблемым ожиданием счастья ей удалось буквально

но за десять минут. Восторг.

Я встаю и с глупой улыбкой направляюсь к выходу, решив, что сеанс окончен. Аня достает из стола пачку сигарет и открывает окно. Видимо, она тоже не возражает против такого развития событий. Я берусь за ручку входной двери, поворачиваю ее, но, постояв так секунды три, поворачиваюсь обратно и говорю:

– Аня, у меня один некорректный вопрос.

Она прикуривает сигарету прямо в кабинете и улыбается. Если она позволяет такое при своем пациенте, это может означать одно из двух: либо мы настолько сблизились, либо официально я больше не пациент. Пожалуй, второе меня устраивает больше.

– Задавай свой вопрос, в конце концов у нас еще пятнадцать минут.

– Скажи, это правда, что у психотерапевтов не бывает счастливых отношений? Вы ведь столько всего выслушиваете от пациентов, наверняка настолько хватает драмы, что своей уже и не хочется?

Аня выпускает дым и начинает смеяться.

– Не знаю, как там у психотерапевтов, но лично у меня три ребенка. И замужем я уже двадцать пять лет. – она смотрит на меня и улыбается. – Ты замечательный человек. Все у тебя будет хорошо. Просто будь собой.

Когда я вышел из клиники в зимний вечер и глотнул ледяного воздуха, я понял, что Аня права. И как специалист

права, и чисто по-человечески. И в том, что я не должен меняться для того, чтобы прогнуться под окружающих. Если я кого-то не устраиваю, этот человек волен идти на все четыре стороны, а люди, которых я буду устраивать на сто процентов, найдутся всегда.

И в том она права, что я, вроде бы, не очень плохой человек. Я долгие годы не сомневался, что мы с Полиной оба счастливы. Но могу ли я залезть в голову к другому человеку? Нет. Могу ли я быть уверен в том, что она чувствовала? Конечно нет. Когда мне казалось, что ее что-то не устраивает, я делал то, что она хотела. Я перестал пить, практически все свободное время уделял ей, почти перестал общаться с друзьями, за что не раз получал от Глеба тонну негатива. Я посвятил ей всю свою жизнь, а она осталась недовольна. При этом я сделал все, чтобы сохранить наши с Полей отношения, когда она решила уйти. Видимо, это как в математике: если любую величину помножить на ноль, в итоге получишь ноль. Что бы я ни делал, как бы ни прыгал выше головы, если усилия по достижению цели со второй стороны равны нулю – все бессмысленно.

От радостных мыслей даже идти получилось как-то быстро и легко. Лови, лови момент, Глеб, у тебя все мысли стали раскладываться по полочкам. Аня сказала, что никуда не денутся забавные откаты, когда будет казаться, что все еще можно вернуть, будут моменты, когда будет невозможно избавиться от кома в горле или дрожи в коленях. А еще воз-

можно деперсонализация. Это тоже один из инструментов организма, когда все вокруг происходит будто не с тобой, а с героем кино, на которого ты смотришь со стороны и будто бы не принимаешь в событиях никакого участия. Это пройдет, но можно успеть воспользоваться этим свойством и посмотреть со стороны фильм о самом себе. Забавно.

Я иду по улице и меня занимают грустные мысли.

Склейка.

Я иду по той же улице, но уже улыбаюсь.

Что дальше, что дальше? Что еще упорядочить? Так. Полина мама. Она – старше и опытнее, чем Поля. Она видит ситуацию глазами постороннего человека. И вот ее дочь встречает мужчину, который любит ее, дает крышу над головой, работу. Пожалуй, она считала, что ее дочери повезло, причем крупно. Поэтому ей, скорее всего, стыдно. И это очень приятно.

Склейка.

Лиза. Теперь можно и с ней разобраться.

Тут даже можно долго не раздумывать. Я знаю Лизу всю свою жизнь. Уже лет в пятнадцать мне казалось, что я в нее влюблен. Но почему тогда за столько лет ничего не изменилось? Я дядя взрослый, самодостаточный, и, видимо, если бы было что-то вроде «Ох, судьба моя, судьбинушка, как хочу быть с ней, уж мочи нет никакой», то я бы не рассуждал.

Склейка.

Что мы имеем? Мне нужны отношения? С кем? Иногда

вообще возникает отчетливое ощущение, что я борюсь сам с собой: вроде как хочется, но при этом кажется, что Лизу я добровольно упускаю. По какой причине? Слишком рано. Или, наоборот, уже поздно.

Неуместно руководствоваться своими ощущениями в состоянии глубокого нервного расстройства, но раз уж больше ориентиров нет, то и вывод можно сделать только самостоятельно. Меня к Лизе тянет, тянет сильно и практически постоянно. Но не в последнюю очередь – по той причине, что она видит во мне мужчину, а мне этого не хватает, много лет не хватает. И в то же время что-то в ней меня и отталкивает. Пока не знаю, что именно. Блистать догадками рано. В одном я уверен точно: сегодня мне предстоит настоящая холостяцкая вечеринка: я сходил на консультацию, у меня нет срочных дел, я еду к себе домой, где прекрасно проведу отшельнический вечер с книгой или, чего доброго, даже с двумя одновременно. Надо было дожить до тридцати лет, чтобы уловить радость от таких простых и, казалось бы, любому доступных вещей. Наверное, это и есть настоящее счастье.

Склейка.

Мое счастливое лицо, подмигивающее в объектив камеры.

Фанфары.

Затемнение.

Титры.

11. Глеб

– Тебе гораздо лучше, это видно. Тебе же лучше? А то мне видно, а вдруг тебе не лучше? – пытается шутить Глеб. – Да почему ты с подъема-то не бьешь?

Очень холодно. Идет снег, а поле покрыто тонким слоем льда, который еще не успели стоптать шиповки. Несмотря на жуткую погоду, мы приехали на игру раньше остальных. Даже если кто-то умер – это не повод пропускать субботний матч. Я нелепо поддеваю мяч носком, и он улетает не только выше ворот, но и выше оградительной сетки площадки. Глеб хмыкает и отправляется за мячом.

Я в плохой форме. Что может быть хуже: пришел на футбол, а думаешь не о футболе. Ноги то мягкие как вата, то деревянные. Да и после рывка метров на двадцать начинаешь дышать как во время марафона. Наверное, это из-за курения. Ну или из-за нервов. В любом случае, это отвратительно.

Состав команд на субботних матчах тасуется нередко, иногда даже стремительно, но чаще всего неизменны мы с Глебом: даже под ливнем и с высокой температурой мы всегда приезжаем заранее, чтобы немного побить по воротам. А ещё с нами играют все остальные.

«Остальные» – это те, кого полтора часа в неделю мы называем «друзьями», «братвой», а иногда и старомодным

«чуваки». Чаще всего эти люди не играют никакой роли в нашей жизни, но на поле каждый из них преобразуется и внешне становится либо форвардом, либо вратарём. Остальных позиций не определить: обычно все играют везде. Благо мини-футбол это позволяет.

– Э!

Ёмко. Именно с таким восклицанием Глеб кидает мне мяч. Я ловлю его на грудь и подьемом пробиваю в «девятку».

– Вот бы в жизни так, а! – Глеб даже улыбается. – Обработал – и в ворота. Хотя иногда можно и без обработки. Сразу в цель.

Мы оба начинаем хохотать над двусмысленностью фразы.

В самые тяжёлые моменты жизни кому-то помогает алкоголь, кому-то беспорядочные отношения, кому-то спорт. Мы всегда выбираем футбол. Мы даже познакомились так. На первом курсе я устроился на подработку курьером. В первый же день на утреннем распределении адресов для доставки он подошёл ко мне и сказал: «Привет. Я – Глеб. Ты играешь в футбол? У меня, если случается перерыв, начинаются проблемы. Мне физически плохо без футбола».

Такой заход был обречён на успех.

– Так, сегодня ты в нападении. И не спорь! Слушайся старших! – Глеб абсолютно серьёзен.

Когда-то нам казалось забавным, что Глеб старше меня. Если у нас случалось какое-то разногласие, будь то игра в футбол (кому на каком фланге расположиться) или новый

альбом Limp Bizkit (раньше было лучше, а это что за песни?!), Глеб всегда напоминал, что он старше. Да, мы родились в один день, но он – на полчаса раньше.

Со временем это преобразовалось из безобидной и незатейливой забавы в полноценное и беспардонное вмешательство в мою жизнь. Я выбираю не ту работу, неудобную машину, недостаточно стройную женщину. Страшно подумать, что было бы, если бы у меня был ребенок и я бы, естественно, совершенно неправильно его бы воспитывал.

Я люблю Глеба, по-настоящему люблю. Но, по крайней мере, я хотя бы не вру людям и ни разу в жизни не изменял женщине. Хотя и в этом я, понятное дело, кругом не прав.

Машины с «остальными» начали появляться на парковке рядом с полем.

– Ты же знаешь. – Глеб приветственно машет Диме, который достает мячи из багажника. Теперь он говорит тихо, чтобы его никто не услышал. – это как с шрамами. Ты порезался, а ранка начинает зарастать почти сразу. Но чем сильнее порез – тем дольше зарастает. Иногда она будет чесаться, иногда – болеть. Когда-то сильно, когда-то не очень. Но не забывай, что у любой раны всегда есть шанс залечиться целиком.

– Особенно если не теревить, не ковырять и не расчесывать. – киваю я.

– Да. Кстати, именно сегодня мне нужен от тебя хет-трик в первой же игре.

12. Лиза

Надо же, самый центр города, а район такой страшный.

Лиза ждёт меня в Diskette Lounge. Я добираюсь до него пешком мимо бескрайней Апрашки. Каждое второе лицо, встречающееся по дороге, напоминает о том, что либо в этом районе пока не закончились девяностые, либо здесь все живет по своим законам, без оглядки на реальность. Я стараюсь не смотреть по сторонам и иду быстро. Весна не спешит в город: с неба сыплется крупа, ветер дует со всех сторон и единственное, о чем я мечтаю – поскорее дойти до дома Карелина и подняться на пятый этаж.

Лифт доезжает до последнего этажа, двери открываются и мне под ноги падает туловище в майке и спортивных штанах. Напротив входа в бар – коммунальная квартира. Я аккуратно перешагиваю через бедолагу, открываю дверь, попадаю в темное помещение, и сразу чувствую знакомое возбуждение: будто дома все уже уснули и можно в тайне от родителей поиграть в восьмибитную приставку, не боясь, что отец в любой момент выдернет вилку из розетки. Лиза сидит за столиком и курит кальян, положив ногу на ногу. На ней короткая юбка и сабо, вышедшие из моды лет двадцать назад, что полностью отвечает атмосфере заведения.

Крыши Санкт-Петербурга за окном выглядят неуместно. В баре фиолетовые стены, на мебели – пиксельные иллю-

страции. Неработающие ламповые телевизоры отражают лица немногочисленных посетителей. Лиза смотрит в окно и в ее волосах играют лучи от дискобола. Звучит ретрофутуристический поп. Вряд ли она услышит мой голос, если я обращусь к ней. И лучше не портить беседами этот пугающий ностальгический пейзаж. Ведь обольстительные героини детских компьютерных игр никогда не наделялись способностью говорить.

Меня охватывает странная смесь возбуждения с азартом и вот я уже не понимаю: я хочу наброситься на Лизу и поцеловать ее или срочно поиграть в пинбол.

Сильно хочется курить, но я не шевелюсь, словно боясь разрушить магию момента, и рассматриваю Лизу. Легкий ветер из приоткрытого окна заставляет ее волосы шевелиться. Дискобол продолжает сверкать с одной стороны, а с другой – огни вечернего города отражаются на ее лице. Я пытаюсь понять, пробую почувствовать хоть что-нибудь и с каждой новой попыткой только выстраиваю у себя в голове новые препятствия, которые возникают быстрее, чем я могу опомниться. Рано. Нельзя. Жди. Дыши. Она смотрит на низкое небо хитро, загадочно. Красивая. И очень грустные, усталые глаза. Неужели я уже настолько ее замучил?

Трек внезапно перестает играть. У Лизы очевидно заложило уши от грохочущей музыки. Улучив момент, она с улыбкой поворачивается ко мне и громко говорит: «Верни мне мой 1997». Я громко смеюсь над шуткой. Наверное, да-

же слишком громко. Настолько громко, что все, кто находится в баре, поворачиваются ко мне, и вот я уже краснею, не понимая, куда себя деть. Сегодня Лиза красива какой-то особенной, северной красотой, которая не каждому придется по вкусу. Если бы мы были в Норвегии, я бы думал, что она норвежка. Но мы в России, а я все ещё краснею. Этот неловкий момент я решаю запить медленным и большим глотком колы, не подозревая, что колу в напиток я так и не добавил, поэтому получаю стакан дешёвого велкам-виски, который ждал меня на столике, залпом.

Через минуту я пытаюсь сконцентрироваться на фотографии на стене. Она черно-белая, и мне кажется, что на ней изображена Полина. Но нет, взгляд фокусируется и это портрет героини старой игры, Guardian Legend. Какой прекрасный момент. Любой, кто бывал в состоянии внезапного алкогольного опьянения, думает, что можно зафиксировать взгляд на предмете и мимолетно станет легче. Вот она, сладкая иллюзия трезвости: комната прекращает вращаться и кажется, что уже можно встать и выйти на воздух. Но нет, именно в момент мнимой победы над ситуацией я принимаю волевое решение моргнуть, и вот картинка уже потеряна, зато вернулось головокружение. Я в панике ищу малейший намек на изображение на стене, но тщетно. Зато я вижу Лизу и она, вроде бы, что-то говорит. Быть может, смущенная улыбка сработает и сейчас?

Когда мы только познакомились, она точно сработала.

Примерно через два эспрессо, вежливо поднесенные официанткой, я понимаю, что Лиза говорила со мной все это время. Похоже, она меня почему-то успокаивала:

– Ты не догадываешься даже, насколько ты влияешь на жизнь окружающих тебя людей. Ты такой. Смирись. Ты влияешь. В тебе есть кое-что, что подкупает, что нравится людям, поэтому ты влияешь. Сейчас весь смысл в том, чтобы не задумываться о какой-то ответственности и последствиях. Ты думаешь, ты на меня не влияешь? Еще чего! Я подумываю уйти из преподавания в коммерцию. Ну или подстричься. Пока не решила. Ну, где официантка? Хочу заказать шашлык!

– Сегодня ты мастер восточных единоборств?

Я шучу так внезапно и глупо, что эта дурацкая фраза заставляет хохотать нас обоих, как будто доказывая мне, что я все еще на коне, я могу заставить красивую девушку смеяться. А моя степень алкогольного опьянения – вопрос второго, если не третьего плана, поэтому я могу себе позволить фривольность. Ну или сделать вид, что я пьян настолько, что не понимаю, что несу. При этом я все равно стараюсь звучать уверенно, хотя получается и не очень. Может быть в этом потоке сознания смысл вижу только я сам:

– Лиза, я знаю, ты не отдаешь себе отчет, но у тебя сейчас самый крутой момент в жизни. Если ты не забыла, тебе только тридцать, а в некоторых европейских странах это вообще детство.

Откуда у тебя были представления о ярком будущем, однако, не сильно понятно. Делаю ставку на то, что за годы, которые прошли с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз, ты просто забыла, что было у тебя в голове тогда. Хотя, быть может, это просто фигура речи. И я слишком уж копаю.

Да, тебе не двадцать три, не двадцать пять. И поверь, дальше легче не будет, поэтому с этими ощущения надо научиться жить. Будет веселее, прикольнее, тяжелее, грустнее. Будет по-разному. Что не отменяет того, что так, как сейчас, не будет.

Если ты вспомнишь, год назад ты все равно была другой. И два года – тоже другой. И через год ты тоже будешь другой. А через лет пять ты будешь вспоминать это время и помнить лишь о том, что оно прошло. А насколько ты будешь радоваться этому факту, зависит от того, насколько ты научишься в этом жить. Твои слова о том, что надо что-то менять – это не поражение. И поверь мне, если ты так рассуждаешь, то живость и веру в себя ты не только не растеряла, но и укрепила. Или даже зацементировала. Потому что, если бы ты не была уверена в себе, ты бы не сидела сейчас здесь рядом с разведенным пьяным мужиком. Если бы в тебе не было желания жить, ты бы не хотела изменить то, что вокруг тебя.

Лиза, ты молодец. И ты справляешься. Вот теперь ты можешь начать сопротивляться моим словам, но я прав, потому что я смотрю на ситуацию снаружи.

К нашему столику неспешно подходит официантка. Я пытаюсь уговорить себя, что мне уже достаточно, ведь на улице все еще зима, и добраться до дома в моем состоянии будет уже нелегко, но глаза предательски фокусируются на бутылке в руках у девушки. Все чаяния о быстром пути домой исчезают.

Лиза зачем-то пытается перехватить бутылку виски из руки официантки, но промахивается, и литр первоклассного «Джека» вдребезги разбивается о наш стол.

– О, скатерть-самогонка. – бормочу я.

Официантка запрокидывает голову и начинает звонко смеяться. На секунду она кажется мне неуловимо похожей на Полину.

Часть 2. Настоящее

1. Глеб

Это лёгкое ощущение, которое сравнимо только с опустошающим чувством выполненного долга; когда ставишь другу песню исполнителя, который тебе сильно нравится. В такие моменты совершенно неважно, о чем тот поет, чем вы заняты или какой месяц на дворе. Бас-гитара вступает атональным слэпом, и ты поглядываешь краем глаза на друга будто пытаясь понять: нравится ему песня или нет. Выглядит это так, словно ты принес выполненную работу своему вечно недовольному боссу и пытаешься выцыганить себе его расположение или хотя бы внеочередной выходной. И тут он начинает кивать в такт, притоптывать ногой, слегка улыбаться и мяч, казалось бы, на твоей стороне, но вот он поворачивается к тебе и с широкой улыбкой констатирует: «Полное дерьмо». И тебе уже неважно, говорит он это в шутку или всерьез. Твою песню не оценили, а вместе с ней всю твою работу и твою ничтожную, никчемную жизнь.

– Ты растрачиваешься направо и налево. – Глеб деловито чешет бровь. – Почему бы не сэкономить? Оставь себе хоть немного. Помни: богат не тот, кто много зарабатывает, а тот, кто мало тратит.

«Ты абсолютно не прав», – думаю я.

– Ты абсолютно прав, – говорю я вслух.

Глеб явно доволен собой. Он прав. И, раз он не скрывает своей радости, значит сейчас последует история. А раз Глеб доволен и собирается рассказать историю, значит это будет история о девушке.

– Ира подошла ко мне, положила голову на плечо. Я смотрю, а у нее волосы аж деревянные от лака. Вся пыль мира в них застряла. Какой-то кошмар. Смотрю на нее, обнимаю, руки помнят, а в голове только одна мысль: «Нет, нет, нет» – и я начинаю ее целовать.

Глеб вернулся к своей бывшей. То есть не той бывшей, которая была до Наташи, а той бывшей, что была его любовницей еще до его нынешней любовницы. Как женщины на такое решаются?

– А вообще у нее на уме только одно: выпить смузи, одеться в стиле кэжуал, назначить конфколл и отправиться на митинг.

– Ты вот сейчас на каком языке говорил? Что это значит?

– Откуда я знаю, что это значит. Да и какая разница, если она обещала после этого митинга пригласить меня к себе домой.

Ещё два года назад Глеб зеленел от одной мысли, что кто-то заводит себе юных знакомых, будто надеясь сохранить свою молодость. Как же быстро можно превратиться в то, что сам ненавидишь. Главное – вовремя это заметить. Чтобы

успеть не разочароваться.

– Ты выбираешь женщин как будто не себе, а кому-то другому, – внезапно перемещает Глеб фокус разговора на меня. А может быть он почувствовал, что я вот-вот начну рассуждать о том, что ему неприятно.

– Я выбираю женщин не которые нужны мне, а которым нужен я в определенный момент их жизни.

– Не знаю, на чем основана моя уверенность, но я точно знаю, что настанет такой день, когда ты вполне искренне скажешь своей бывшей спасибо за то, что она свалила. Может быть это произойдет завтра, а может и через пять лет. Во всяком случае, в моей голове это уже свершившийся факт. Да и вообще не вижу смысла так разбазариваться из-за обычной бабешки, которая после стольких лет невнятной семейной жизни даже уйти достойно не смогла.

Разговор явно приобретает поворот, который не устраивает уже меня. Весна. Мы сидим на скамье в парке 300-летия Санкт-Петербурга. Тепло, но со стороны залива то и дело дует холодный ветер, напоминающий о недавно отступивших холодах. Я пытаюсь отвлечься от темы разговора и наблюдаю за девушкой, которая проезжает мимо нас на роликах. На ней зимняя шапка и пуховик. Для полной картины не хватает только зимних сапог. Я на секунду представляю себе, как она натягивает ролики на каблуки.

– Все очень плохо, но не покидает ощущение, что самое плохое все еще впереди.

– Когда уже ниже падать некуда, остается только один путь – назад вверх.

– Знаешь, мне иногда кажется, что я общаюсь не с живым человеком, а со сборником цитат.

Странно. Глебу это сравнение, кажется, понравилось. Он загадочно улыбается.

– Странно, – говорю я вслух. – Почему я не могу один? Я же мог. Почему я не могу опять?

– Точно. Тебе срочно нужна тетка, которая будет вскрывать тебе мозг и тянуть из тебя деньги, попутно пытаясь тебя переделать. Когда ты уже поймешь, что нельзя вымогать то, что дается даром? Одиноко – звонишь мне. Одиноко – едешь к Лизе. Кстати, почему ты опять начал ее избегать?

– Да потому что даже когда она рядом, я все равно думаю о Полине.

– Seriously?

– Seriously.

– Связаться с ней не думал? – Глеб так пристально наблюдает за девушкой на роликах, будто именно ей я должен был позвонить.

– Почему-то представлялось, что она сама наберет меня и начнет говорить. И спросит, как дела. Придумал целый диалог. Скажу правду. Она скажет, что ей жаль, а я отвечу, что я ей не верю. А она парирует: «Твое право». А я ее обзову. Скорее всего, мысленно. И ничего не сработает. И буду сидеть я в своем СПб печальный, а она у себя там с испоганен-

ным настроением. Представляешь, я реально до сих пор думаю, что могу испортить ей настроение и не хочу этого. Если это любовь, то я страшно не хочу ее любить.

Глеб закуривает очередную сигарету. В последнее время мне кажется, что он стал курить даже больше, чем я.

– Знаешь, – он выпускает дым и выдерживает пафосную паузу. – Если бы вы прожили лет двадцать, и она нарожала бы тебе детей, терпела бы твои... ну не знаю... адюльтеры, пьянство или какую-нибудь еще хрень, а потом устала бы от этого всего, и с корнем вырывая тебя из сердца, решила бы расстаться с тобой, тебе бы обязательно все сказали: борись за нее. Потому что за таких стоит бороться. А за игрушечную иллюзию игрушечного брака – зачем? Прости, если резко, но, кажется, настоящим все было только для тебя.

Девушка на роликах, засмотревшись то ли на меня, то ли на Глеба, наезжает на камушек, лежащий на ее пути, и падает плашмя в нескольких метрах от нас. Это плохой знак.

– Бойся юной красоты, – Глеб говорит тихо, и я не понимаю, кому он адресует эту фразу. Он выбрасывает сигарету точно в урну, встает и походкой важного человека направляется в сторону девушки. Бьюсь об заклад, уже завтра она будет смеяться над его шутками на их первом свидании.

2. Влад

Услышав шаги, я молниеносно сворачиваю окошко браузера. Мне показалось, что я сделал это достаточно быстро. Как выяснилось, даже слишком. Это было заметно.

– На рабочем месте порнуху смотришь? – хихикает Влад. Подчинённый. Слава богу. Признаться, что я изучал динамику курса валюты, а не что-то более веселое, я не собирался. Смущенная улыбка будет выглядеть неоднозначно и загадочно. Пусть думает, что хочет.

– Да ладно, ладно. Я никому не скажу! Ты что!

Сработало!

– Послушай, удели мне сегодня вечером полчаса. Очень нужно поговорить.

Совершенно того не замечая, я плавно подхожу к возрасту, когда сам уже не говорю: «Господи, какой я старый», но вокруг в арифметической прогрессии появляется все больше людей, которые это утверждают. Некоторым из них я даже технически гожусь в отцы, а они, в свою очередь, уже не только закончили школу, но и полноценно живут настоящей взрослой жизнью, кто-то со своими семьями, а кто-то и с детьми. Но есть и такие, как Влад. Человек, которому всегда нужен совет, а еще лучше – четкий алгоритм поведения и вектор движения. Некоторым особо рефлексирующим, глубоко уверенным в своей правоте и безапелляционности мне-

ния, я всегда могу ради смеха сказать «поговорим с тобой об этом через десять лет», а для самых настырных – в шутку добавить «если доживешь». Но с этим товарищем такое не сработает. Хотя бы потому, что у него практически не бывает собственного мнения.

Оказывается, Владу совсем не нужно со мной говорить. Он хочет купить рубашку. Белую рубашку, чтобы пойти на первое за несколько лет свидание. Я не уточняю с кем, не задаю никаких лишних вопросов. Меня это даже не интересует, пожалуй. Парню двадцать пять лет. Белая рубашка на свидание. Серьезно?

Вечером, после непродолжительного шоппинга (нет, не белую! Да, это нормально) мы выходим из торгового комплекса на Сенную площадь и закуриваем. Народу уже немного, темнеет. Мы молча стоим и разглядываем дома, будто собираемся обсудить многогранность архитектуры, как вдруг Влад делает шаг назад и смотрит мне за плечо. К нам идет мужичок. Еле идет, пошатываясь. Самому лет семьдесят. Лицо такое: очевидно, что эмоций за жизнь не пожалел, все в морщинках. Небритый. Одежда грязная.

– Ребята, есть сигаретка для дедушки? – говорит. Влад сразу же: – Нет! Я говорю: – Конечно, держи дедуль. – и даю ему сигарету.

Он смотрит на меня и грустно улыбается:

– Спасибо. Пить бы еще бросить. Я же совсем один. Я так, – говорит – тепла жду. Все обещают и обещают. А я на

рыбалку хочу. Я так на рыбалку хочу. Ничего так не хочу, как на рыбалку. У меня же нет ничего. На дачу хочу, так дачу сын отобрал и не пускает.

И плакать начинает.

Я ему говорю:

– Это не ты такой. Просто попробуй не пить.

Он скребет щетину на подбородке, смотрит на меня, и спрашивает:

– Как считаешь, это поможет? – и в карман полез. Я напрягся, подошел поближе, черт его знает, что он там достанет. Он медленно вытаскивает визитку, на которой написано: «Лечение от зависимостей».

Я говорю, может и помогут, только тут адреса нет. Написано, говорю, Санкт-Петербург. Значит городом точно не ошибся.

Дедушка смеется.

– В Бога, – говорит, – веришь?

– Верю. В кого же еще-то верить?

– Вот раньше были коммунисты, дальше капиталисты. А сейчас кто?

– Православные теперь!

Дедушка громко смеется и кашляет.

– Бог поможет. Просто верь. Спасибо тебе. Все у тебя будет хорошо. – Он уже собирается уходить, как вдруг начинает кричать: – Спасибо! Спасибо тебе! – и крестит меня, крестит.

Влад на меня смотрит и спрашивает:

– Ты почему такой человек?

Какой я человек уточнять мне не хочется, поэтому я просто отвечаю:

– Не знаю, я иначе не умею и не буду.

Влад затягивается сигаретой и внезапно выдает:

– Так надо же о себе думать и быть эгоистом.

– А то на всех тепла не напасешься, – мысленно отвечаю ему я.

– Ты же не умеешь? – Влад не уверен, что этот разговор следует продолжать. Я вижу, как он делает над собой физическое усилие и выдыхает: – Это как у Ницше. «Чем шире ты открываешь объятия, тем легче тебя распять».

– Не знал, что ты приверженец ницшеанства.

– Не совсем. – Влад широко улыбается. – Я в интернете прочел. Подумал, что это о тебе.

– Знаешь, дружище, – решаюсь я. – А мне ведь тоже нужно с тобой поговорить.

Губы Влада растягиваются в улыбке. Он готов поговорить. Он готов помочь. Он очень хочет быть полезным. И мне на недолгую минуту кажется, что он – единственный настоящий человек во всем моем окружении.

– Да! – почти кричит он.

Я достаю из кармана обручальное кольцо.

– Вот кольцо. Вон ломбард. Возьми кольцо, сходи в ломбард. Это поможет мне двигаться вперед.

Но он уже не слышит меня. После слова «кольцо» он схватил его и понес в нужном направлении. Может быть его сдадут в переплавку или продадут кому-нибудь еще. Может быть кого-нибудь оно сделает счастливым. Не знаю. Уверен я только в одном: у нас с Владом сейчас будут деньги на несколько пинт пива и сегодня никуда не нужно торопиться.

3. Город

Если ты здесь появился на свет, в свидетельстве о рождении пишут диагноз. Гранитная пыль с твоих ботинок не стирается годами, а пышный аромат цветущего дуба, как и тополиный пух, проникает в каждую щель дома в центре города. Старая табличка на входной двери в парадную гласит: «Берегите тепло», но она не советует, она предупреждает. Если доктор не может с первого раза взять анализ крови у ребенка, он почти что точно скажет: «Ну вот, ещё у одного Нева в венах течет». Здесь люди улыбаются редко, но, если улыбаются, значит ты свой. Здесь если ветер, то насквозь. Если дождь, то насовсем. Если снег, то не на час. Этот город пережил наводнения, дуэли, Блокаду и революции. А может быть поэтому люди так редко улыбаются? Потому что город выстоял, но не забыл?

А ещё мне кажется, что только в Санкт-Петербурге по-настоящему любят солнце, потому что оно очень редко сюда заглядывает.

В беззаботные и ясные дни обычно мне приходили в голову мысли, погоде совершенно не отвечающие. Например, недавно мне начало казаться, что именно потому Поля и не выдержала жизни здесь, что город ее не принял. С другой стороны, кому может понравиться юный по европейским меркам мегаполис, который выглядит как ровесник земного

шара? Гранитные набережные, серые здания, позолоченные шпили, которые даже в погожий день, кажется, не отражают, а поглощают солнце. Я пытаюсь снова и снова взглянуть на город ее глазами, будто снимая с себя ответственность за наше расставание, но у меня не получается. Раньше мне казалось, что я могу понять, что она чувствует, а может и почувствовать за нее.

Зачем?

Ведь все равно, когда раз за разом мы пересматривали любимые фотографии города, только у меня в душе они вызвали странный, легкий холодок ожидания. Ожидания непонятно чего. Как будто вышел в пасмурный прохладный район около одиннадцати часов утра в будни и просто пошел походить и пофотографировать окрестности, как я и делал в юности. Все какое-то такое серое и родное, а в то же время красочное, старое, и как будто несуществующее. И никогда не существовавшее. Или существовавшее, но когда вокруг еще были все и все были живы, а от них пытался убежать, ускользнуть, спрятаться. Странно. Тогда так хотелось, чтобы все куда-нибудь делись, а сейчас, наоборот, хочется, чтобы никто и никуда не девался. Желательно никогда, или хотя бы еще несколько лет.

От этих фотографий всегда подпитываешься какой-то странной энергией. Вроде и сделал их только вчера, смотришь на дату съемки: а уже десять лет назад. И ощущения, которые «только что» были настолько свежими – уже исто-

рия.

Странное ощущение. Приятное, но странное.

Хорошее.

Как. Хорошо. Было. Одному.

В такие дни, как сегодня, очень нужно прогуляться. Мне повезло, что по долгу службы придется посетить дружественную организацию в центре города. Рядом с серым Казанским собором я сел в троллейбус, открыл окно и подставил лицо потоку горячего воздуха. Ехать мне не очень долго, до ярко-желтого Владимирского собора всего несколько остановок. По полупустому центру города буквально за десять минут я добираюсь до пункта назначения, выпрыгиваю из троллейбуса и приземляюсь в детстве.

Воспоминания приходят странные – как видеокadres из восьмидесятых. Просто и аккуратно одетые люди, минимум машин, веселые дети, бегающие за резиновым мячиком...

И теплый запах. Теплый запах внезапно пришедшей весны. Когда ветер в центре холодный настолько, что пронизывает насквозь, а солнце уже подбадривает и греет изо всех сил, напоминая о том, что лето не за горами.

Я неспешно иду в сторону Фонтанки. Единственное внезапное желание – послушать что-нибудь из детства, что-нибудь такое, что сохранилось до сих пор, что напомнило бы о времени молодых родителей, живых бабушек, высоких деревьев и отсутствия проблем даже в виде домашнего задания по математике. И я прогулочной походкой иду, листаю в те-

лефоне папки с гранджем и бритпопом, и вдруг натыкаюсь на альбом, который бесповоротно погружает меня в возраст кассетных плееров и дешевых наушников.

Влажный, горячий, пыльный запах, ветер с привкусом песка на зубах... Ощущение не из приятных, но этот скрип добавляет надежд на то, что вот-вот придет лето. Голова уже кружится от внезапного тепла и обманчивого чувства огромного мира, открывающегося перед тобой. Второй или третий раз в жизни я нажимаю на кнопку, выкидывающую треки наугад, и за полмгновения до того, как начинает звучать песня, я бросаю взгляд налево и вижу свое детство.

Маленький скверик, который ютится в трех полуразрушенных стенах и выходит на переулок небольшим садиком с кривыми скамейками. Рядом песочница, в которой не помещусь я нынешний и в которую бы влезли штук пять меня тогдашних. Приоткрытое окно, на нем – марля, на форточке висит градусник родом из восьмидесятых и в последнее мгновение я слышу женский голос, кого-то зовущий, звонок стационарного телефона и бряцанье кастрюль на кухне.

На секунду вернулось все: почему-то опять стали живы бабушки и мама, у отца начался выходной, а ребяенок среди них бегает в ожидании прогулки с собакой.

Мысли, как им и полагается, свернулись, как свежая кровь, смешались каждый отдельно взятый год жизни в одно пунцовое месиво из всех красок, а в наушниках зазвучала The Long And Winding Road.

Город.

Какой же ты пыльный, ветренный и гранитный. Мой. Я неожиданно для себя понимаю, что не хочу делить тебя ни с кем. Вообще ни с кем. Тем более с Полиной.

Я всегда сильно уважал своих родителей, но слушаться их велели скорее родственники, чем внутренняя потребность подчиняться старшим. Хотя одну вещь, которую мне сказала на мой пятнадцатый день рождения мама, я запомнил навсегда.

Это был странный тост, который, как оказалось, не поняли родственники, а потом, после моего пересказа, не понял и Глеб. Она встала, торжественно подняла бокал с томатным соком, улыбнулась и тихо сказала:

– Всегда смотри вверх.

Запредельный пафос, с которым это было прошептано, преобразовался в тонкое чувство голода до прогулок по городу в независимости от погоды. С того дня я всегда старался смотреть на крыши, неизбежно спотыкаясь о брусчатку в центре. Но теперь я всегда, всегда смотрю вверх, чтобы видеть небо и вспоминать маму. А когда вспоминаю маму, поднимаю глаза наверх. В этом небольшом ритуале осталась наша с ней хрупкая связь. Так кажется, что она всегда рядом. Так кажется.

Я выхожу к БДТ, перехожу Фонтанку, смотрю по дороге направо, чтобы увидеть мостик Ломоносова, потом налево, чтобы отметить, что синие купола Измайловского собора

на месте, стою на светофоре, разглядывая театр, а потом отправляюсь в направлении «Ватрушки», пересекаю ее, сворачиваю на Зодчего Росси, и тут в наушниках начинает играть Пол Маккартни.

И так захотелось, чтобы хотя бы сегодняшний день был хорошим. У всех.

Выхожу на Невский. Удивительное дело. Идешь по центру, а ни один дом на другой не похож. Один выше, другой ниже. Все разные, разноцветные, разнокалиберные.

Никогда не надоест.

4. Лиза

Кассирша смотрит на ленту с товарами, куда я только что выложил из корзины четыре пятикилограммовых блина для гантелей и четыре бутылки пива. Очевидно, что человек с такими покупками встал на путь перемен. Однако в какую сторону он готов изменить свою жизнь – пока не понятно.

Очереди за мной никто не занимал и кассирша, видимо, решила этим воспользоваться.

– Добрый день? Это ваше?

– Да.

– Что-нибудь еще будете брать? Сигареты и протеиновый батончик?

Не уловив иронии в ее голосе, я беру пачку сигарет и зажигалку. Если она пыталась заигрывать со мной или пошутить, я этого не понял.

Так. Теперь можно и Лизе позвонить.

– Эмм, нет, сейчас я занята. Да, слишком занята. Езжай лучше домой.

Ага, а вот и новое ощущение. Что значит «занята»? Куда это еще «езжай»?!

Мне это резко не понравилось.

И мне не понравилось, что мне это не понравилось. Выходит, я все же настолько инфантилен, что даже человек, который мне безразличен, так влияет на настроение? Или

небезразличен? Но в любом случае, зачем кокетничать? Зачем придуриваться? Мы знакомы сто лет, почему не сказать честно, прямо и просто, почему мы не можем увидеться?

Кстати, секундочку, а хочу ли я этого в принципе?

Я решил не раздумывать о том, что мне пытаются доказать Лиза, а поехал прямиком домой. Желание мягкой мести не давало мне покоя, а единственный беспроегрешный вариант, который маячил на горизонте, не слишком меня радовал. Глеб уехал к своей бывшей бывшей. Отец наверняка работает. О Лизе вообще нет желания думать.

Вера и Сережа.

Наверное, у каждого человека есть пара друзей, которых, если встречаешь впервые, принимаешь за брата и сестру. Одинаковая короткая стрижка из кучерявых рыжих волос, абсолютно одинаковые очки, они даже одеваются в цвет.

Когда я впервые увидел их, даже пошутил, что вот, мол, смотри, Глеб, наверняка их зовут Саша и Саша. Ну или Валя и Валя. На что Глеб в свойственной ему манере ответил, что они скорее Валера и Валера.

Я даже не понял, как мы подружились. Но факт оставался фактом – с ними даже в застрявшем лифте было бы уютно. К тому же, они никогда не отказывались ни от одного предложения.

Лиза перезвонила мне сама, когда был поздний вечер. Ну ничего, ничего, сейчас мы с тобой поговорим. Надо было просто быть со мной повежливее днём. Хотя стоп... Что я

пытаюсь ей доказать? Какого черта я переживаю?

Приехавшие в гости Вера и Сережа взялись за руки и смотрят скучный фильм, так что я даже рад внезапному звонку и сразу ретируюсь на кухню. Тему, возникшую сегодня днем, мы как-то сразу пропускаем, перейдя, по мнению Лизы, к главному:

– Иногда мне кажется, что вот он, момент, лишних людей в нашей с тобой жизни разогнали, так почему бы нам и не быть вместе-то. И только я завожу об этом разговор, так тебе рано, и ты этого не хочешь.

Я больше всего на свете хочу сказать ей, какая она красивая, что у нас на сто процентов совпадают мысли обо всем на свете, что она относится к жизни и даже говорит как я. И мне это ужасно не нравится. Потому что я хочу быть с ней, но пока не готов.

– Мне не все равно, – тихо говорю я в трубку.

И тут я услышал грохот. В тихом вечере он возник настолько внезапно, что молниеносное чувство ужаса на секунду меня парализовало. Звук явно доносился не из комнаты, где был включен телевизор. Раздался звонок в дверь. Кто-то будто нетерпеливо зажал кнопку и долго держит ее, не отпуская. Я без объяснений прощаюсь с Лизой, подхожу к двери и сразу отшатываюсь от нее, услышав, как в нее врезается чье-то тело.

Рискнув посмотреть в глазок, я вижу, что мой сосед Паша дерется с двумя бабами. Именно бабами, а не женщинами.

Есть такой тип, который зовется «базарной бабой», так вот они как раз такие. Невысокие, в теле, грязные волосы туго завязаны на затылке в хвост, обе – в свитерах с горлышком и одинаковых потертых джинсах. А Паша... Впервые вижу его одетым в белую рубашку и штаны, да еще и с лакированными ботинками. И он бьет женщин. Seriously бьет, с остервенением, хоть и не всегда попадает. Они хватают его за волосы, пытаются сорвать с его шеи цепочку, неумело заслоняются от не менее неумелых ударов. И никто из них не произносит ни звука.

Из дальней двери выходит соседка и начинает причитать: «Паша, что же ты делаешь? Неужели милицию пора вызывать?» И сразу закрывает за собой дверь. Поучаствовала.

Я отхожу от двери. Смотрю на Сережу. Он испуган. Вера с открытым ртом.

И я понимаю, что от них поддержки можно не ждать.

Я распахиваю дверь и вылетаю в холл. Одним движением отталкиваю одну из баб и начинаю орать: «Паша! Паша, перестань! Это ведь женщины!» Он поднимает на меня абсолютно трезвый взгляд, мгновенно получает хлесткий удар в глаз от одной из них и бросается на обидчицу. Я пытаюсь оттащить его в сторону и тут на меня прыгает вторая. Я отмахиваюсь от нее и кричу: «Отошла!»

Растаскиваю Пашу с первой и кричу: «Так! Отцепись!» Она вопит: «Там моя сумка!» – и бежит к Пашиной двери, а он орет: «Ты не пройдешь, сука!» На секунду я успеваю

подумать, что не очень-то он похож на Гендальфа. Ростом не вышел, бороды нет. Да и с женщинами дерется.

Улучив момент, одна из гостей скрывается за дверью, Паша забегает следом за ней и дверь захлопывается.

Я поворачиваюсь ко второй: «Ты что тут устроила, не видишь к какому пришла?» А она в слезах: «Что ты, сука, лезешь?! Как тут ментов вызывать?»

Я говорю ей номер. Она правда не может вспомнить три цифры?

– Адрес какой?!

– Не знаю! – рывкаю я, захожу в свою квартиру и с грохотом закрываю за собой дверь.

Уже через минуту я слышу грохот Пашиной двери и вопли улепетывающих баб.

Несчастный Паша живет один уже много лет. Ему почти пятьдесят. Жена не пускает к нему дочь. Он отличный, спокойный и тихий мужик. Кого он по пьяни потащил к себе домой? И зачем?

На этом свете есть люди гораздо несчастнее меня.

Похоже, мне никогда не было так жалко никого, как Пашу. Не потому ли, что я увидел в том, как он живет, свое возможное будущее?

Никогда не позвоню ему в дверь. А если встречу на улице, спрошу, нужна ли помощь.

А Паша сам хотел быть один? Или так получилось просто по причине? По причине чего? Вариантов не счесть, возмож-

ностей, ведущих меня к подобной жизни – тем более. Завтра же завязываю пить.

***

Как обычно, ночью мне приснилось, что меня бросает Поля. Сон был не очень сюжетный, а скорее довольно буднич- ный и простой. Хотя каким еще может быть повторяющийся раз за разом один и тот же сон о не самом приятном периоде жизни. На сей раз это почему-то произошло в Петродворце, и она ушла от меня к какому-то чрезвычайно мужественно- му бородатому мужику. Я уже даже не пытался ничего де- лать: ни показывать свое расстройство, ни пытаться ее вер- нуть, ни даже сказать, что она мразь. Будничный сон о том, что меня буднично бросают ради того, кто привычно лучше, чем я. По традиции. Уже в пятнадцатый раз подряд. Даже сердце защемило настолько привычно, что я не обратил на это внимания. Но если в прошлый раз меня вытащил из сна звонком по телефону Глеб, то теперь не помог никто. Я про- сто делаю над собой небольшое усилие и просыпаюсь. Ого. Восемь часов утра. Пора в офис.

Никогда в жизни не было так легко вставать на работу, как никогда.

Ой, а почему так больно?

Я моментально забываю сон и с ужасом понимаю, что упу- стил момент, когда плохое самочувствие превратилось из ед- ва заметного недомогания в полноформатное ощущение, что сдают почки. Я всегда был довольно мнительным, хотя и ста-

рался никому в этом не признаваться. Но вот утром что-то сильно закололо в правом боку. Наверняка камни в почках или аппендицит. Я медленно поднимаю правую ногу и прижимаю ее к груди. Врачи давно доказали, что это не самый лучший способ самодиагностики, но, когда колено касается плеча, становится немного легче. Боль не усилилась, а значит это хотя бы не аппендикс. Мысленно перебирая около десятка наиболее вероятных диагнозов, я беру телефон и вбиваю все по очереди в Гугл. Ни одно из них не имеет симптомов, схожих с моими. Надо попробовать Яндекс, он определено знает больше об особенностях организма среднестатистического россиянина, подбирающегося к кризису среднего возраста.

На третьем запросе все проходит без следа. Стоп. Это тоже были нервы? Хорошо, что после работы я записан к Ане.

***

– Знаешь, – говорит доктор Аня, – есть один простой способ отделаться от навязчивых воспоминаний. Упражнение называется «Страж». Как только мысль приходит в голову, ты выставляешь охранника, который ее отгоняет. Обычно мои пациентки говорят, что им помогает бородатый витязь с огромным мечом.

– Пациентки? Ну спасибо!

– Ты просто попробуй.

Я изо всех сил пытаюсь представить себе «Стража», но, как только рядом с ним появляется Полина, она начинает це-

ловаться с этим неизвестным мужиком, который раз за разом приобретает черты то Глеба, то доставщика суши, то еще черт знает кого. Я открываю глаза и вижу, что Аня впечатлена своей шуткой. Она хитро смотрит на меня и продолжает говорить:

– А пациентам я советую представлять себе огромный пресс. Знаешь, как в американских фильмах на станциях переработки автомобилей. Был автомобиль – БАХ! – и стала плоская груда металлолома. Был человек в воспоминаниях – БАХ! – и нет его. Была грустная мысль – БАХ! Разделайся без сожаления. Гони прочь. Не нужно тебе больше об этом думать. Просто... БАХ!

Я вышел на улицу вдохновленный новым знанием и решил воспользоваться им сразу же: сел в автомобиль, открыл пошире окно, зажмурился...

Бах!

Пресс многотонный сминает Полину, и она послушно складывается в комочек со звуком разорванной фотографии.

Солнце жаркое, слепит. Отличный мая. Крепкий.

Пресс медленно, скрипя открывается. Никакой Полины внутри нет.

Полина смеётся.

Бах!

Со скрежетом, перетирая в пыль и небытие, улыбок больше нет. Просто – Бах!

И сразу опять жить захотелось. А то вон, гантели дома

пылятся. А сил сколько!

Полина нежно гладит по лицу. О стеклянных щечках не знает ничего. Как ножом поперек спины.

Бах! Бах! Бах!

5. Света

– Тебе хотя бы есть кому написать слово «кофе» и без усилий получить бонусы, на которые некоторые не могут рассчитывать. А вот я...

Глеб прищуривается, и я теряюсь в догадках: он собирается рассказать о том, как тяжело ему живётся или мысленно пересчитывает тех, кому он может написать даже не слова, а смайлики, чтобы они примчались к нему в любое время суток.

– А вот я уже неделю спать не могу нормально, – продолжает он. – Мне знаешь как плохо?

– Не думал, что это соревнование.

Суббота. Сегодня быть с сыном выпало именно Глебу, поэтому я присоединяюсь к семейному походу в зоопарк. Может оно и к лучшему, что с нами ребенок. Так хотя бы вокруг не будут виться лишние девушки и все внимание будет сконцентрировано на мне.

Хотя с нами же ребенок. Черт. Вот он уже схватил с земли камень и запустил им в фонарь. Сыну Глеба почти три года. Удивительно, насколько современные дети растут быстрее, чем мы. И насколько они более раскованы. Но это ведь тоже, наверное, зависит от воспитания. «Никогда не смогу сказать своему сыну «Я в твоём возрасте себе такого не позволял»». – постоянно шутит Глеб.

– Разве ты не понимаешь, я не могу быть с Лизой. Она тащит меня туда, откуда я только начал уходить. Она тащит меня назад. Я не хочу назад. Я ещё не понял, как это, быть не там, где назад. Я хочу вперед. Я не знаю как там и не понимаю почему, но я страшно, страшно хочу вперед. А еще я очень хочу ей верить. Представляешь, она призналась мне в любви!

Удивленное лицо Глеба. Ничего нового.

– Просто сказала: «Я люблю тебя». А память предательски подсунула мне лицо Поли, которая кричит «я не люблю тебя» и уходит от меня. Что происходит, что?! Я так хочу верить Лизе! Но не могу!

– Это, пожалуй, самый страшный бред, что я слышал от тебя за последние лет пять. – Глеб, кажется, начинает переключаться на свою любимую историю с обвинениями в том, что я живу не так, как нужно, но я словно не слышу его.

– Да, хочется верить, хочется. Но у меня не получается! Жизнь приучила. С самого детства: родители покупали конфеты, прятали их и говорили, что в доме нет сладкого. А потом я находил сверток с «Раковыми шейками» в комод. В школе учителя прочили громкое и успешное будущее. И вот мне тридцать, я маркетолог, зарплата ниже среднего, да и вообще, что это за должность такая? Полина обещала любить меня всю жизнь. Мама говорила, что они с отцом всегда будут рядом. Ничего не сбылось. Ничего!

Наверное, Глеб думает, что я сейчас заплачу, но слез у

меня уже не осталось, а желание делиться своими чувствами внезапно исчезло напрочь. Видимо, наступает момент, о котором говорила доктор Аня: выговаривай эмоции, рассказывай людям о том, что чувствуешь. Не скрывай. Не держи в себе. И когда придет время, и ты поймешь, что больше не хочешь озвучивать свои мысли, хотя бы временно, это будет означать, что ты все делаешь правильно и уже скоро, очень скоро станет легче.

Что ж, выходит, я на верном пути.

– Так когда ты к Лизе переедешь и заживешь уже долго, счастливо и в один день?

– Да я не могу быть с ней, твою мать!

– Твою ать! – сын Глеба смеется, радуясь новой фразе.

– Ох, блин.

– Блинь!

Совсем забыл, что рядом ребенок. На мальчике футболка с крупной надписью АВ/CD, стилизованной под шрифт АС/DC, и пояснением “For those about to talk” под ней. Круто. Вот бывают же креативщики. Как жаль, что я не один из них.

У клетки с обезьянами стоит девушка. Ребенок рядом с ней, девочка лет четырех, показывает пальчиком на обезьян и заливисто смеется. Глеб начал рассказывать мне о том, какой футбольный матч он вчера смотрел (который я пропустил абсолютно непростительным образом), но уже после стартового свистка я его не слушаю. Девушка повернулась в нашу сторону, и мы встретились с ней взглядом. Ее карие

глаза округлились от неожиданности.

Полина...

Стоп. Перед тем, как сердце пустится в адреналиновые гонки с сознанием, есть буквально полсекунды или около того, чтобы все спокойно обдумать. Полина уехала всего полгода назад. Успела бы она родить ребенка и срочно вырастить его до такого размера? Вряд ли. С другой стороны, она могла удочерить девочку, но это непоследовательно, ведь Аню она убеждала, что детей не хочет. Хотя секундочку – детей она не хотела именно от меня, а это многое меняет. К тому же, она могла просто врать. Кстати, она могла родить ребенка в тот момент, когда ездила навещать родителей около четырех лет назад. Притом она была беременна и я, конечно, ничего не заметил. Родила, оставила ребенка у родителей, вернулась ко мне, развелась со мной, вернулась домой, взяла ребенка, опять приехала в Санкт-Петербург. Да уж, очень логично.

А, ну вот и адреналин. Здравствуйте.

Полина решила помахать мне рукой. Она садится на корточки к ребенку, улыбается ей и указывает на меня. Девочка смущенно хихикает и активно машет мне игрушечным котенком, которого только что прижимала к себе изо всех сил.

– Ничего себе, гляди! – Глеб наконец определился с тем, куда я смотрю и уже кричит на весь зоопарк. – Света! Ого!

Елки-палки. Светка...

***

– Я, если честно, подумала, что это вы с Глебом усынови-

ли ребенка. – Света хитро на меня смотрит.

– Ты что несёшь?

– Ну послушай, Глеб всегда был таким современным и, хм, прогрессивным. А ты такой закрытый, тихий. Как будто открывашкой надо поковырять.

– Консерватор, – отшучиваюсь я.

– Ну именно так, – на лице Светы не дрогнул ни один мускул. Она явно не поняла игру слов. – А мы вот решили погулять. Пока Максим на работе.

Максим. Серьезно?

***

На посвящении в студенты я был один. Если можно так сказать о первокурснике, стоящем в толпе из тысячи таких же, как он. Куча молодых, улыбающихся, как будто надеющихся на то, что теперь все будет иначе. Они же уже взрослые, не как в школе. Вот она начинается, настоящая жизнь. Свободное плавание, о котором твердили родители класса с пятого и которого все с таким вожделением ждали.

Колонка на столбе хрипит, как будто собирается откашляться. На сцене седовласый мужчина в сером костюме-тройке прямиком из шестидесятых начинает вещать что-то о невероятных перспективах и кораблях, которые отправляются все в то же плавание. Зачем я здесь? Единственное, чего хочется по-настоящему – так это покурить. Мы стоим на улице во дворе университета. Нас окружают здания из красного кирпича, но выглядят они не внушительно, а ско-

рее грустно и обветшало. Странный выбор места для торжества.

– Ой, прости.

Невысокая кареглазая девочка наступает мне на ногу и, поправив упавшие на глаза локоны русых волос, смущенно улыбается. Какой дурацкий и стереотипный способ познакомиться. А, нет, показалось. Она не пытается познакомиться. На меня уже смотрит зверем огромный парень, который стоит рядом с ней. Он с меня ростом, но раза в четыре шире. Огромный, страшный, но даже в чем-то красивый. Очень мужественный. Надо же, какая прекрасная пара. Загляденье.

– Меня зовут Светлана, – кареглазая девочка не перестает улыбаться. Никак не оторвать от нее глаз. Каждое слово она произносит так вкрадчиво, будто решила доверить мне какую-то тайну. Интересно, почему она представилась полным именем? – А это Макс.

– Максим. – представляется полным именем ее спутник. На его лице внезапно расцветает голливудская улыбка и кажется, что зубов у него как минимум пятьдесят. Он протягивает огромную ладонь и у меня появляется ощущение, что он собирается не пожать мне руку, а скорее схватить за горло и сломать мне позвоночник. Я нарочито смело обмениваюсь с ним рукопожатием и, понимая, что терять больше нечего, шепчу Свете:

– Вы очень колоритная пара.

***

– Пара! Колоритная пара! – Света начинает смеяться и у меня привычно перехватывает дыхание. Какой же красивый и знакомый смех. Когда мы с ней встречались, я никак не мог сформулировать, что значит ее смех для меня. На первом курсе все казалось новым: новые люди, новые знания, новые эмоции. Но самой странной и неожиданной оказалась моя реакция на Светин смех. «Ты очень веселый» – с улыбкой сказала она в первый же день знакомства. И я это запомнил настолько прочно, что и сейчас, через десять лет после нашего расставания ее смех вызывает у меня рефлекс: смесь счастья, возбуждения и радостного ощущения, что я кому-то нужен. Наверняка отъезд Лизы в Москву сыграл со мной настолько злую шутку, что я убедил себя в том, что не интересен ей, а затем и всем остальным; точнее, вбил себе в голову, что не нужен никому и весь мир прекрасно без меня справится. Если это были всего лишь стандартные мысли подростка, мне было плевать, ведь я и был подростком.

Пожалуй, если чувства можно было бы взвесить в килограммах, Света была моей первой настоящей любовью. Это не означает, что она была огромной или тяжеловесной, вовсе нет. Напротив, миниатюрная, она смотрелась рядом со мной немного нелепо, как младшая сестра или даже дочь. Но она заняла в моей жизни настолько большое место, что вскоре количество счастья я начал тайно измерять в тоннах. Как выяснилось, с Максимом они познакомились за несколько минут до того, как пришли на посвящение. Кто же знал, что

именно к нему она отправится после нашего расставания.

– Странно, мне казалось, что тебе подходит имя Лиза.

Не самая удачная шутка для первого дня знакомства. Но Света либо не услышала ее, либо не поняла. Во всяком случае, она предпочла не уточнять, кто такая Лиза и к чему я это сказал. Ближайшие месяцы были обречены показать нам обоим, насколько романтическими и стандартными могут быть отношения во внезапно распахнувшемся для двух подростков мире возможностей. Каждую минуту хотелось проводить только вместе, каждый вдох хотелось синхронизировать и, конечно, ежесекундно мы клялись друг другу, что это навсегда.

«Навсегда» кончилось, когда Света пришла ко мне поздно вечером в сентябре. Бабье лето уже отступало, дни начинали безапелляционно сокращаться, а одежда на Свете становилась все длиннее и теплее. Но только не сегодня.

– Давай хором.

Света сидит рядом со мной на диване. Сегодня она пришла без предупреждения и с самого начала разговора казалось, что она либо напугана, либо растеряна. На ней надето мое любимое черное платье, а волосы собраны на затылке под большой детской заколкой в виде подсолнуха. Символ невинности и чистоты, смешанный с трауром. По какой причине был траур, мне только предстояло узнать. В руках у нее – небольшая книга Мэтью Нормана, которую Света переводила с английского уже второй месяц. С этим изданием она

не расставалась ни на секунду и даже клала его под подушку, когда ложилась спать.

Я кивнул. Мне показалось, что она придумала очередную игру, из которой мне суждено выйти победителем.

– Я люблю тебя, – улыбаюсь я.

– Я ухожу, – хором со мной выпаливает Света.

Ну класс.

Секундочку, а почему я не чувствую никакого разочарования? Даже грусть пока не подобралась к горлу комом. Может быть потому, что мы были вместе всего год? Или потому, что мне казалось, что я ее люблю? Или она все-таки...

– Я мешаю тебе заниматься работой?

– Нет, вообще нет. – Света все сильнее сжимает том в руках. Костяшки ее пальцев уже побелели, а ногти готовы лопнуть от напряжения.

– Так а что тогда?

Сначала Лиза, теперь Света. С какой-то непринужденностью я расставался со всеми, кто был мне дорог. Или это была очередная возможность лишиться всего значимого, чтобы проверить себя на прочность?

– Ты не виноват. Ты замечательный. Просто мы... мы не подходим друг другу... и... – Света начала плакать и мне не оставалось ничего другого, как обнять ее и постараться утешить. Она меня бросает. Я остаюсь один. Я ее утешаю и говорю, что все будет хорошо. Запредельная логика.

Света рыдала без стеснения, в полную силу, от души. Она

даже отпустила книгу, выделив одну руку моему плечу, в которое тотчас крепко вцепилась. В юном возрасте все эти «дело не в тебе, дело во мне» и «ты прекрасный, это я плохая» воспринимаются совсем не так, как когда тебе тридцать. Этими расхожими фразами девушка снимает с себя последние обязательства и надеется, что выстроит ими фортификации, через которые не возникнет желаний пробиваться. Тебя бросают, дело не в тебе. Но вроде ведь ты хороший. Так почему же, твою мать, тогда тебя бросают?

Когда я понял, в чем было дело, прошло примерно полгода. Я даже пообещал себе не только рассказать о своих домыслах Глебу, но и записать их где-нибудь на память. Этого я, конечно, не сделал, что не отменяет факта: выученный тогда урок я запомнил на всю жизнь. Наверное, именно поэтому я перестал рассказывать кому бы то ни было о том, что происходит в моей жизни. Только Полина стала исключением из моего обета тотального молчания, и, как покажет время, исключение это будет лишним.

Когда Света ушла и не вернулась ни через день, ни через месяц, мне все же стало страшно и тяжело. С другой стороны, в итоге все равно это закончилось триумфом: то, что планировалось моей победой над собой, окончилось иллюзией победы не для меня. Я должен был быть счастлив, что меня так вовремя отпустили, но страдал ещё довольно долго, и мне было стыдно, что я не выяснил, что не устроило Свету во мне и в чем была главная причина нашего разрыва. Я дол-

гое время грустил и переживал, потом пришла ненависть, а потом и главное наказание для второй стороны – безразличие. Тотальное безразличие, которое в любом случае даёт о себе знать, даже если никому о нем не рассказываешь и себе в нем не признаешься.

Света оперативно переметнулась к тому, к кому я ревновал ее все наши непродолжительные отношения (а что может быть страшнее, чем реализация того, чего боишься). Вскоре от общих знакомых стали поступать различные легенды о достижениях и победах надо мной в битве, которой на самом деле не было. В параллели с этими рассказами начали появляться и мнения о том, какой же я ничтожный и униженный, ведь уже всего через год Света вышла замуж. Максим. Огромный Максим с пятью десятками зубов и огромными лапами, в каждую из которых поместился бы я целиком. Она ушла к нему.

И что же, на тот момент времени мне уже было наплевать? Ничего подобного. Я страдал, по-настоящему масштабно страдал, не сдерживая себя и не экономя эмоций. Особенно беспощадно я казнил себя в те дни, когда знакомые напоминали мне о том, какой я ничтожный.

А потом в один момент все прошло. На меня повлияла фраза, которой я до сих пор благодарен и которой я, конечно, нисколько не следую. Ее бросил в мой адрес Глеб, как всегда пафосно, через плечо, когда уходил вечером от меня после длительных посиделок за чаем. Я обнял друга и уже

собирался закрыть за ним дверь, как он на прощание усмехнулся:

– Себя уважать нужно.

Вот такая простая истина, от которой у меня тогда пошел мороз по коже. А почему, собственно, кто-то лучше меня, если ещё и не самостоятельно добился такого сомнительного «успеха»? И зачем он это сделал, если целью ставил всего лишь меня переиграть? Переиграть в чем конкретно? Это что, была игра? Ведь это же детский сад.

Примерно через год Света все же нашла меня в социальных сетях и написала сообщение. Она требовала от меня всего: информации о том, как я живу, что у меня в жизни происходит, с кем я живу и как я себя чувствую. Я ничего не рассказывал, ведь она и сама все прекрасно за меня придумывала. Через полчаса после начала переписки она начала меня унижать, потом извинялась, а я просто читал и чувствовал, как у меня по всему телу разливается тепло и покой, потому что ситуацией на 100% владел я, а не она. И вот тогда пришло тотальное безразличие.

Хотя, быть может, мне стало все равно еще и потому, что на тот момент времени я уже и сам был в новых отношениях. Ко мне переехала Полина, которая, как я только сейчас понял, была похожа на Свету, как сестра-близняшка. Что ж, это многое объясняет.

Прошло почти десять лет с момента нашей последней виртуальной встречи, по итогам которой она добавила меня

в черный список во всевозможных социальных сетях. И вот она передо мной, пьет кофе, поручив ребенка моему другу, слушает мою историю о том, как мимо меня просвистало десять лет, о себе ничего не рассказывает и мы как будто квиты: никто ни на кого не в обиде, мы оба помним, как нам было хорошо вместе, мы оба знаем, что это было давно, мы оба понимаем, что вернуть ничего нельзя.

Света выслушала мой рассказ, мы допили кофе и некоторое время молча стояли, со стороны наблюдая за тем, как Глеб пытается справиться с двумя детьми одновременно. Получалось у него не очень хорошо: его сын то и дело норовил куда-то убежать, а Светина дочь все время смотрела на маму и хмурилась. Только когда Глебу удалось затолкать детей в разъезжающий по территории зоопарка паровозик, я отлучился за второй порцией кофе. И тут Света, будто собравшись с мыслями, или набравшись смелости (а скорее всего и то, и другое), сказала:

– Ты и сам все прекрасно знаешь, я в этом полностью уверена. Когда человек всеми силами стремится избавиться от одиночества, он превращается в положительно или отрицательно заряженную частицу, которая, соответственно притягивает к себе частицы с противоположным знаком, чтобы обрести равновесие и почувствовать себя полноценным. Обычно женщины после любовных неудач закрываются, мужчины – наоборот, и это чувствуют окружающие, которые, как и ты, например, подспудно ищут новых отношений, то есть

равновесия. Мне безумно, безумно жаль, что тебе приходится проходить через все это, но этот период закончится. потерпи, пожалуйста.

Света вздохнула. Боже, почему мы с ней расстались?

– Кстати, – продолжила она. – По поводу магнетизма. Ты – красивый мужик, а девочки любят красивых мужиков без обручального кольца.

Она гладит меня по щеке и внутри я разбиваюсь вдребезги. Мне снова восемнадцать.

– Стекланные щёчки? – спрашивает она и грустно улыбается.

6. Глеб

Я просыпаюсь от ужасной боли в правой ладони. Голова кружится, как будто я пил целую неделю без перерыва. Отлично, ещё и ноги онемели. Обе. Плохой знак. Я открываю правый глаз. Медленно, неуверенно, плавно открываю. Пытаюсь приготовиться к тому, что вокруг меня будет не моя квартира, а как минимум пустыня Сахара, так мне жарко. А как максимум –меня вчера отметелили и я лежу во дворе, дай бог – в своем. Знал бы отец, через что я прохожу. Вряд ли он думал о том, что такое возможно, отдавая меня в лучшую школу в городе или разглядывая благодарность за отличную учебу в институте, которую я получил на третьем курсе.

Ого, мои обои. Не знаю ни одного человека, кто сказал бы, что рад видеть обои. Но они мои и я рад. Не моя комната, не моя кровать, а мои обои. Светло-голубые с лёгким, почти незаметным рисунком. Мои. А это означает, что я, скорее всего, все же дома.

Воспоминания начинают возвращаться фрагментарно, и я изо всех сил стараюсь не склеивать их в общую картину. Очень хочется забыть вчерашний день хотя бы частично, но лучше, конечно, целиком.

Как мы вчера пили...

Глеб заранее предупредил меня, что мы едем пить. Он так и сказал: «Мы едем пить». Про то, чтобы быть за рулём, мож-

но было сразу же забыть. «Пить» всегда означало одно: жене не следует даже пытаться звонить на мобилу. Как хорошо, что я уже разведен.

Мы встречаемся у входа в метро, молча пожимаем руки и заходим в тепло. Мы идем в ногу, уверенно, как будто на встречу с судьбой. Из тишины нас выдергивает мужик, который неспешно спускается мимо нас пешком по эскалатору:

– Бухать едете?

Глеб сразу засучивает рукава. Никогда не понимал, почему перед дракой надо это делать. Ты что, рукавами его бить собрался? А вообще, конечно, плохой знак. Я бережно, но сильно обнимаю друга и поворачиваюсь к мужику:

– Дядя, нам вряд ли по пути.

– Это как это? – парирует тот. – Мы вроде все втроем вон, медленно, но верно вниз движемся. – Его рваный смех разрезает барабанные перепонки как звук включившейся электропилы.

– Просто. Иди. Дальше. – сквозь зубы говорит Глеб.

– Спокойно, мальчик. Я просто уточнил, куда могут в такое время направляться два друга. Едут такие с суровыми рожами, серьезные, сосредоточенные. Молчат. Дай, думаю, уточню. От жен сбежали?

– Мой друг развелся. – гордо констатирует Глеб.

– Вон какое дело. Тогда я точно должен вас повеселить. – не сдается мужик. – Сейчас такое покажу, вы точно такого не видели.

Мы выходим на перрон, у которого стоит поезд. «Осторожно, двери закрываются» – сообщает заинтересованным глубокий баритон. И тут мужик, который не отставал от нас ни на шаг, издает истошный вопль:

– Задержите поезд! Придержите двери! Поддержите опоздавшего! – и со всех ног бросается к ближайшей двери. Интеллигентного вида мужчина в сером костюме-тройке выставляет свой кожаный портфель между дверей, чтобы они не могли закрыться. К нему подбегает наш свежеиспеченный спутник, обещавший «такое», резко останавливается у самого края платформы и с громким шлепком бьет несчастного интеллигента в лоб кулаком. Тот каким-то чудом успевает скорчить гримасу тотального недоумения и, само собой, падает вглубь вагона. Двери моментально закрываются и через десять секунд поезд исчезает в тоннеле.

Глеб складывается практически пополам и начинает ржать. Мне жаль мужика, получившего в лоб, но очень уж комично пляшет клоун, который ему врезал. К тому же, он почему-то начал громко распевать «Марсельезу». По дороге до паба нам явно будет что обсудить.

***

К концу подходит уже пятая пинта. Мы обсудили все музыкальные новинки, все недавние футбольные матчи и даже всех общих знакомых. Но Глебу не по себе. Он постоянно выходит покурить, встает из-за стойки, доходит до двери в туалет, но возвращается даже если там не занято. А еще он

не смотрит мне в глаза.

– Тут вот какое дело, – наконец решается он. – Сразу надо было тебе сказать, но я все момент искал. Короче, не на вокзал поехала Полина от тебя. Она вещи в камеру хранения сдала и пошла в «Честный», где я ее ждал.

Бах.

Глеб ходил в «Честный» с Полей перед ее отъездом. Обычно, когда он мне рассказывает о том, что пил с кем-то кофе, история завершается подробностями всей последовавшей за этим ночи.

Мой лучший друг пил кофе с моей бывшей женой.

Вроде бы ничего особенного. Ну пил и пил. Казалось бы, дальше что? И тут я чувствую молниеносный ужас от того, что он и ее совратил, но при этом отчаянно делаю вид, что мне плевать. Зачем Глеб пытается сделать мне больно? Или мне это только кажется? Но я же просил о ней не напоминать, а тут вон как, он ещё и время с ней проводил, когда она еще была моей женой. А может и спал. Мой лучший друг спал с моей любимой. Может быть. Или нет. Или да. Не имеет значения. Он обсуждал меня с моей бывшей. Он виделся с ней у меня за спиной, и она была с ним предельно откровенна. Откровеннее, чем со мной.

Как он мог хранить этот секрет так долго? Почему не рассказал мне сразу?

Зато теперь он во всех подробностях цитирует ее тираду о том, какой ей нужен мужчина и с моим образом эта карти-

на не совпадает ни на грамм. Справедливости ради, с ним – тоже, но легче от этого мне не становится.

Зачем она ждала столько лет?

Из паба мы расходимся в разные стороны, и я бреду на остановку маршрутки. Очевидно, вот-вот придет последний автобус – народу уже немало и ждут они, скорее всего, уже долго.

И только сейчас меня догоняет опьянение. Полновесно бьет оно прицельно по голове, и перед глазами все плывет. Вот оно как бывает, если от всего сердца обещаешь себе перестать пить с завтрашнего дня. Опять придется откладывать до понедельника.

Автобус приходит через минут пять, которые показались мне вечностью. Во мне плещется цистерна лагера, а в ней плавают Глеб и Полина, хохочущие над моей тотальной несостоятельностью и инфантилизмом. Хорошо, что ехать всего ничего. Плохо, что мне хочется что-нибудь разбить. Например, чье-нибудь лицо.

Маршрутка подъезжает к моей остановке, водитель бьет по тормозам и я, не удержавшись на ногах, падаю на сидящую рядом старушку, которая почему-то не отталкивает меня, а наоборот крепко к себе прижимает. Мне кажется, что я резко вскакиваю, хотя, скорее, неловко пытаюсь подняться и перед глазами внезапно возникает Полина, которая целует Глеба.

– Какого хрена?! – ору я своим воспоминаниям, не сразу

понимая, что смотрю в глаза водителю, который роняет мобильный телефон, по которому только что говорил. Отлично.

– Какого хрена ты по телефону трындишь, когда людей везешь, еще и ночью? Еще и не пристегнут! Мне сообщить куда следует?

– Куда, не надо никуда. – шепчет водитель, оперативно просчитав перспективы своего будущего трудоустройства. Бледнеет на глазах. Это было просто.

– Я тебя, ублюдок, по судам затаскаю! Тебя прав лишат! Понял, нет?

Я пытаюсь гордо выйти из автобуса, но поскользываюсь и выпадаю прямо на тротуар. Мне в спину несутся мольбы о пощаде, но жалеть никого я не намерен, а редкие пассажиры начинают нестройно аплодировать. Я обхожу автобус спереди и встаю перед лобовым стеклом с гордо поднятой головой. Водитель сложил ладони и изо всех сил делает испуганное лицо. Получается неплохо, но у меня сейчас получится гораздо лучше.

– Я сейчас твой номер сфотографирую, понял? – ору я на всю улицу, уверенный, что он меня услышит и начинаю демонстративно копать в карманах. Как назло, с собой у меня нет практически ничего, но во внутреннем кармане куртки я внезапно ощущаю нечто, что, как мне кажется, вполне сойдет за фотоаппарат. Я многозначительно киваю, прищуриваюсь и достаю из-за пазухи паспорт. Водитель паникует и

начинает трагически кричать на каком-то незнакомом языке. Я «фотографирую» номер его автобуса на паспорт, с чувством превосходства убираю его обратно в карман и развожу руками, мол, вот и все, твоя песенка спета, товарищ. Прощайся с карьерой.

Секундочку, но почему же рука разодрана? Драки ведь не было. Вроде бы. Я уже физически чувствую, как воспоминания в голове проникают через сумерки похмелья и с болью вырываются на поверхность. Я шел по ночной улице, держа в руках телефон. За несколько дней до этого я удалил практически все номера из записной книжки и теперь палец скроллил список между двух имен, поочередно ласково касаясь до одного, то другого: Лиза, Поля, Лиза, Поля, Лиза... и вот, когда решение было принято, от резкого удара в висок у меня потемнело в глазах, я выронил телефон и упал на правую руку, успев выставить ладонь. На какой-то момент я приготовился к драке: резко выругался, поднялся на ноги и только собрался броситься на обидчика, как увидел перед собой кирпичную стену. Дом. Я врзался в дом. Я просто не заметил его, выбирая между двух коротких имен то, которое причинит мне меньше боли. Я почесал в затылке. Решение исчезло, добавились головокружение и острая необходимость найти мобильник, утраченный в неравной битве с предметом архитектуры середины девяностых.

Точно. Драки не было. Я делаю усилие и встаю. Появляется чувство, будто меня по голове огрели рельсом. Меня ни-

когда не били ничем железнодорожным, но что-то мне подсказывает, что ощущения от этого именно такие.

7. Руслан

Когда мне было лет двадцать пять, Руслан однажды позвал меня погулять по городу. Он повел меня попить пива, поесть фаст-фуд и весь тот день он учил меня одному: говорить «Нет». Сейчас мне кажется, что я ни разу в жизни никому не отказывал, всегда делал то, что сам не хотел и охотно откликнулся на то, что требовали другие. Всегда шел на поводу, слушал их, не догадываясь, что всего лишь мечтал о том, чтобы меня любили и ценили. А мной пользовались. Просто пользовались.

Руслан стал учить меня отказывать людям и не делать того, чего я не хочу. Надо сказать, ему это вполне удалось. Первый год прошел очень сложно, потому что мне показалось, что цена достижения цели – это потеря всех, кого я знаю. Люди бесились, что я им отказывал, не скрывал, что не хотел их видеть, не ходил на совместные посиделки. Но они не догадывались, насколько в параллели мне было тяжело всему учиться: самостоятельно отдыхать, в одиночестве гулять, ходить на концерты.

Но я научился. Те люди, которые отвалились (их было, конечно, большинство) оказались мне не так и нужны, а в последствии, что сыграло на руку моей самооценке, стали страдать без меня. Я сильно ограничил круг своего общения, но зато теперь мог точно сказать, что не шел ни у кого на

поводу.

Прошло столько лет, а до сих пор уйма знакомых меня все время пытается куда-то вызвонить. Только теперь я могу с холодной головой рассудить и сделать так, как хочу я, а не они. Не привыкли: всю жизнь люди считали меня экстравертом. И я сам так думал.

Со временем я стал понимать: то, что происходит – нормально. Страшного ничего нет. Ты становишься старше и это реальность, от нее не убежать. Помогало внезапно открытое свойство мозга: он упорно помнил все только плохое. Абсолютно не помню, когда именно это произошло, когда я себя перепрограммировал. Кто-то из родителей однажды сказал мне, что со временем все плохое забывается. Ни черта подобного, начиная с той встречи с Русланом я хорошего почти не помню. Могу смотреть на какие-то фотографии, видеть лица, позы, места. Людей помню, а чувств своих не помню. Помню, что человек сделал плохо, а значит относиться к нему хорошо – странно. Вот и все.

С другой стороны, Глеб подозревает, что я не знаю, что такое «прощать». Потому что мне, с одной стороны, все равно вроде, но говорить с человеком даже через десять лет после его плохого поступка я по-приятельски вряд ли смогу. Плавали.

Если же все воспоминательные оправдания приправить щепоткой того, что в лицо лгали, совсем легко на душе становится.

Руслан своим напором и беспардонностью убаюкивал. Он объяснил, что во всем есть баланс, а если кажется, что теряешь его, надо на секунду остановиться и оценить расположение сил. Да, нет в природе родственной души. Ну некому понуть и некого поблагодарить. И никто не спасет. Сам. Сам себя спасешь, уравнишь. И всех окружающих тоже спасешь. А то начал тут, видали. Сам себя пожалеешь, сам себе поможешь. Пошел весь мир к черту. Сам всегда справлялся и сейчас справишься. А то начал тут, мол, как же так-то опять.

Да. Жизнь жестока. Да, жизнь абсолютно несправедлива. Да, она совершенно закономерна. И вопросы «за что?!» тут не работают. Посмотри на свои мысли. Что за безысходность? Ты сам со всем справишься. Причем только тогда, когда сам в это поверишь. В свои силы. В свое превосходство. В то, что сможешь. И тогда действительно сам, сам все сделаешь.

Мотивация грубостью явно была коньком Руслана. Он сказал, что осталось совсем немного. Дотерпеть, дострадать. Может даже доплакать. Но я понял одно. Как пелось в старой песне, «есть один человек, кто мне не изменит, который будет верен мне до конца». Он сказал: ты нужен себе. Потому что для себя ты – самый лучший. И если какая-то сволочь делает так, что ты начинаешь в этом сомневаться, то она – именно сволочь и пусть отправляется бодрым чесом к чертям собачьим. И сидит там припеваючи. А ты со снисходительной и понимающей улыбкой, запрятав в себя чувства,

борешься с ментальным мазохизмом и протрадаешь это все до самого конца. Сам.

И тогда почувствуешь силу. И сможешь вдохнуть полной грудью. И тогда отчаяние больше не будет нужно, потому что пройдет. И будет лето. И летом будут дожди. И ты будешь сидеть у себя на балконе и ждать. Ждать, пока тучи уйдут. Ждать, пока солнышко выглянет. И оно выглянет. И они уйдут. И будет полегче.

Потому что ты – самый лучший. Ты самый сильный. Ты бесценный. Сам у себя.

8. Дед

Старик смотрит сурово, нахмурившись. Нет, не старик. Просто седой. Взрослый. По-настоящему взрослый и серьезный. Сутулый, но крепкий. Он пожимает руку уверенно, сильно, а кожа шершавая, грубая. И целует в щеку. Его небритость как наждак трёт по нежной детской коже, а губы настолько сухие, что поцелуя не чувствуется: он угадывается по звуку. Голос глубокий, чёрствый, но успокаивающий. Обволакивающий. Ты слышишь этот голос и понимаешь: у тебя проблемы, но ты дома.

Глаза голубые, смотрят насквозь. Не моргает. Пытается что-то понять? Скорее объяснить.

– Возьми себя в руки. Будь мужиком.

Боже, дед.

***

– Мне дедушка приснился.

Лиза смотрит мне в глаза. На столе перед ней надрывается телефон, но она будто не замечает звука. Мы сидим на кухне.

– Он что-нибудь подсказал?

– Ага. Посоветовал мне взять себя в руки. Странно, я ведь совершенно его не помню. Только тактильно. У него почему-то была такая манера, с каждым мужчиной, в независимости от возраста, он здоровался крепким пожатием руки и поцелуем в щеку. А ещё... ещё он сказал...

Лиза замерла. Трагизм ситуации придают громко тикающие на стене часы.

– Он сказал: «Никто ничего не заслужил. В этом всем нет смысла. Живите пока живётся. Все».

Лиза молчит. Кажется, что очень долго, хотя прошло всего несколько секунд.

– Всего лишь сон? – с надеждой шепчет она

– Всего лишь сон.

***

– С каких пор ты веришь в сны?

Глеб не отвлекается от дороги. Свой Дастер он ведет дерзко, нервно, и даже нагло. Я сижу на пассажирском сидении и у меня полное ощущение, что я уменьшился в размере минимум вдвое. Вовсе не потому, что Глеб старше меня на полчаса и потому вчетверо мудрее. Мне просто не по себе.

– Не верю. Но когда я уже просыпался, он сказал: «Все без всех могут».

– Но это же я тебе говорил. Около двухсот раз.

– Справедливо.

– Ты же можешь?

Я пожимаю плечами. Но Глеб не смотрит в мою сторону:

– Ещё как можешь. Без него можешь. Без Поли можешь.

Да ты даже мне не звонил неделю, и прекрасно выжил! – Глеб начинает улыбаться.

– Воистину. Даже мамы нет, а я живу. И все живут. Мама умерла, а мне... Спокойно. Мне спокойно, мне нормально.

Мне кажется, это ненормально.

– Ты сам себя слышишь?

– Нет.

– Оно и заметно. Да пошел ты на хрен! – внезапно кричит Глеб то ли мне, то ли очередному водителю, недовольно сигналившему нам вслед.

Некоторое время мы едем в тишине, и Глеб включает радио. После рекламного блока начинается какая-то песня из девяностых и кажется, что мы – не взрослые мужики. Мы – угнавшие дедовскую тачку старшеклассники, удирающие от милиции, а не от своих проблем.

Мама снилась мне всего лишь один раз в жизни – в ту ночь, когда ее не стало. Один раз. Она очень торопилась, но я просил ещё немного посидеть со мной. Она говорит, мол, нет, мне пора, но все же садится рядом и говорит: «Что ты хотел сказать?» А я в затылке почесал, говорю: «Знаешь, а я ведь все сказал, правда». Она меня обняла и ушла. Просто ушла в закат. Получился максимально стереотипный и пафосный сон, такой, как показывают в фильмах. Но я навсегда его запомнил, настолько это было странно. Когда я проснулся, мне не было ни хорошо, ни плохо. Мне было никак. Вообще никак. Появилось четкое понимание, что все именно так, как и должно быть.

И это успокоило.

9. Глеб

Чем дальше, тем время летит быстрее и быстрее. Быстрее, чем десять лет назад. Быстрее, чем четыре года назад. Не бывает такого, что «скорее бы день закончился». Потому что уже следующий прошел.

Мне казалось, что жизнь у меня настолько пустая и какая-то промежуточная, что в ней нет не только смысла, но и целостности. Урывок здесь, кусочек там, а в итоге все заканчивается точно таким же вечером, как и вчерашний, на том же диване, который меня уже не раздражает, в той же квартире, которая уже не кажется такой тесной, с тем же самым собой, который, с одной стороны, такой же, как и пятнадцать лет назад, а с другой – каждый день становящийся все более и более взрослым. Или уже старым? Ничего не меняется. Все время что-то происходит. Но ничего не меняется. Столько всего происходит, что время летит все быстрее. А если сидеть на одном месте и делать одно дело, то время можно замедлить. Получается, иногда получается. Но в последнее время все реже.

Открываю Вудхауса, а мне не смешно. Включаю компьютерную игру, а там все предсказуемо. Читаю Тургенева и не просто погружаюсь в мрак России берёзовой, я и есть эта берёза, торчащая оголенными корнями наружу. И все это как-то комплексно и одновременно. А мне почему-то спокойно.

Печально, но спокойно. Как будто в предчувствии, что вот-вот что-то произойдет. И я не могу понять, хочу ли я этого «произойдет».

***

Люди выходят из здания Витебского вокзала в дождливый Петербург и говорят: «Ну вот мы и дома, твою мать». Загорелые, в шортах, прибывшие, видимо, транзитом из каких-то теплых стран, выпадают в июньские +5 под ливень, который длится, кажется неделю, а на самом деле уже триста лет. Мы приехали рано утром, чтобы встретить Нину. Или Зину. Подругу Глеба со старым советским именем. Когда он назвал ее «подругой», я сразу все понял. Но когда прозвучало имя, мне представилась пятидесятилетняя грузная женщина, которая однозначно работает кассиром в отделе галантереи. Надеюсь, она не такая.

Глеб открывает бутылку с водой и указывает на меня горлышком, выплескивая каплю воды на асфальт. Я сижу на скамейке и смотрю на него снизу вверх. С этого ракурса он похож на рок-звезду, которая тычет в зал микрофон. Или на преступника, направившего на меня пистолет. От Глеба в этом человеке не осталось ничего.

– Компактная любовь у тебя, в одного человека уместилась. Романтики в тебе нет, – Глеб сплевывает на землю смачно, с душой. – Романтика – она такая. Не «любит – не любит», а «любит-любит-любит». И каждый день чтоб новая.

– Тебе так приятно чувствовать себя исключительным?

– Вот сейчас не понял. – Глеб делает шаг назад, как будто я на него замахнулся.

– Так, для заметки, это чувство наиболее полно, когда ты не чувствуешь себя исключительным за счет других. Но ты же себе такого никогда не позволял. Вот сколько себя помню, ты, позволь выразиться твоими же словами, «приголубливаешь угодных и козлишь неугодных». Прямо про себя говорил. Только угодные – это те, кто тебе может быть выгоден. И те, кто тебе в рот смотрит. Ты не думал, что ты авторитет только в своих глазах? И, опять же, авторитет в чем? В том, что знаешь о жизни больше? Потому что ты старше? Так это называется дедовщиной.

– Так я тебя старше-то всего...

– Да я об этом речь и веду! Только ты таким всю жизнь был. Я лично не встречал в своей жизни человека, который бы за месяц менялся кардинально или за год. Может, ты встречал?

Глеб фыркнул и закатил глаза. Он собирался выйти из разговора с триумфом, но как это сделать пока не придумал.

– Есть такая фраза, – мне уже не остановиться, – «не суди по себе о других». Это чести тебе не делает. Как показывает практика, ты ужасно завистливый человек. Причем, что самое ужасное, ты подсознательно завистлив. Превосходно помню, как ты отреагировал на то, что мы с Полиной начали жить вместе. Да ты же себе места не находил. Ты перестал

мне звонить и писать, когда узнал, что у меня все замечательно. А потом – пошло-поехало. Точнее, перестало-затормозило. Ты просто исчез из моей жизни, как не бывало. И тем сильнее ты чморил меня лично, чем удачнее у меня все в жизни складывалось. Апофеозом стало превосходное «ты – не человек, а дерьмо» в тот день, когда я сообщил друзьям о своей свадьбе, о дне, который приносит счастье любому человеку и является светлым, чистым и веселым праздником. Ты же свидетелем на моей свадьбе был! И от тебя единственного я узнал в тот день, что я – дерьмо. И почему? Потому что пригласил тебя с женой, а не с любовницей? Удивительно, но остальные десятки людей меня с этим событием поздравили. Все. Все поздравили! Кроме тебя.

– Вообще-то тогда я говорил о другом.

– Так ты и день мог бы выбрать другой! Или хотя бы в общую рассылку не отвечать, ссылаясь на то, что чаты спутал! Ты так настырно меня поучаешь, что я уже не понимаю, где в этом Глеб, а где цитатник из соцсетей. Ты пытаешься управлять моей жизнью, не разобравшись в своей. А может быть ты именно поэтому и начал так близко со мной общаться, только когда меня бросили?

Ты так тщательно стараешься меня воспитывать, но забываешь, что люди воспитываются и посредством того, что видят. Глеб, я в течение многих лет лицезрею тебя и твое отношение ко мне. Подумай об этом.

С этими словами я встал со скамейки, сплюнул на землю

и отправился к автомобилю. И мне уже было все равно на Нин, Зин и то, что дождь только усиливался. Такси вызовет, а потом расскажет мне о том, как провел вечер.

Хотя нет, скорее всего, уже не расскажет.

10. Лето

У меня давным-давно появилась уверенность, что такой выбор, как у нас сейчас – это плохо. Слишком много. Слишком широко. Слишком.

У моего деда из развлечений был плохо работающий телевизор с двумя каналами, пачка сигарет «Космос» и газета. И все. Гулял, на деревьях глазел. И был счастлив.

Друзья говорят, что я умею радоваться мелочам. А мне кажется, что я не умею радоваться ничему. Но вот упал рядом каштан на землю, я глаза поднял, а там боке между листьев летних, так красиво. И я радуюсь.

А что, собственно, еще для жизни нужно, кроме этого, сиюминутного блика? Денег хватает на то, чтобы купить еды и одежды, залить бензина в автомобиль, а иногда и друзей в гости позвать. Зачем еще что-то? Когда происходит что-нибудь из разряда по-настоящему серьезных катаклизмов, начинаешь не просто переоценивать жизнь, а переделывать ее, иногда собственноручно разрушив до основания. И снова начинаешь с нуля.

Первый шаг.

Первое слово.

Первое понимание.

Хорошо бы сразу понимать, о чем эта жизнь. Или хотя бы как она устроена. Хорошо бы сразу знать, что если ты не

живешь для себя, то ни для кого другого ты жить тоже не сможешь.

Когда мы только съехались с Полей, я был по-настоящему счастлив. Никак не могу вспомнить, когда это изменилось. У меня не было ничего – ни нормальной работы, ни перспектив, ни денег. Но я сразу понял, что мне нужна только она и оперативно в ней растворился.

Тогда я и спросил у мамы: «А что делать дальше?» И она ответила: «Жить».

А потом очень быстро начались будни, и я устроился на постоянную работу. Иногда у меня не было денег. Когда у меня не было денег – я не ел. Это было тяжело, но я делал усилие и находил возможность сделать так, чтобы нам обоим на еду хватало. Если дорожала колбаса и я не мог ее себе позволить, я либо покупал другую колбасу, либо не покупал колбасу вообще. Если мне не хватало – я искал подработку. Если мне хватало – я не искал подработку.

А потом денег стало хватать. А потом их стало предостаточно. А потом ушла Полина.

Наличие успешной работы и денег на счете – не гарантия счастья. Штамп в паспорте или наличие потомства – не страховка от развода.

Ничто не гарантия ничего. Никогда.

Но, если бы сразу, с нуля знать хотя бы, что стараться нужно для себя, а не для кого бы то ни было другого, было бы гораздо проще. И это сэкономило бы мне кучу времени.

В одном я уверен точно: я не могу сказать, что, когда я не ел, я не был счастлив. Потому что я был счастлив.

От того, что я живу и могу дышать.

11. Настоящее лето

Иногда вселенские истины открываются не ко времени и совсем не к месту, будто снег в мае. И тогда, хоть и обращаешь на них внимание, но с лёгкостью забываешь, погружаясь в умозрительный поход по магазинам: от раздумий отвлекает ассортимент сыра на полках или вообще все что угодно. Но если обычно это похоже на внезапный снегопад, то утром я попал под тропический ливень в Антарктиде.

На меня навалился стыд. Полноценный такой, тяжёлый стыд за все, что я делал не так. Стыд перед всеми, с кем когда-либо пересекался. Мне стыдно перед матерью, что я так редко навещал ее и перед отцом за то, что звоню ему раз в неделю. Мне стыдно перед Полиной, что и она потратила столько лет своей жизни на меня, перед Лизой за то, что давал ей ложную надежду. Перед Глебом за то, что иногда был с ним нечестен, перед Владом за то, что пользовался его слабостью, перед нищим у церкви, от которого отвёл взгляд вчера, перед соседом Пашей за то, что не предложил ему помощь, перед водителем маршрутки за то, что испугал его своими угрозами, перед Аней за то, что тратил ее время на свои надуманные проблемы, а ведь она бы могла помочь тому, кто реально нуждался в квалифицированной помощи, а не просто ныл о неразделенной любви. Но главное – мне абсолютно не стыдно перед самим собой. Потому что каж-

дая совершенная ошибка, каждая бессонная ночь и каждый проступок – они все мои.

Меня осенило.

Каждый шаг, сделанный в ненужном направлении, каждый человек, который встретился на пути, каждый день, который, как казалось, прошел зря: это все было неизбежно и в своей неповторимой и отвратительной манере прекрасно. Каждая ошибка и каждое препятствие, все то, что заставляло страдать и не спать ночами – всего лишь чудо. Чудо, которое медленно и планомерно намекало на очевидное: я на верном пути.

Первый раз я записался на прием к Ане еще до семейной консультации. Тогда я заставил себя думать, что грущу из-за матери. Но на самом деле я переживал о Полине. Знакомство с Глебом произошло именно тогда, когда я дал себе обещание не заводить новых товарищей. И оно было к месту. Все самые, как казалось, странные и противоречивые решения были единственно верными. И сейчас, только сейчас я понял одну простую вещь. Со мной произошло то, чего не было никогда в жизни. Я одинок. Я один на один сам с собой. Я взрослый, полноценный, самостоятельный человек. И это прекрасно.

– Я один! – крикнул я, не вставая с кровати.

И мне никто не ответил.

Сейчас, когда со мной происходит то, чего я больше всего боялся, я спокоен. То, чего учили избегать всю жизнь, то,

что раньше сводило с ума, – прекрасно. Я один. И я никого не ищу. Мне не нужен никто. Потому что у меня есть я. Простота этой мысли заставила меня громко рассмеяться. Я исключительно счастлив.

Под кроватью привычной мелодией звонит телефон. Глеб. Точно Глеб. Надо срочно ему рассказать о своих ощущениях. Он наверняка порадует за меня или хотя бы одобрителем усмехнется.

«Звонит РУСЛАН».

Ничего себе.

Я снимаю трубку и слышу его голос:

– Привет. Приезжай ко мне сегодня вечером. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

«Сегодня вечером». Только не это.

– А можно не сегодня вечером, а завтра утром?

– Нет. Сегодня вечером приедут все. Все-все. Вообще все.

Все друзья.

«Друзьями» Руслан мастерски называет всех тех, кого ненавидит и при этом продолжает собирать в стенах своего дома по поводу и без. Обычно это выглядит как малобюджетное кино об одноклассниках-неудачниках. Взрослые мужчины от тридцати до сорока лет, рассказывают друг другу, что сделали дома бассейн. А другие мужчины показывают, как они этому завидуют. При этом те, у кого нет бассейна, хотят в бассейн. А те, у кого есть бассейн, не хотят своих жен. И все в одной точке извергают яды, пытаясь выгородить свою

никчемность и мешают мне смотреть футбол.

– Ты хоть не забыл, что сегодня вечером игра?! – говорю я. Это прозвучало немного более агрессивно, чем должно бы.

– И правда. Ну тогда завтра. Завтра утром. Только прямо утром!

***

Как интересно все меняется в голове со временем. Раньше вдохновляли герои. Теперь – те, кто выполняет свою работу. А дальше что? Восторг будет вызывать тот, кто встаёт из постели по утрам?

Пожалуй, так рано мы еще никогда не встречались. На циферблате семь часов утра и Руслан уже ждет меня около своего дома. Впервые в жизни вижу его настолько возбуждённым и довольным собой.

– Помнишь, я говорил тебе, что однажды изменю твою жизнь? – не здороваясь заявляет он.

– Конечно, – не моргнув глазом я вру ему в ответ. Конечно. Конечно, я не помню, когда ты это говорил. Более того, я вообще не понимаю, о чем речь. Я даже пока не решил, хочу ли я это понимать. Я слишком счастлив в своем одиночестве. К тому же, ты не звонил уже месяц, а я ужасно хочу спать.

– Хорошо. Чего бы ты хотел больше всего на свете?

– Вздремнуть недельку, – отшучиваюсь я. А ещё я хотел бы, чтобы от меня все отстали.

– Не сегодня. Есть у меня одна знакомая, которую ты сможешь к себе пригласить. Помнишь наш уговор? Пришла по-

ра платить по счетам тем более, что с Лизой так ничего и не получилось. Точнее, слишком получилось.

– Рус, вот честно, сейчас вообще не до этого. Я только-только начал сам себя слышать. Как будто я сидел внутри, орал, орал, а снаружи не было ни звука. И вот, вроде бы начал докрикиваться. Руслан, мне ничего не нужно. Мне вообще ничего не нужно. И никто не нужен. Мне только я один нужен и все. Да, у меня есть где жить, есть что есть. Но мне не нужно. Вообще ничего не нужно. Вещей не нужно, эмоций не нужно. У меня и так все есть. Мне хватает. Я по средствам живу, даже по эмоциональным, и лишнего тратить не намерен. Я всего за один год прошел через все дерьмо жизни. И, наверное, только поэтому начинаю осознавать: то, что я утром сегодня проснулся – чудо. То, что я сейчас дышу и говорю с тобой – чудо. Руслан, мне не надо больше ничего. У меня все есть. У меня есть я!

Руслан улыбается:

– Я же тебе говорил: цепляйся за себя. Есть за что цепляться. Как только станешь думать о себе, о настоящем, ждать, надеяться, искать перестанешь, придет такая белая полоса, что никому и не снилось. Помни: все самое хорошее происходит тогда, когда ты ничего не ждешь.

***

Зачем?

Почему именно сейчас?

Я ведь только-только начал приходить в себя. Какое зна-

комое чувство, опять это знакомое чувство.

Я встретил?

Иногда такое бывает, что смотришь на фотографию – и все, обратного пути нет. А бывает, что проживёшь жизнь, а рядом, как выясняется, чужой человек.

Меня окружает много людей. Очень много людей. Я бы даже сказал, меня окружают сотни людей, с которыми я соприкасаюсь и участвую в процессе обмена информацией. Ежедневно.

Как показывает опыт, те из них, кто намерено искал, находил многое, если не все. Досуг, секс, интересы, подобие отношений, проблемы, головную боль, опять секс, опять проблемы. Но не отношения.

За всю свою жизнь я узнал одного человека, который нашел свою любовь, ища. Но он подошел к этому процессу с холодной головой: вбил четкие требования на сайте знакомств, нашел двух девушек и с одной из них встретился через полчаса.

Они вместе уже четыре года, женаты, у них два ребенка: Жанна Руслановна и Олеся Руслановна.

Но тут вот такая история: ведь встретились два человека, доведенные до отчаяния. Обоим по тридцать. Оба одиноки. Оба зарегистрировались на сайте знакомств для поиска спутника жизни. Обоим уже по тридцать! И оба с таким багажом и с такими требованиями, что то, как они встретились – настоящее чудо!

Хотя то, что они живут вместе четыре года и понаражали детей, тоже ни о чем не говорит. Вот когда состарятся вместе – тогда и буду делать выводы. Может через неделю разойдутся.

Для меня всегда оставался идеалом лишь один тип отношений – от начала и до конца. Чтоб никогда никого больше. Встретиться, погулять, поцеловаться, пожениться, родить детей, помереть. Чтобы до гроба. Чтобы без исключений.

Но я идеалист. И у меня так не получится. Так, как хотел, уже не получилось. Хотя и таких примеров у меня в жизни хватает, если уж совсем честно. Все остальное – чушь и бред.

Особенно «искать» себе пару.

Так и вижу мальчика, которому его девочка говорит: «Слушай, знаешь, я так искала тебя, так искала... одного нашла, – не подошел. Вторую свою половинку мерила-мерила, – не мое. И так восемнадцать человек перебрала за год. А вот тебя я нашла. И сразу поняла – моё!»

Так а что делать-то? Выходит, не надо бояться потерять то, чего нет? Выходит, не ждать, не хотеть и не искать – единственная возможность встретить и отыскать?

Видимо.

Я встретил.

12. Самое настоящее лето

Плевать. Напишу. Хватит стесняться.

– Спасибо тебе еще раз за то, что стала частью моих самых лучших выходных в этом году.

Сразу ответила!

– Обращайся. Будние дни ведь тоже можно улучшить.

Улучшить мои будни. Да ты хоть понимаешь, что от того, что ты просто находишься рядом, будни уже стали праздниками? Всю жизнь, каждый из прожитых дней в голове крутился образ, который, как казалось, не существует во всем мире. Образ, собранный по крупичкам, выстраданный неудачной семейной жизнью, придуманный в тоске или пришедший во снах. Откуда же я знал, что так, как написано в книгах, бывает на самом деле. Я и понятия не имел, что можно придумать человека, а он, оказывается, реален, он существует и ходит где-то по земле и, может быть, тоже придумал себе меня. Как так получилось, что этот человек появился именно в тот момент, когда я понял, что мне никто не нужен, что я и сам справляюсь, что мне нужно одному быть и дальше?

Как мне привыкнуть к тому, что это ты?

Ты.

Знаешь, мне надо наконец заставить себя открыть глаза. Мне просто надо бы заставить себя открыть глаза.

13. Будущее

Надо бы заставить себя открыть глаза, встать, включить телефон и начать тебе писать. Но в доме все спят. Я боюсь разбудить кота. Но очень хочется встать, включить телефон и начать тебе писать. Сегодня ты была красивая. Даже очень красивая. Ты обычно всегда красивая, но сегодня ты была красивая особенно. Надо бы встать, включить телефон и начать тебе писать. Но пока я пишу тебе у себя в голове. Что может быть пошлее, чем писать тебе письмо у себя в голове. Наверное, сказать «я представляю тебя себе и как будто бы смотрю в твои глаза». Или взять и написать тебе, что я представляю тебя себе и пишу тебе письмо в своей голове. Но лучше просто заставить себя открыть глаза, встать, включить телефон и начать тебе писать.

Всю правду начать писать. О том, что без тебя всегда было очень тяжело и тоскливо, о том, что сейчас я закрываю глаза и вижу тебя. Но это довольно пошло. Пошлее будет только рассказать тебе об этом. Или написать.

Поэтому я понимаю, что нужно заставить себя открыть глаза, встать, включить телефон и начать тебе писать.

Попробовать взять и написать, как сделал бы раньше, лет пятнадцать назад. Когда обязательства были, но не имели значения. Не играли роли. Когда можно было общаться с

людьми. Не закрывая глаза и не придумывая себе их ответы, а напрямую. И было наплевать на последствия, на то, что подумают остальные, на то, как ты будешь себя чувствовать. Ведь надо просто избавиться. От того, что наболело и не дает спокойно спать ночами. Ночами, когда я закрываю глаза и снова вижу тебя. И начинаю с тобой говорить. Но это довольно пошло. Надо бы заставить себя открыть глаза, встать, включить телефон и начать тебе писать.

Я никогда не мыслю позитивно. Не проживаю каждый день, а совершаю как можно меньшее количество движений и действий. Не для того, чтобы не ошибаться, а для того, чтобы не сделать никому больно. Потому что кажется, что все окружающие не понимают, что во всем происходящем нет никакого смысла. А думать о себе – это как-то совсем некрасиво. Эгоистично и пошло.

Мне больше всего на свете хочется заставить себя открыть глаза, встать, включить телефон и начать тебе писать.

И именно поэтому я этого не делаю.

Часть 3. Никогда не следуй за белым кроликом

1. Дурак

– Покажи мне деньги! – кричит по телевизору герой старого фильма. Я сразу представляю на его месте своего отца, который кричит: «Покажи мне внука!»

– Одевайся давай, мелкий, пора ехать к деду!

– Нет! – пронзительно кричит Глебыч и извивается на полу как ящерица. Он хватается себя за ногу и с лёгкостью закидывает ее себе за голову:

– Смотри, я завязался!

Ещё пару лет назад я мог сделать точно так же. Ну или мне хотелось так думать. Теперь у меня выросла борода и округлился живот, окончательно рухнула самооценка, а сил с каждым днём остаётся все меньше.

– Вы оделись?

– Почти! – кричу я обратно на кухню. – Он тут это... Связался.

– В смысле связался? – Полина выходит из кухни, по дороге натягивая свитер. – Мелкий, а ну быстро развязывайся и марш одеваться!

Глебыч молча встаёт с пола и берет свои носки. Как так вышло, что мать он слушает, а меня нет?

Полина снова появилась примерно через год после нашего развода. Я возвращался с тренировки и уже подходил к дому, когда увидел ее у парадной. Шел снег, а она стояла и широко

улыбалась, как будто только что приехала из долгой командировки. Сказать по чести, я довольно сильно перетрухнул. То есть мне реально было страшно: когда после продолжительного перерыва внезапно видишь того, кто долгое время не шел у тебя из головы, сердце будто резко пронзает штыком. А в голове – всего одна мысль: «Это как?»

А вот так.

Я ошиблась, говорит. Нас столько связывает, говорит. Какая я дура, что бросила такого. Да я и не бросила, в себе надо было разобраться. Ну прости, что вот так. Давай иначе теперь? Но если против, уеду сей же час. Но ты только вспомни, вспомни, как мы были счастливы. Ты помнишь, как в самом начале? Давай так же, только лучше? Ты, кстати, как, один живёшь или уже завел себе кого-то? А то знаю я это все: высокий, грустный, темноглазый, и без обручального кольца. Ух, точно популярен был. Как там родители твои? Да ты что! Так жаль, так жаль. Бедняжка, чего же ты не позволил?! Ах да, я ж телефон сменила. Ну написал бы! Слушай, я замёрзла. Пойдем домой?

Полина, это мой дом.

Пойдем к нам домой. Чтобы как раньше, но взрослее и по-честному.

По-честному? По-честному давай. Какая же ты красивая.

Я ведь всегда стараюсь быть честным. Иногда это легко, иногда сложно, в большинстве случаев – неприятно окружающим, при этом не дает никакой выгоды мне самому.

Но нечестным я уже пытался быть. И мне не понравилось.

***

– Ничему жизнь тебя не учит. – Руслан хохочет. – Лиза ему не та, та ему не эта. Подавайте мне скорее гробик и карету!

– Ну ты, конечно, так себе поэт. Над размером поработай.

– Все в порядке с размером. – Руслан одергивает подол пиджака и приглаживает волосы, растрепавшиеся на ветру. Перерыв. Он приехал навестить меня к офису, и мы вышли на перерыв на набережную канала Грибоедова неподалеку от Казанского. Народу мало, студенты только что сдали сессию и до того, как они ринутся обратно в тесные аудитории, остается несколько дней. А пока здесь тишина и благодать. Туристам приезжать ещё рано, офисные работники ещё не пошли на обед. Хоть зима в этом году и выдалась аномально теплая, редкие прохожие прячут лица в шарфах. А мы стоим в костюмах и рассуждаем о судьбах жителей нашего города. Точнее жителя. И да. Ненавижу костюмы.

– Семь лет, целых семь лет она водила тебя за нос, крутила тобой как хотела, уничтожала тебя планомерно, бросила в такой тяжёлый момент, а теперь ты распахиваешь дверь и говоришь: плевать на все, любимая, мы квиты. Без тебя я полный нуль, а с тобой я был нулем пустым. Так?

– Знаешь, Рус, мне кажется, дверь закрытой и не была. Без нее все равно не то. А когда мы встретились опять, понимаешь, первое объятие – и я как будто дома. И она мне гово-

рит: «Теперь я дома». Представляешь? Мы с ней, видать, и вправду одно целое. Два месяца всего живём. А все и новое, и, вроде, по-старому. Все как надо, короче.

– Батенька, главное – чтобы вы были счастливы, – делает Руслан акцент на слове «главное». – И чего, когда там свадьба?

– Да какая свадьба. Как будто ее не было у нас. Не будет свадьбы.

– Проверяете отношения бытом перед решающим шагом? – улыбается Руслан.

– Ага, да. Конечно. Не будет свадьбы. Что нам, по двадцать лет что ли? Белое платье, вот это все? Кого мы обманывать собираемся? Два взрослых человека, полноценных, успокоившихся, разобравшихся в своих отношениях и в том, чего они хотят от жизни...

–... Взявшись за руки влезают в ту же реку во второй раз. Главное – чтобы в реке водичка была. Чтобы ты в дерьме по колено не оказался. Опять.

– Опять. – тихо повторяю я.

Случайный луч солнца пробивается через тяжелые тучи и кажется, что он с собой несет весну. Перезимовать бы.

С Глебом мы не разговаривали с тех пор, как ездили встречать Надю (оказывается, именно так ее звали. Надежда). И это вполне укладывалось в мою новоизбранную философию: чем выше ракета, тем больше лишних ступеней от нее отрывается и летит в бездну. Чем цельнее я, тем больше

людей отваливается от меня по пути. Да и, в конце концов, мы уже давно не могли нормально общаться: то он учит меня жизни, то смеется над моими проблемами, то с Полиной идет кофе пить у меня за спиной. Да, она тоже ходила с ним. Ну и что. Это же Полиночка. А еще у меня есть Руслан.

– Кстати, – выдергивает он меня из размышлений. – А какую погоду предвещают на неделе?

– Прогноз не смотрел, но если город будет тот же, то хреновую.

***

– Помоги Глебычу надеть штаны!

Я молча киваю кричащей из ванной комнаты Полине, хватаю ребенка и начинаю натягивать на него маленькие джинсики. Сын хохочет, извивается, колотит кулачками мне по коленям и старается сделать все, чтобы усложнить мне задачу. Когда он родился, я прекрасно помнил свое детство, в мельчайших деталях и подробностях, вплоть до того, какой аромат был у первого в моей жизни сорванного цветка, когда мне было два года. Теперь же заместительный механизм работает в полную мощь: мои воспоминания вытесняются из головы каждый день, освобождая место для жизни Глебыча. Так забавно видеть человека, который познает мир и отдаленно припоминать о том, что когда-то и ты впервые врезался в стену на бегу, наступил на хвост коту или упал лицом в лужу. И все это происходит как будто со мной, но по второму разу и смотрю я на это со стороны. Такое вот получается

дежа вю.

Обалдеть! Штаны надеты!

– Ну я же сказала надеть штаны, а не штаны.

Полина устала. Как я ни пытаюсь ей помочь, создается впечатление, что практически ничего не получается. Она убеждает меня, что все в полном порядке, но в мелочах это начало проявляться примерно через год после родов. Тогда она и стала ездить к маме каждые месяца три-четыре. Ребенка она при этом оставляла мне, чтобы не таскать его с собой на самолете, так что мне приходилось брать отпуск и сидеть с Глебычем дома. Никогда никому не жаловался на это. Даже себе. Более того, мне это даже нравилось. Особенно сильно любил я, когда Поля возвращалась из поездки в прекрасном настроении, хватала ребенка в охапку и крепко обнимала меня. Появлялось чувство, что теперь-то у нее на все хватит сил и настроения. Но ее лицо менялось уже на подъезде к дому, и я понимал, что со следующего дня все вернется на круги своя: уставшая мать, работающий и почти не бывающий дома отец и ребенок, которого, единственного из всех, вроде бы, все устраивает.

– Поль, ну как это понять?

– Ну вот так, чего непонятного-то?!

Полина ловким движением срывает с ребенка джинсы и надевает на него штаны. Как это можно было распознать из ее фразы про «штаны, а не штаны», я не понимаю.

Вроде бы наконец собрав все вещи и упаковавшись в ма-

шину, мы выезжаем, и я включаю музыку погромче. Все в порядке, мы мчим к моему отцу. Все в порядке. Спешить некуда. Все при себе.

– Блин. – на полпути я бью руками по рулю. – Права-то я дома забыл! Дурак!

***

Вечерами, когда жена укладывает ребенка, я обычно ухожу в другую комнату, выключаю свет и сижу на диване, глядя перед собой. Кто-то скажет, что это первый признак вернувшейся депрессии, которая, как вирус, трансформировалась и продолжает ездить в носителе, не стремясь его уничтожить. Она адаптируется, приспосабливается, заполняет собой как можно больше пространства, продолжает отсиживаться внутри, растет и меняется, словно дожидаясь подходящего момента. И когда он настанет, выскочит и нанесет решающий удар. Но нет. Я просто щелкаю выключателем. Сажусь на диван и смотрю в темноту. Дверь в комнату приоткрыта, в коридоре горит свет. Я слушаю шорохи из соседнего помещения так же, как в детстве лежал и слушал телевизор, работавший в комнате взрослых. С тех пор я не выключаю свет на ночь. Так кажется, что ты один, но в любой момент это можно исправить.

Из открытого окна дует прохладный воздух, но чугунная батарея не дает замерзнуть. Я ставлю ногу в тонкую полоску света, пробивающегося в комнату из щели приоткрытой двери. Кажется, что ноге становится тепло и больше всего на

свете мне хочется целиком нырнуть в эту частичку света и остаться в ней навсегда или хотя бы на денёк.

2. Никифорыч

Я вспоминаю его лицо каждый раз, когда сталкиваюсь с препятствием. С любым препятствием. Толстый, русский, густые усы. Глаза-бусины. В них теплится надежда. Но ее все меньше с каждой нашей встречей. Семён Никифорович. Как будто имя героя какой-то пьесы Чехова. Борется, не сдаётся. И при этом умирает со скоростью света. И сам это понимает, но сдаваться не собирается. Или делает вид, что не собирается.

– Сейчас, девочки, я почитаю вам анекдоты, так сказать, для поднятия боевого духа, – Никифорович только успевает договорить фразу, как его сильно тошнит прямо на пол. Никто на это не реагирует. В кабинете для химиотерапии всего четыре посетителя: он, две старушки, одна из которых храпит, а вторая – вообще не понятно, жива ли, и мама. Я пятый. Но мне капельница не нужна. Мне вообще ничего не нужно. Я тут для поддержки. Которая не работает.

Хотя почему не работает? Мама сама сказала, что, если я сижу рядом, просто нахожусь неподалеку, это и есть самая настоящая помощь. Но когда наблюдаешь один и тот же кабинет с белыми стенами, капельницами и умирающими людьми на постоянной основе, становится нелегко и, может статься, помощь уже понадобится тебе самому.

Кроме меня посетителей в кабинете нет. Наверное, люди

до сих пор думают, что этим можно заразиться. Или просто не хотят видеть страдания. Если проблему игнорировать, вероятно, она исчезнет? Или нет. Я ответа не узнаю. Я смотрю на людей, доживающих свои жизни, и надеюсь, что мне на голову лет в пятьдесят свалится кирпич.

– Я, представь, ни разу на Дворцовой не был площади. – он и формулирует как-то странно. Наверняка из какой-то глубинки. Сегодня, вроде бы, вторник. Народу немного, за окном поют птички, а в помещении лежат люди. Маму забрали на какие-то процедуры, а я остался с Никифоровичем в кабинете. – Меня как перевезли, так я и лежу. Ноженьки-то вон, – он сильно бьет себя по бедру, – не работают совсем, уже лет тридцать. Сын все ждал, что я сдохну. А я вон чего, лежу себе да лежу. Пришлось в Ленинград ехать, тут врачи, говорят, хорошие. Только он меня с самолета на машину – и в больничку. Лежать, отдыхать, лечиться. Газеты вот читаю, людей рассматриваю. Так мне интересно.

Я никак не могу понять, в какой момент монолога вклиниться. Поэтому я просто киваю и улыбаюсь понимающей, почти отцовской улыбкой. И тут Никифорович поднимает телефон, прищурившись смотрит на экран и лицо его меняется. Вероятно, ему не сильно понравилось то, что он увидел: через мгновение телефон летит через помещение, ударяется о дальнюю стену и с грохотом падает на пол.

– Да что же вы за дети такие! – если бы это сказал мой отец, я бы просто встал и вышел из комнаты. Дети как де-

ти, чего ты хочешь? Родителей, говоришь, не выбирают? Так прости, и ребенка тоже заранее себе по параметрам не закажешь. Что выросло, то выросло. Отец сам же так и говорил. Куда теперь от этого денешься?

– Я в четырнадцать на производство работать пошел, чтобы мать прокормить и сестер. Дом своими руками отстроил, крышу покрыл, а денег-то платили редко, да и таких, на хлеб через раз хватало. Но работал, не жаловался. Пахал, этсамое. И мама трудилась. И сестры по хозяйству помогали. Жили же как-то. И все было свое. И было как-то не страшно. Делали свое дело и делали. Если бы не делали – что люди-то сказали бы? Нет, надо было дело делать, как надо делать, да ещё и соседям помогать, если что вдруг. То воду отключат, то крыльцо прохудится. А вы? Вы чего? – Никифорович звучно закашлялся. Бульканье в его лёгких наполнило помещение. – Вам чего не дай – все мало. На права, сынок? Иди сдавай, вот денег. Девочку погулять берешь с собой? Бери, вот тебе денег. Машину одолжить – да на, забирай, только не разбей. А сам-то, сам-то что? Что ты умеешь? Институт тебе? На. В город поехал? Ну вот, квартиру сними. А теперь чего? Батя заболел, так у него же и деньги берешь, чтобы лечить. И ждёшь сидишь, пока я схохну, чтобы дом продать, который я своими руками построил и квартиру себе новую купить. Ну.

Никифорович совсем загрузтил: он отворачивается лицом к стене, тяжело вздыхает и натягивает на себя простыню, словно не замечая, что капельница дергаясь тянется за ним.

Но почему, собственно, все считают, что мое поколение какое-то инфантильное? Только и слышишь: ничего не добились, своего дела не открыли, руками своими ничего сделать не могут. Живут в домах родителей и бесятся от того, как эти дома выглядят. Конечно бесимся. И всю юность пытаемся эти стены разрушить, а если не получается – хотя бы свою комнату делаем не такой, как все остальные.

А потом, когда приходит пора, мы строим свои дома, обустроиваем свои квартиры, которые, если приглядеться, выглядят точно так же, как и дома наших предков. Если у родителей на стене висит картина, у ребенка будет висеть плакат с любимым фильмом. Вместо шкафа с книгами будут полки с комиксами. Вместо программки театральных спектаклей – подборка билетов на рок концерты.

Старик ворочается и бурчит что-то невнятное.

– Никифорыч, говори громче! У меня тиннитус.

Я всегда слушал много музыки в наушниках – это помогало хоть немного отгородиться от окружающего мира. Со временем музыку я стал делать все громче, а слышать ее все хуже. Это продолжалось. Пока я не проснулся рано утром с отчетливым звоном в ушах. Раньше этой болезнью профессиональных музыкантов я даже немного гордился, но потом понял, что не слышу практически ничего из того, что мне говорят окружающие.

Старик поворачивается ко мне лицом и медленно поднимается на одном локте. Его ноги принимают совсем уж ка-

кую-то ненатуральную форму причудливого узла. По глазам видно: отвернувшись от меня он тихо плакал.

– Неужели вы понять не можете: займитесь вы делом. Любым. Только и надо, этсамое, что ходить да страдать, какие вы несчастные всем рассказывать. Напридумаете себе, что все в мире легко достается, а когда оказывается, что это не так – сразу ныть начинаете. О чем вы мечтаете? Зачем, ну? Делом займитесь! Куда вы все за кроликами белыми бегаете? Хотите как в книжке детской? Это не нора кроличья, это пропасть. Никогда не следуй за белым кроликом, понял? Слышишь, этсамое! У тебя все прямо в руках твоих есть же! На себя только можно надеяться! На себя! Чудес не бывает!

Я не успеваю спросить, как можно надеяться на себя, если даже верить самому себе получается через раз. Дверь открывается и входит сын Никифоровича. Он не улыбается, всем видом дает понять, что лучше бы он оказался где угодно, но только не здесь.

– Сынуля! – Никифорович преображается на глазах. – Ну наконец! Я так скучал!

3. Яна

– Доброе утро. Одну цистерну американо?

Она улыбается не голливудской, а какой-то инопланетной улыбкой. Таким либо учат профессиональных моделей, либо они получают сами собой. Яна, ты правда так рада меня видеть?

– Это кто сегодня бариста, ты или Саня? Если ты, то где твой кожаный передник? – шучу как школьник. Как влюбленный школьник, не понимающий проблем своего пубертатного периода и почему-то от него фанатеющий.

– Свой кожаный передник я оставила рядом с кожаным корсетом на подвесном кресле дома. – Яна почти шепчет это, но Саша, уже наливающий мой американо, прекрасно ее слышит и обильно краснеет. Ему и стыдно, и обидно, что Яна заигрывает не с ним. Черт бы побрал твои карие глаза, космическую улыбку и идеальную фигуру, Яна. Черт бы тебя побрал.

Когда я впервые в жизни вылил на человека стакан воды, я хотя бы успел сообразить и в шутку заорал «О нет, моя водка на завтрак, только не сейчас!» Я столкнулся с ней около столика и вывернул стакан прямо на ее белую блузку. Хорошо, что это был не кофе. Кофе я ей сразу же купил. Рекламный отдел. Агентство среднего пошиба. Из достижений – пара брендбуков и неплохой слоган. Работает всего полгода.

Великолепно выглядит даже не стараясь. Хохочет от души, слишком широко открывая рот. Почти нет косметики. Двадцать семь лет. Одинока. Обижена на бывшего. Идеальна.

– Ты представляешь, Глеб буквально пять минут назад взял свой американо и вышел. Разминулись!

– Не может быть, Сань! – я вообще не расстроен. Я думаю о Яне. Я постоянно думаю о Яне. Не о Глебыче, не о том, что пора бежать на работу, куда я опоздал уже минут на сорок. Я думаю о Яне. Даже когда она рядом.

– Я только что вернулась из Краснодара! Город совершенно странный, как будто не из нашей страны. – Яна ждет меня за столиком и начинает разговор, как только я к ней повернулся. Я еще даже не собрался подсесть к ней, но она уже со мной говорит. Прощай, работа. Телефон на «самолетик» и проводите летучку в полдень без меня. – Ну то есть он вообще не российский. И при этом какой-то такой родной. Странно, очень странно. Ты обязан там побывать!

– Я никому ничего не обязан, – пытаюсь пошутить я. – А сколько туда лететь?

– Я никому ничего не обязан, – передразнивает меня дурацким голосом Яна. – Бука! Лететь всего три часа. Представляешь! Три часа, и ты на месте!

– Ну или три часа – и я в Амстердаме. Или два часа – и я в Гамбурге. Ну или никаких часов и мне и так норм.

Яна смеется. Еще лет пять назад в ходу была шутка «доведи меня до сарказма» – и я изо всех сил старался рассме-

шить как можно больше девушек. Это придавало мне сил и указывало на то, что пороховницы еще полны. Теперь же я хочу смешить только одну девушку. И это не моя жена.

– А я ходила на пилатес. Представляешь, тебя заставляют растягивать такие мышцы, о которых ты и не подозревал!

Я инстинктивно потягиваюсь и что-то звучно хрустит у меня в позвоночнике. Боли я не чувствую, но по моему лицу это не считать: я в шоке.

Яна таращится на меня:

– Дорогой, тебе не больно? Кости целы? Ты так интенсивно потянулся, что мне стало за тебя страшно! Ты устал? Больше не потягивайся!

Она снова заливается смехом и кажется, что в помещение заглядывает солнце. Неплохо, особенно если учесть, что в комнатке, где мы сидим, нет никаких окон.

***

Весной почему-то всегда тяжело дышать. Раньше я списывал это на бесконечное курение. Теперь, когда курить я бросил, а тяжесть в груди с первыми лучами теплого солнца только усугубляется, это заставляет задуматься. Не провериться у врача, не попробовать заняться собой. Задуматься.

Люди скидывают теплые куртки и пальто, ходят по высыхающим улицам и, судя по всему, радуются обновленному чувству свободы от слякоти. А мне дышать тяжело. Как будто вся эта радость весенняя и капель мне больно делает. Как будто спрятаться хочется. От всех.

Мы с Яной бродим по улицам и я иногда поддеваю носком ботинка кусочки гранита, которые в детстве именовал «камушками». Гранит везде: на набережных, на ступенях парадных, во взглядах редких прохожих. Наверное, если когда-нибудь этот город наконец сгинет под водой, над гладью, словно ледники, все равно будут возвышаться горы гранита. А вообще, скорее бы дождь. Хотя бы жабры откроются. Эх, ботинок я все же поцарапал. На самом носке четкая, огромная царапина. Таковую никаким воском не затрешь. Вот было бы можно затереть.

Вот бы для сердца тоже воск придумали.

Мне нужно страдать. Мне нужно переживать. А я ничего не чувствую. Почему я ничего не чувствую?

– Лучше чувствовать, чем не чувствовать.

Ух ты, Яна, свежо. А ещё лучше спать, чем не спать и есть, чем не есть.

– Я к этому давно пришла, все признаться себе никак не могла. Живёшь как в трубе. Дом-работа-паб. Дом-работа-паб. А потом зашла за кофе, а какой-то мужик на меня стакан воды выворачивает. – Яна хохочет. – Новые впечатления, новое знакомство.

«И новое чувство» – я хочу, чтобы свою фразу она закончила именно так. Ну давай, лучше же так, чем иначе. Лучше же чувствовать. Сама же говорила. Яна, спаси меня, а?

Иногда мне кажется, что Яна – единственное, что у меня осталось. О ней я не рассказывал никому. Хотя кому я, соб-

ственно, могу рассказать о своих чувствах? Глебу, с которым не общаюсь и который бы моментально отправился в «Честный» ее выслеживать? Руслану, который бы поохотал и напомнил бы о случае с Лизой, предлагая попробовать ещё разок. Полине?.. было бы невероятно смешно.

– Поль, я встретил другую...

– Ну и вали к ней.

Это было бы слишком просто.

– Поль, я встретил другую.

– Нет, любовь моя, что же ты делаешь, на кого ты меня оставляешь, ещё и с ребенком?!

Нет. Скорее всего было бы так.

– Поль, я встретил другую.

– Ну хорошо хоть не «другого». Хотя почему хорошо? От тебя ведь черт знает чего ожидать. Ты же, дурак, пустил в свой дом бабу, которая тебе все мозги сожрала, жизнь испортила, в мясорубке перемолола. Второй раз! Второй раз пустил! Встретил другую – так бросай все и беги к ней. Но главное помни: не оборачивайся! Беги что есть сил, пока дыхания хватает. Брось все, что у тебя было, забудь о том, что могло бы быть. Беги. Беги же!

Нет, моими же словами Поля бы со мной не говорила. Вообще бы не говорила. Да и не говорит. Интересно, где она сейчас?

Хотя, кому я вру. Абсолютно не интересно.

4. Алексеч

Все закончилось как-то гораздо быстрее, чем в первый раз. Виной всему стала, вроде бы, случайно разбитая кружка, которую я смахнул со стола, не заметив. Знал бы – разбил бы ее гораздо раньше. Лет десять назад. Был бы более предусмотрительным – сохранил бы осколки на память и показывал бы внукам. Вот мол, смотрите, символ того, как самая простецкая ерунда может стать причиной развала семьи. Повторного. Да, одной и той же семьи. Нет, дедушка не дурачок. Да, и такое бывает.

Вдребезги.

Полина застыла с чайником в руке. Она как будто ждала этой разбитой кружки. А может просто так совпало.

– Ты что натворил?!

– Брось, это всего лишь кружка.

– Эту «всего лишь кружку» мне отец на совершеннолетие подарил!

– Ну прости, что же теперь поделать? На счастье.

– На какое счастье? С кем счастье? С тобой?

Пфф...

– Ну если не со мной, так вон хоть – с Глебычем.

– Да не Глебыч он!

– В смысле ... Не Глебыч...

– Это не твой сын!

Что бы на это сказал Никифорыч?

Так, на свадьбу мы пригласили всего лишь десять человек и потратили около пяти сотен тысяч. Хорошо, что вторую свадьбу решили не играть. Еда, одежда – это все ерунда. Роды. Сто пятьдесят тысяч. Кроватька. Десять. Ага, ремонт ещё около миллиона. А подгузники на два года... Мама дорогая.

Казалось бы, боже, какой циник. У него жизнь рушится, а он материальные затраты считает. Дебет с кредитом сводит. Женщина, которая была моей женой добрых семь лет, которая в одночасье меня бросила, потом вернулась, теперь рассказывает мне, что ребенок, которого я считал своим сыном – не от меня. То, что я принялся считать затраты, а не схватился за топор – это очень хорошо.

Мне тридцать пять. Самые активные годы жизни я потратил на Полю, и она от меня ушла. Самые лучшие годы жизни я потратил на борьбу с депрессией и попытки возродить веру к Поле. Вроде бы даже получилось. И зачем? Но мне по-прежнему тридцать пять. Если суммировать весь стресс и поделить его на прожитые дни, выходит, я прожил уже половину своей жизни. А может и больше. И осталось у меня меньше, чем уже прошло, а моложе я не становлюсь. Так что дальше будет если не хуже, то однозначно тяжелее.

Класс.

В старой песне пелось: «я пригрел на груди змею». Грудь у меня нет, Полина на рептилию не похожа, но в моей жизни что-то пошло не так.

Опять.

– Поль, – я не ору, не ругаюсь, не матерю ее. Я знаю, что так внушительнее звучит. Смотрю на нее краем глаза и вижу: ей страшно. Должен же и за горло схватить, и отдубасить ее, и выгнать к чертям из дома. Но нет. Я говорю спокойно. А ей страшно, не знает, чего ждать. А я не ору ещё и потому, что мелкий спит. – Давай так. Вот у меня отложено немного, тысяч триста. Все забирай, и чтобы завтра ты уехала. С ребенком. Навсегда. Совсем-совсем навсегда. Чтобы вообще больше никогда. Не надо.

– Ты что, – всхлипывает, – как же это... Ну послушай... Давай нормально. Куда мне эта треха? На что мне ее хватит... Родной...

– Значит так, родная. Ты на эту «треху» бизнес-классом можешь отправляться хоть в Европу. Если тебе мало, обратись к отцу ребенка. Он наверняка поможет. Уверен, он хочет помочь. Не откажет. А если не захочет, пожалуйста, не возвращайся. Просто не возвращайся. Уедь. Навсегда. И все. И это... Прости.

А чего это я извинился-то перед ней? Совсем с ума сошел. Ну да ладно, я в стрессе, мне можно. Мне даже больше можно. Но не буду, не надо, не надо.

Я выхожу из комнаты. Я выхожу из квартиры. Я выхожу из дома.

Я сажусь в автомобиль и понимаю, что ключи остались в квартире. Я беру телефон и пишу Полине: «Выкинь из кухни

ключи, на тумбочке лежат». Я понимаю, что это последняя фраза, которую она от меня получит. Через минуту рядом с машиной на землю падают ключи. Я выхожу, подбираю их с земли, сажусь обратно в автомобиль и захлопываю дверь с такой силой, что, если бы это была дверь в квартире, однозначно обсыпалась бы штукатурка. Я завожу мотор и не понимаю, куда мне ехать. Поэтому я выезжаю из двора и через пару километров утыкаюсь в железнодорожный переезд, который, конечно, закрыт.

Вечереет. Людей на перроне почти нет. Мимо пролетает электричка и заходящее солнце отражается в ее окнах, чередуя уставший свет и тень от вагонов на моем автомобиле. Как будто воспоминания то появляются, то исчезают перед моими глазами. Надо же, как быстро пролетело все хорошее и поезд просвистел мимо. Как мало воспоминаний. Куда мне теперь ехать?

***

– Алло, Виктория Петровна? Здравствуйте.

– А кто это? Глебушка, ты?

– Да, я.

– А чего телефон какой-то странный?

– Почему странный? Он у меня двадцать лет уже.

– А, просто у меня не записан... не высветился. Как ты, Глебушка?

– В полном здравии. А вы как поживаете?

– Я хорошо поживаю. – какой же голос у нее странный.

Старческий как будто, а ведь ей и шестидесяти нет. И заискивающий такой, будто украла у меня что-то, а признавать боится. Ну ладно.

– Вы, Виктория Петровна, на внука не хотели бы посмотреть? А то не приезжаете.

– Да мне Поленька присылает фотокарточки регулярно в телефон, вижу, как растёт. Такой он крепенький, маленький. Мой внучек.

– Внучек-то твой, а сын-то он чей? – выпаливаю. Все, хватит, надоела.

Молчит.

– Виктория Петровна? Он чей сын-то, маленький этот, внучек ваш?

– Лехин. – отвечает она коротко, сухо, как-то не по-настоящему. Как робот какой-то.

И этот же робот своим трехтонным весом как будто падает на меня сверху, проламывает мне череп и каждую кость сминая, а я напоследок умудряюсь ощутить его железный вкус на кончике своего языка.

Леха. Лехин ты сын.

Полина, какая же ты романтичная. Не забыла первую любовь. Какой твой Леха настоящий вдруг появился передо мной и как в кино хохочет, хохочет. Как злодей. А я смотрю на него, я – супергерой, которого он связал по рукам и ногам. И он победил. И сын его, а не мой. А мне что делать?

Бах! По голове мне бьёт реальность.

– Я ей говорю, Глеб, каждый раз, когда она приезжает ко мне, чтобы она тебе рассказала. Ты хороший мужик, Глеб. Ты должен знать. Нельзя так с тобой. А она смеётся и сразу к Лехе. Каждый раз к Лехе.

Бах!

– И, говорит, люблю я его, нет сил как люблю.

– Кого люблю? – у меня пересохло в горле, слова не вылетают, а выкарабкиваются наружу, цепляясь когтями за язык и разрывая горло изнутри.

– Кого-кого? Леху!

Бах!

– Такая она счастливая к нему убегала. Но он же парень простой, без тараканов...

Бах!

– ... на производстве опять денег не дают, так он сидит, ждёт. Не бежит ни в какую Москву...

Бах!

– ... или Питер там какой-нибудь...

Бах! Бах! Бах!

– Сидит, ждёт Польку все время. И ко мне, когда приходит, говорит мол, тетя Вика, я ведь в такси устроюсь, будут деньги, пусть только Поля не уезжает. А она все равно уехала. Говорит, там денег больше, ребенку жизнь надо и будущее. Там и устроиться проще...

– Пока, тётъ Вик, твою мать.

Каждый раз к нему бегала. И бегают. А я сижу дома и жду

ее. И воспитываю ее ребенка. Ее и Лехиного. Не моего.

Вот и не было у тебя ничего, Глеб, вот и не осталось у тебя ничего. И то, что по мелочи валяется, да в карманах осталось, заберут. А ребенка и забирать не надо. Не твой он.

Женщина не твоя. Ребенок не твой.

Не мой.

В кармане жужжит телефон. А, нет, не телефон. Я же его в сторону бросил. Он вон, лежит на кресле, которое обычно занимает Полина. Занимала. Значит фантомный звонок. Привет, мозг, как дела?

Нет, все же жужжит. На кресле. Смс. Кто вообще пишет смс? А, Виктория Петровна. Прекрасно. Открываю сообщения.

«Глеб такой ты благородный».

Безграмотная, писать научись.

Я сижу на стуле в середине комнаты. Пульс ровный, дыхание спокойное. Немного чешется левое ухо. Не буду его трогать. Сейчас я буду думать.

Вдох. Выдох.

Сука, почему я ничего не чувствую?

Поля собралась довольно быстро. Гораздо быстрее, чем после развода. Ей хватило одной ночи. Пока мелкий спал, сгрэбла вообще все, что было, во все сумки, которые нашла. Теперь у меня нет сумок. Вообще ни одной сумки. Даже спортивный рюкзак мой забрала. Буду ездить на тренировку с мешочком полиэтиленовым.

Деньги тоже забрала. Все. «Куда мне эта треха, ни на что не хватит». Ну, значит купит себе ничто. Или ребенку, может, одежды прихватит. Пока самолёта будут ждать.

Вообще все забрала. Ноутбук мой забрала. А в нем вся работа, фотографии, все архивы. Надо же, не осталось ни одной фотографии совместной. Телефон новый, пустой. Фотоаппарат тоже забрала. На хрена ей мой старый фотоаппарат? Холодильник только на месте, вроде бы. Не нашла для него коробки, чтобы с собой уволочь.

Почему я ничего не чувствую?

Я сижу на стуле в середине комнаты. Пустой, мертвой комнаты с диваном и шкафом. На полу валяются штаны Глебыча, которые не штаны. Не Глебыча. Джинсы. Алексеича.

Мелкий.

Стены начинают давить.

Пытаюсь вспомнить, называл ли он меня папой и никак не могу вспомнить. Если да, то он не знает, что я не его папа. Если нет, то охренеть: он в три года знает, что его отец живёт в другом городе и играет в эту грязную игру. Играл. В три года играл и изображал искреннюю радость, когда я приходил домой. Ну да, конечно.

Стены уже давят на виски. Мне не пошевелиться.

Дыхание ровное, пульс стандартный. Отпускает.

Вдох – выдох.

Комната расширяется.

Курить я бросил, когда узнал, что Полина беременна.

Пить перестал, потому что сколько можно. Сажу на стуле и смотрю на стену. Вот он мой дзен, моя судьба, мое равновесие. Дыхание. Никакого допинга.

Комната расширяется. Я опять ничего не чувствую.

Никакой паники. Никаких сожалений. Что делать завтра – буду думать завтра.

Хочу к Яне.

Стены распахиваются, разлетаются, мне в шею начинает издевательски светить солнце. Оно разливается по венам и вот я уже свечусь изнутри.

Свобода.

Яна.

***

– Ну чё?

Отец. Зачем сейчас звонить? Хотя он же ничего не знает. Если бы знал – уже бы примчал. Иди позвонил бы раньше. Зачем я ему сейчас? Что-то случилось?

– Что-то случилось?

– Конечно случилось. Ты с отцом не здороваешься.

– Привет, пап.

– А?

– Ну привет, здороваюсь вот.

– Ты три дня не звонил, здороваешься он.

Блин!

– Прости. Дела были.

– Какие ещё дела?

– Полина уехала.

– В смысле «уехала»? Опять отпуск внеочередной?

– Нет, не отпуск.

– А почему тогда уехала? А почему Глебыч молчит? Спит

что ли?

– Он не Глебыч.

– Алло?

– Не Глебыч он!

– Не слышу!

– Нет, не спит. Наверное. Не знаю.

– Как это «не знаю»?

– Да нет его.

– В смысле «нет»?

– И не было никогда, – каждую фразу я говорю все тише.

– Алло? Чего ты шепчешь там?

– Пап! – я откашливаюсь на этом слове и звучит это как голос утки, страдающей от бронхита. – Поля уехала. Сына забрала. Это не мой сын. Он другого... Сын... Я не знаю, как так получилось. Я не знаю. Я вообще не понимаю.

Пауза. Голос отца всплывает как из-под волны:

– Тааак.

– Пап.

– Что «пап»?

– Ты почему так странно разговор начал? «Ну чё».

Как разговор запустишь, так он и полетит. Поздоровался бы нормально – может и конструктив бы вышел. А так вон

что, пап, и разговор не вышел и жизнь у меня не особо получилась. Я жил с любимой, а она не любимая. Предала меня. Ушла. А потом я себя пополам перегнул, спину себе переломал и научился заново. Сам научился. А потом она вернулась. И я опять разучился. А потом ребенок. Не мой. А я растил и воспитывал. А теперь забрала его и все деньги и усвистала. Хрен знает куда усвистала. И сижу вот в центре комнаты на стуле. И руками даже не развожу, потому что стены давят и уничтожают. Они давят, а я не чувствую.

А ты так сразу. «Ну чё».

Да ничё. Ничто. Как и жизнь моя.

***

Сегодня дождь. Дождь настоящий, мерзкий. Ветер дует за шиворот, хотя, если разобраться, он дует за все: за шарф, за капюшон, за очки, вообще за все. Даже если упакуешься в герметичный термокостюм, дождь при помощи ветра заберется куда угодно, даже в ноздрю. Но я иду пешком. Теперь я должен промокнуть. Я мученик, я должен страдать. Я лишён, лишён, лишён семьи, у меня нет ничего. У меня отобрали любовь, ребенка, вещи тоже. Я жестоко, жестоко просчитался. Я думал о чем угодно, но не о себе. И я должен промокнуть до нитки, должен прострадать. Весь мир увидит, какой я мокрый и несчастный. Какой же кайф, какая красота. Иду от метро по Большому проспекту. Мимо протекает Ординарная, проскакивает Плуталова, смывается Бармалева, а я иду широким шагом, стараясь наступить в каждую

лужу. Сегодня я мокрый и одинокий, я измочален обстоятельствами, но я счастлив. Потому что понедельник, потому что десять часов утра, потому что сейчас будет «Честный», и там будет Яна. И сегодня я точно решусь. Я даже даю себе слово, что решусь. Я поговорю с ней. Я решусь.

– Поздравь меня, я решила на отношения!

Улыбается сидит. За нашим с ней столиком. За ее столиком.

– Ого. А поздравлять-то с чем?

– Ну как с чем? А может быть меня в жены возьмут! – Яна кокетливо подмигивает мне и улыбается. Собственно, ничего нового. Как всегда, кто-то другой возьмет то, что я хочу. Но на что никогда не решусь посягнуть. Потому что боюсь поломать. – Если замуж выйду, поздравить?

– Поздравлять со свадьбой? Если ты рада – поздравлять какой смысл? Если не рада, то тем более зачем? Ты как будто позволяешь окружающим решать, что тебе чувствовать. – улыбка исчезла с лица Яны. – Свадьба – это логичный итог процесса построения современного института семьи. Но это же личное дело каждого. На то она и личная жизнь.

– Тебе никогда не говорили, что ты все усложняешь, зануда? – Яна больше не улыбается. Мне кажется, она больше ни разу в жизни мне не улыбнется.

– Не говорили. Я сам себе это все время говорю. Толку-то.

Почему всегда так происходит: сильно чего-то хочешь, ждешь, подыскиваешь подходящий момент, но в результате

оказывается, что либо ждал ты слишком долго, либо ждал не того, чего должен был, либо вообще не надо было ничего ждать. Она решила, я – нет. Конец истории.

«Кто он?» – ору я у себя в голове, но вслух не произношу ни звука и поворачиваюсь обратно к Сане, который стоит за стойкой и колдует над моим напитком. Раньше, когда хотелось поздравить с каким-то праздником большое количество друзей, человек готовил смс-рассылку. Потом стали появляться группы в мессенджерах или соцсетях. Сейчас же, чтобы отметить (очередное) окончание моей (все той же) семейной жизни, я долго выбирал, кому об этом сообщить лично. Бариста моей любимой кофейни был в топе примерно на третьем месте. Надо же, видимо и вправду у меня совсем не осталось друзей.

Саня такой профессионал, что умеет грустно делать американо.

– А я так надеялся, что Глебыч подрастет и попробует мой кофе

– Он не Глебыч.

– Ты сегодня такой грустный. Мрачнее тучи! – слышу я со спины.

Яна хмурится. Все же рада меня видеть. Играет. Актерствует. И я не решаюсь. Рассказать ей о Полине? А о ребенке? Так ведь умилялась, когда ей фотки Глебыча показывал. Алексеича. На тебе, не мой это ребенок. Меня предали, я грустный, остроумный, да ещё и страстный такой, хватай!

Ну!

– Ладно. Пойду на улицу курить, – говорю я, моментально вспоминая, что бросил и понимаю, что отрезал себе последний путь к иллюзорному шансу решиться и открыться Яне.

– погоди. мамочке позвоню, и мы пойдем с тобой вдвоем курить.

– Ну мне надо ещё сигарет купить.

– Я сейчас схожу. Зачем тебе ходить, подожди.

– Что ты еще сегодня за меня сделаешь?

– А что бы ты хотел?

Телефон опять жужжит. Хоть бы не Виктория Петровна. А, опять спам.

– Хоть бы кто живой написал, а то все роботы пишут, да роботы.

Яна берет телефон и пишет мне в мессенджер: «Погоди пять секунд, сейчас я все куплю пойду, позвонить дай».

Я направляюсь к выходу из «Честного». По дороге я замечаю, что в углу сидит компактный человек в неприглядной одежде, который смотрит по сторонам, каждую минуту достает из кармана блокнот и что-то туда коротко записывает. Мне кажется, что он внешне похож на Никифорыча, только без усов. Когда я открываю дверь, к нему подходит Саня и усталым тоном говорит: «Витя, ну давай проваливай уже, все равно ни черта не заказываешь».

На улице просторно. Небо очистилось, даже лужи успели подсохнуть. Но в голове у меня не прояснилось. Навстречу

мне по улице идёт Андрей Машнин. Я даже не удивляюсь, а о радости не может идти и речи. Странно, произошло бы это лет пять назад, я бы подбежал к нему, чтобы поблагодарить за творчество. Десять лет назад я бы попросил сфотографироваться вместе. А сейчас – ничего. Странно.

– Охренеть, – говорю я, когда Машнин проходит рядом и, будто услышав меня, сурово смотрит мне в глаза. Он сильно изменился внешне, но взгляд все тот же. Думает, что я узнал его? Может быть. Но вслух я удивляюсь скорее тому, как изменился я сам. Я ведь только что ходил на его концерты! Только что. Двадцать лет назад. Ужас какой. Как летит время. Мы взрослеем и стареем. Кумиры уходят. Кумиры пухнут и уходят вдаль, размахивая скандинавскими палками. Он только что был рупором поколения – и вот он уже бросил курить и худеет. Хотя и я ведь бросил курить. Да и сбросить пару килограмм не помешало бы.

Мимо меня, спрятав голову в капюшон, из арки быстро проходит «Витя». Он перепрыгивает через лужу и у него из кармана выпадает блокнот. Я пытаюсь докричаться до него, но он либо в наушниках, либо просто испугался: пошел гораздо быстрее, почти бежит.

Никогда, никогда, никогда не смотри через плечо, не заглядывай в чужие записи и не лезь в чужую жизнь! Я слышу эти слова отчётливо и ясно. Звучат они у меня в голове голосом моего отца. Правило, которому меня научил отец в детстве, не раз спасало меня от проблем. Всегда, долгие го-

ды, всю жизнь.

До этого самого момента.

Я поднимаю и начинаю аккуратно листать блокнот, медленно возвращаясь в арку, из которой только что выбежал хозяин записей, как будто это уберезет меня, если он внезапно решит вернуться за потерей.

Удивительно. Каждая страница аккуратно, по линейке вертикально разделена ровно пополам. В заголовке каждого столбика – по одному слову. Слева – «нужное», справа – «ненужное». Иногда в начале страницы встречаются даты. Неужели человек каждый день записывает свои мысли в эти столбики?

Я листаю блокнот все быстрее, но ничего, кроме аккуратного почерка, не встречается – ни закладки, ни рисунка, ничего. День за днём я постепенно подбираюсь к той дате, когда Полина ушла во второй раз.

12 июня

Нужное

Интересно, почему я не думал о самом себе? Старался не делать больно, угождал в чем мог, ломал себя на четыре части, но постоянно выкручивался из любой ситуации так, чтобы сделать хорошо ей. Ей, а не себе. Мы оба жили для одного и того же человека – для нее. А обо мне-то кто подумал?

Я всегда был открыт, ничего от нее не скрывал. Это сильно отличает меня от моей семьи: вот они-то умеют

хранить секреты. Но иногда, особенно за праздничным столом, после нескольких стопок они все же проговаривались, что в жизни нет никакого смысла. С другой стороны, есть и важное: быть честным, думать о других, не обижать слабых и никогда-никогда не бить девочек. Тогда, быть может, все и сложится неплохо, да и смысл появится. Но секундочку, если я честен с людьми, не могли бы и они быть честны со мной? Или это работает как-то иначе?

Мама говорит: жизнь твоя, время твое, то, как ты его проведешь – это самое главное, самое ценное, что может быть в мире. Она все равно проходит впустую, так хотя бы получить удовольствие от процесса родители могли бы мне посоветовать?

А то, что же это получается: самое главное у каждого человека – это то, в чем нет никакого смысла.

Ненужное

Сегодня взял с собой зонт. Дождя не было. Никогда не бери с собой зонт, если не будет дождя.

На вид этому Вите лет двадцать пять. Судя по записям, ему около тринадцати. Я закрываю блокнот и захожу обратно в «Честный», чтобы отдать его Сане. Лучше бы я его никогда и не открывал. Ощущение такое, будто меня отчитал тинейджер, а я понял, что он прав. И мне стало стыдно.

– Боже, ну этот придурок завтра же вернется за этой штукой. Мог бы и в луже оставить, никто бы на это внимания не обратил. Кому это нужно?! – Саня не скрывает отвращения.

Я бросаю взгляд на старый блокнот. Он выглядит так, будто обложке лет пятьдесят, а листочки заботливый хозяин добавляет сам. На корешке блокнота аккуратным почерком написано: «НЕНУЖНОЕ».

***

Обычно, когда меня спрашивали, люблю ли я ребенка, я всегда удивлённо улыбался и отвечал односложно. Либо «конечно», либо «а то!» Ну или «а как же!» Но сейчас, когда оказалось, что он и не Глебыч вовсе, мне становится гораздо легче.

Я никогда не верил тем, кто говорил, что дети – самое главное в жизни. Ну то есть это ведь не так и сложно: зачать ребенка. В этом может преуспеть практически кто угодно и это вряд ли будет считаться достижением. Но нет, каждый третий родитель уверяет всех окружающих, что его ребенок – самый лучший, что его ребенок – самое важное, что есть на свете. Что вот оно, мол, будущее, и его можно потрогать. И кстати, я врал: я никогда не любил ребенка, поэтому, когда я узнал правду, мне стало легче: и потому, что я и не должен был его любить, и потому, что со мной, видимо, все в порядке: ведь как это так, любить чужого ребенка. Уверен, что Руслан со мной солидарен. Вот он, стоит рядом со мной около офиса и головой качает.

– Ане звонил?

– Нет.

Ане я не звонил. Ане я писал. Не решился связываться

с клиникой, в архивах которой отчетливо записана каждая буква о моем психоэмоциональном состоянии пятилетней давности. Я решил написать Ане напрямую. Ань, надо бы. Работаешь? Она ответила «Нет» и подтвердила свой ответ грустным смайликом. Плюнув на предрассудки, я сразу же позвонил в клинику и выяснил, что доктор, который спас десятки, если не сотни человек, понял, что его-то не спасет никто, кроме него самого. Аня просто ушла. Ушла в семью. Ушла, потому что времени на чужих тратить больше не хотелось. Хотелось на себя. И на своих. И молодец. А я уж сам. Все сами. Такая взрослая жизнь: тут каждый сам за себя.

– Ну, за нет, как говорится, и суда нет. Ладно, помчал. Пора. – Руслан торопливо жмёт мне руку и практически бежит в сторону метро.

Пора. Время.

Я смотрю на часы. Красивые, дорожные часы, которые Полина подарила мне на юбилей. На мой последний юбилей, который мы отпраздновали вместе. Тридцать пять лет. Она уже давненько не работала, так что и подарок этот она купила на те деньги, которые я отложил на новую кровать для ребенка. Выходит, эти часы я подарил себе сам. Интересно, как я раньше об этом не подумал?

Ветер дует в лицо, и я не понимаю, начинаю я плакать или глаза слезятся от холода. Я представляю себе, как срываю часы с руки резким и красивым движением и запускаю их в серую стену здания, рядом с которым стою. На деле же до-

рогой кожаный ремень сидит как влитой, а цепкий французский замок не поддается. Поэтому я рычу, пытаюсь стащить с руки дурацкий аксессуар, который будто бы врос в меня корнями. Слезы продолжают литься и выглядит это, наверное, вовсе не пафосно, а скорее смешно. Я даже устал: проходит минуты три, пока я справляюсь с часами, кидаю их изо всех сил на тротуар и начинаю азартно топтать циферблат каблуком ботинка. Крепкое стекло поддается не сразу, а его хруст звучит почти героически и надменно: будто последний символ, связывающий меня с моим прошлым, все же сдался, хоть и держался из последних сил. Я поднимаю глаза и вижу, что в трёх метрах от меня стоит бомж с огромным тюком пустых бутылок и с удивлением наблюдает за происходящим. Вытираю пот со лба, уверенной походкой подхожу к мужичку, вытаскиваю из кармана банкноту в тысячу рублей, вручаю ему и, похлопав по плечу, разворачиваюсь и удаляюсь прочь. Куда я иду – не знаю. Часы я победил. Доброе дело сделал. Наверное, самое время выпить чаю. Или не чаю. Или сигануть в ближайшую реку. Пока не понятно.

***

Когда я приехал к отцу, выяснилось, что он не настроен на долгую беседу. История повторялась. Все по накатанной: доверие, предательство, расставание. Да еще и сотворил это со мной тот же самый человек. То, что на сей раз дело касалось ребенка, никого не интересовало: папа не оценил моей истории. В ней не хватало эпитетов, патетики, а быть мо-

жет ему уже и вправду было наплевать. Он ушел курить. А я остался сидеть на кухне, ведь я бросил. Буду тверд до конца. Пока не понял, зачем, но буду. Он почему-то так и не выкинул мои тетрадки со стихами, которые я писал в старших классах и когда Лиза уехала в Москву. Я открываю первую попавшуюся и читаю то, что написал как будто вчера, а не двадцать лет назад:

*Мой век одиночества брошен в корзину,
Любовь остается под ним на стене:
«Ну что же, ты следом?» – «Закончу постройку
Себя, а потом разберусь и в тебе».
За что мне сковали душоночку болью?
Поставив в тупик, загрузили мне мозги.
Пускай враг смеется – заплачу я кровью,
Запив стопкой грусти любовные розги.*

По телевизору идёт какое-то ток-шоу, где в роли ведущего выступает популярный психотерапевт. То есть он, конечно, плохой актер, но домохозяйки категории «50+» считают его врачом.

«Следующий герой нашего шоу – вроде бы обычный представитель среднего класса. От него ушла жена и забрала с собой ребенка. Но, что показательно, то, что это не его ребенок, наш герой узнал лишь перед расставанием с любимой. Прямиком из Санкт-Петербурга. Встречайте. В студии...»
Подходит, ничего себе. Как сюжет мыльной оперы.
Я устало выхожу на сцену, неуклюже машу рукой в камеру

и сажусь на диван рядом с ведущим. За камерой загорается надпись «АПЛОДИСМЕНТЫ». Зрители аплодируют. Сейчас я буду рассказывать свою историю на всю страну.

Из зала хором звучит два голоса, выкрикивающие «Прости ее» и «Отпусти ее». Я пожимаю плечами, вздыхаю и по щеке катится одинокая слеза. Скорее от жары и сухого воздуха, чем от переживаний. Я поднимаю руку, чтобы прикрыть глаза от света софитов и это выглядит так, будто я сижу в классе и хочу отпроситься выйти в туалет.

– Да, парень, она поступила как мразь. И мразь должна быть отомщена, – «АПЛОДИСМЕНТЫ». – Но попробуй вспомнить и тех, кому причинил страдания ты сам. Закон баланса мразей – вот на чем строится современное общество. Этот закон работает в обе стороны, сынок, он работает в обе стороны.

Папа прерывает мои фантазии: он возвращается на кухню, смотрит на меня внимательно, вздыхает и выдает:

– Что-то ты располнел.

Интересно, кто и с какой целью придумал эти фразы, которые говорятся ради того, чтобы говориться? Просто так, вакуум заполнить. «Располнел». Да знаю я, что я располнел. Сказал бы уже, что я не в себе, что видно, что опять спать перестал. Что жизнь у меня не удалась, что я сын никчемный, что толку от меня никакого, что он отказывается от меня. Да что угодно бы сказал!

«Что-то ты располнел»!

Всегда говорит это не к месту, не ко времени, да и вообще, как будто просто так. Когда сказать нечего. Бесит. Бесит, бесит, бесит.

Отец садится за стол и рассматривает свою кружку с давно остывшим чаем.

– Пап, – я перевожу разговор на другую тему, пытаюсь победить эмоции, – объясни. Ты же как-то добился того, что у тебя такая крепкая семья. Всегда так было – все вместе, один за всех и все вот это прочее. Ты так уверенно и четко меня воспитывал, и мать тоже воспитывал, наверное. Ты как это сделал?

– Никак. – отец не отрывает взгляда от чашки. Кажется, что чай в ней сейчас снова закипит и без электричества. – Все получилось само собой. Как шло, так и шло. Никакого плана не было. В строительстве дома быть специалистом можно, а вот в строительстве семьи никто не профессионал. Никогда. Передай мне сахар пожалуйста.

Я смотрю на сахарницу на противоположном от меня конце большого круглого стола. Чтобы взять ее, мне нужно встать, отодвинуть стул, обойти почти всю кухню и только тогда я дотянусь до нее. Но есть и еще один момент.

– Так он же стоит прямо перед тобой.

– Я знаю, – отвечает отец и широко улыбается.

5. Зачем

Не понимаю, зачем мне было нужно узнавать чей он сын. Чтобы начать сравнивать себя с кем-то, кто навсегда лучше, чем я? Чтобы наказать себя? А за что, собственно? И с какой целью?

Легче от этих размышлений не становится, но я пока не понимаю, нужно ли мне вообще себя уравновесить. И тут я внезапно прихожу к выводу, что забыл, что такое тепло, не знаю, что такое баланс и не помню счастья.

Абсолютно не помню ощущение счастья. Пытаюсь вспомнить детство, но в голову приходят либо моменты радости, либо тишина и покой тихого часа, когда спали все, кроме меня. А счастья как будто и не было вовсе.

Только минут через десять я замечаю, что телевизор выключен, а я лежу дома на диване и с увлечением смотрю в потухший экран. Делаю над собой усилие и встаю, иду на кухню. Пока не понял, зачем именно, но у меня есть в запасе метров шесть, чтобы придумать цель своего пребывания там. По дороге я спотыкаясь о кошку. Дура! Почему решила разлечься под ногами прямо в середине коридора?

Лучше сожалеть о том, что сделал, чем о том, чего не сделал. Эту фразу часто говорил Глеб в приступе морализаторства. И он был не прав. В очередной раз. Я смотрю на кошку и жалею о каждом упущенном моменте, когда мог отказать

Полине, но не сделал этого. Я жалею о том, что я ее прощал, о том, что пытался понять, снова и снова пускал в свою жизнь. И больше всего я жалею о том, что мне почему-то до сих пор перед ней стыдно и, кроме того, я на нее не в обиде. Это же как нужно было уничтожить себя всю жизнь, чтобы до сих пор себя за это же и наказывать?

С Полиной ведь уже через год после возвращения стало заметно, что все равно обиды никуда не делись. Непонятные, пустые, никому не нужные обиды. Обиды на прошлое. Обиды на обиды. Обиды с обеих сторон. Зачем? Кому они нужны? Какого черта я заставил себя верить в то, что все не случается дважды? Я всего лишь подошел к ней однажды и сказал:

– Полина, можно я задам тебе вопрос?

– А можно мне одной побыть?

А можно мне от желания быть рядом с ума не сходить? А можно мне быть таким, какой я есть, а не бороться с собой? А можно мне поддержки и ощущения семьи? А можно мне улыбок? А можно мне с тобой поговорить? А можно мне покурить с тобой? А можно мне почувствовать тебя? А можно мне поверить, что мы всегда будем вместе? А можно мне сделать так, чтобы тебе было полегче? А можно мне не думать, что ты все равно уедешь от меня опять? А можно мне обнять тебя? А можно мне признаться тебе в любви опять? А можно мне сделать тебе предложение еще раз? А можно мне попрыгать и потаскать тебя на спине? А можно мне по-

просить попить? А можно мне поцеловать тебя? А можно мне сделать так, чтобы голова не кружилась? А можно мне не выдумывать, что все хорошо? А можно мне пойти погулять, а потом вернуться, и ты будешь рада меня видеть? А можно мне, наконец, поверить, что это все не просто так?

– А можно мне побыть с тобой рядом?

Когда я не думал о том, что с Полиной что-то не так, очень хотелось спать. Круглые сутки спать. Почему так сильно хочется спать и зачем кружится голова, я так и не понял. На хрена вообще кто-то придумал эти нервные расстройства, от которых становится не хуже, но которые так мешают жить? Кто скажет-то? Кто объяснит?

Сколько же лет я потратил на то, чтобы сделать приятно тем, кто меня окружает. И, спрашивается, зачем?

Результат: долговязый кабан, который не понимает, как себя вести в самых простых ситуациях, реагирующий как малолетка на любые изменения в атмосфере, окружающей туловище и при этом страдающий от нервного расстройства.

Разучился жить для себя. Потом научился жить для себя и сразу разучился воспринимать происходящее.

Как починить? Как починить?

Что-то определенно сломалось. Сломалось в очередной раз. Сломалось сильно, конкретно и очень хочется верить, что не навсегда. Страх, который начинается откуда-то из глубины желудка, не такой, как в прошлый раз. Теперь он настоящий, резкий, и уже кажется, что всепоглощающий. Страх о

том, что это дебильное ощущение не пройдет никогда. Оно так и останется жить со мной до последнего вздоха.

Похоже, я больше не могу чувствовать.

Если прикинуть по итоговой сумме эмоций, опасения смахивают на серьезные. От меня ушла любимая (дважды), которую я заставлял себя любить, когда мне казалось, что чувств больше нет (дважды). Я заставил себя ей верить (дважды), но почему – так и не понял (ни разу). Она подарила мне ребенка (однажды), но оказалось, что этот ребенок не мой (минус один). Я потратил на него свое время, силы и, черт возьми, деньги (все без остатка) и в ответ получил ровнехонько ничего (ноль).

В итоге, я вернулся в отправную точку. Я потерял годы (пятнадцать), я потерял веру в себя (всю), я потерял понимание происходящего (без остатка).

Я ничего не чувствую (ноль).

Мне нужно заставить себя не думать (определенно). Для этого мне нужен человек (плюс один).

Похоже, у меня проблемы (100%).

6. Поля

– Ты готова к счастью?

За бортом плюс тридцать пять. Поля жмурится на солнце и улыбается. Мне двадцать два. Ей двадцать один. Мы лежим на моем балконе, который вчера стал нашим. Мы – молодожены.

– Если бы была не готова, меня бы здесь не было.

Ее правая рука с тонкой сигаретой свешивается с балкона. В левой – высокий стакан с сидром, который она лениво пьет через трубочку. На импровизированном лежаке, который я соорудил из старых подушек неделю назад, жарко. Подушек ушло много, получилось неудобно, но мы не обращаем на это внимания. Балкон достаточно длинный, но узкий: мы можем лежать на нем во весь рост, только соприкасаясь подошвами кед. Рядом было бы не разместиться. Зато я могу смотреть Поле прямо в глаза. Мог бы. Если бы она не жмурилась и сняла свои черные очки. Она похожа на героиню фильма шестидесятых, страдающую от легкого похмелья. Хотя почему «страдающую»? Скорее получающую от него наслаждение. Фильм, пожалуй, французский.

Я закрываю глаза, и солнце все равно проникает через веки, как будто намекая, что я не спрячусь от нового счастья даже внутри своей головы. Это все слишком похоже на сон, чтобы быть правдой.

Утро буднего дня. По улице мимо дома медленно проезжает одинокая машина. Водителю явно некуда спешить: на работу он уже опоздал, значит едет куда-то по делам или просто катается. Синхронно проснувшись в шесть часов утра, весь рабочий класс разбрелся по трамваям и маршруткам, оперативно разъехался по душным офисам и оставил спальный район прогреваться под лучами беспощадного июльского солнца. Не хочется шевелиться. Даже музыку не хочется включать. Хочется лежать в этом моменте, слегка соприкасаясь с подошвой кед моей жены и отчаянно мечтать о том, что теперь так будет всегда.

Поля протягивает руку к открытому на кухню окну и ловко выуживает невесть откуда взявшуюся фату. Она нелепо дополняет Полин имидж, оказавшись на её голове. Откинувшись, Полина выпускает тонкую струйку дыма и тихо постанывает, то ли от жары, то ли от головной боли. Я заставляю себя думать, что от удовольствия.

– Хочешь я принесу с кухни мороженое? – тихо говорю я. Она едва заметно кивает в ответ.

– А какое: шоколадное или ванильное?

– Запомни одну вещь, – вещь, видимо, будет важная. Поля приоткрыла левый глаз и сдвинула очки на кончик носа, – прими это решение сам. Не представляешь себе, как важно, чтобы мужик сам решал вообще все. Даже в такой мелочи, как мороженое.

Я с готовностью киваю, встаю и направляюсь в помеще-

ние. Внутри прохладно, дом ещё не прогрелся насквозь после удивительно холодной ночи, и я ловлю себя на том, что успеваю замерзнуть уже на полпути к холодильнику. А еще я понимаю, что уже соскучился по жене, хотя отошел от неё в сторону примерно на двадцать секунд.

Она широко улыбается, когда я возникаю в дверном проёме с двумя порциями мороженого: шоколадного и ванильного. Ставлю блюда на пол, между нами, Поля хмыкает, смотря на них и снова закрывает глаза.

Вчера мы сыграли свадьбу. На неё я потратил абсолютно все сбережения, что у меня были, до копейки. Гостей было совсем немного, все прошло спокойно и как-то очень быстро. После завершения праздника ко мне по очереди подошли все друзья и сообщили, что это было самое приличное мероприятие в их жизни. Беспрецедентно приличное. Жених с невестой прилично накидались. Хорошо, что на церемонии не было родителей: мои были не слишком довольны тем, что их сын внезапно решил остепениться, а Полины не успели купить билеты на самолет.

Ну и хорошо. Не надо нам родителей. Да и друзья пусть лесом идут. Нет никого у нас, кроме нас самих. А еще есть июль, жара и счастье.

– Надо бы тебе костюмчик прикупить. И пальто, – внезапно подает голос Поля. Она стряхивает пепел на пол и почему-то щелчком отправляет сигарету в полёт с тринадцатого этажа.

– Как раз об этом думал, – отзываюсь я. – На улице всего лишь плюс тридцать пять. А у меня нет пальто.

– Я не об этом, балда. Твои рваные джинсы и толстовки слишком резко контрастируют с обручальным кольцом. Теперь ты не просто мальчик. Теперь ты муж.

– Как скажешь, – отмахиваюсь я. – А еще пора бы задуматься о личном автотранспорте.

– Это следующий шаг.

– И какого цвета машину мы хотим?

– Мы хотим машину цвета наших чувств. Бирюзовую, конечно. Чтобы как море.

Машина цвета наших чувств. Что вообще может быть романтичнее?

Полин телефон настойчиво жужжит из глубин нашего импровизированного лежака. Она моментально ставит стакан на подоконник и начинает рыться в подушках.

– Эй, мы же договорились выключить мобилы, – я прикладываю максимум усилий, чтобы в моем голосе обида звучала наигранной. Получается так себе: мне и вправду обидно.

– Ну прости, товарищ муж, я хотела бы, чтобы мама все же всегда могла со мной связаться.

Виктория Петровна. Как жаль, что она не приехала. Надеюсь, правду говорят, что девушки похожи на своих матерей. Муж бросил её много лет назад, а она воспитала Полю сама, ни разу никому не пожаловавшись, работая на трех работах. Не сдалась. Не расклеилась. Выжила, да еще и из дочери че-

ловека сделала достойного. Золото, а не теща – еще и во всех спорах всегда встает на мою сторону. Ни слова поперек не сказала, когда Поля сообщила ей о свадьбе. Надо её как-то отблагодарить, когда наконец приедет в гости.

Полина таращится в телефон несколько минут, а потом заливается самым громким смехом, что я когда-либо слышал в её исполнении.

– Тебе мама анекдот что ли прислала?

– Это не мама. Так, старый друг, одноклассник. Леха, – отдышавшись говорит Поля. – Не обращай внимания. Потом расскажу.

Она смотрит на телефон с едва уловимым сожалением и теплом. Больше не смеется. Твою мать, почему этому старому другу надо было написать именно сейчас? Мы ведь так хотели хоть немного побыть в тишине и убраться подальше от всех знакомых и друзей? Ну, то есть я точно хотел. Надеялся, что и Поля тоже. Она недолго переписывается с другом, бросает на меня ироничный взгляд, шепчет «Ну все, все, гляди», – и демонстративно долго нажимает на кнопку выключения. Телефон пикает и его экран темнеет. Мне больше всего на свете хочется задать пару вопросов: что это за друг, чем он так её развеселил, почему она выключила телефон, хотя ждала сообщения от матери, но я делаю над собой усилие и закрываю глаза. Не надо портить момент. Не хочу. Потерплю.

Поля берёт с пола блюдце с растаявшим мороженым и

начинает жадно поедать его маленькой ложкой. Мороженое растекается по подбородку и капает на ее футболку. Она не выглядит утонченной и изящной. Она выглядит настоящей. Я хочу с ней состариться.

– А ты уже думала о том, как мы назовем наших детей?

– А у нас не будет детей, – она даже не поднимает на меня глаза, продолжая уплетать десерт.

– В каком смысле?

– В самом прямом. Я не хочу детей. Просто не хочу и все. Ты что, правда думаешь, что я смогу сидеть дома с каким-то орущим комком? Вынашивать его, воспитывать, рожать, – последовательность странная, но Полина не обращает на это внимания. – Нет, нет, нет. Ни за что. Никогда. Или лет через десять. Но только не раньше. Не собираюсь ни с кем делиться мороженым, – она облизывает блюдце и уже смотрит на мою порцию.

Когда мы начали встречаться, мы уже обсуждали совместное будущее. Тогда это звучало как незатейливая шутка или игра во взрослую жизнь, к которой мы оба не были готовы. Но теперь-то мы семья. Неужели все еще слишком рано? Быть того не может.

– А знаешь, – пытаюсь я перевести тему, – кто сказал: «Более девяти тысяч моих бросков не достигли цели. Я проиграл в трёхстах матчах. Двадцать шесть раз я мазал решающий бросок в конце игры»?

– Понятия не имею, – Поля плавно берет мое блюдце с мо-

роженным и тащит его поближе к себе, не сводя с меня взгляда. Я киваю ей и продолжаю:

– Майкл Джордан! Представляешь! Он совершил такое количество косяков, что их не сосчитать даже на калькуляторе. Вот и мне кажется, что мой главный трехочковый в жизни – это то, что я тебя не отпустил.

– Понятия не имею, кто это такой. Хоккеист? – Полина принимается за вторую порцию, и я понимаю, что еще одна тема нашего разговора не закрепилась дольше, чем на две фразы.

– Нет, не хоккеист, – отвечаю я и закуриваю, чтобы прикрыть внезапно образующуюся в нашем взаимопонимании пустоту.

Когда мы только начинали встречаться, Поля рассказала мне о том, что такое любовь. Она произнесла это как будто одной фразой, быстро, и при этом спокойно. Пропела. Причем так, что я сразу же поверил ей и захотел жить в этом рассказе:

– Ну как что... Это мечты, ощущения. Понимание, что хочешь скорее приехать к нему, ждешь с работы, нервничаешь в кафе, пытаешься понять, хорошо ли ты сегодня выглядишь. Это когда он приносит цветы и дарит подарки, а ты радуешься. Радуешься так, будто тебе их никто и никогда не дарил. Это когда не засыпаешь, пока не получишь смс со словами «Спокойно ночи, я по тебе скучаю», прогулки под дождем или поездки за город, вера в будущее и боязнь в него загля-

нуть, потом признание и робкий ответ «Я тоже». Это попытки предвидеть те черты, которых боишься и не хочешь, чтобы в нем внезапно проявились, и следующее за этим понимание того, что узнать правду можно только с годами. Потом – предложение жить вместе или, что еще лучше, – предложение руки и сердца, причем такое, тихое, не на публику, а только для тебя, потому что это же никого не касается, только вас двоих. А дальше... Дальше – жизнь.

Каждое ее слово отозвалось в моей душе готовностью раз и навсегда прекратить поиски себя, поиски смысла, поиски единомышленника. Я даже предложение ей сделал шепотом, чтобы никто не подслушал и не помешал нашему с ней грядущему счастью: нашел свое старое серебряное кольцо, потому что на новое не было ни копейки, протянул ей вечером, когда мы сидели на лавочке во дворе и сказал: «А давай?» Поля засмеялась и сказала: «Ну давай», – и мне показалось, что она по-настоящему готова стать частью моей жизни. А сейчас я смотрю на то, как Полина потягивается в лучах обжигающего солнца, довольно улыбается, и осознаю, что пока не имею ни малейшего понятия, готова ли она сама следовать каждому слову из той красивой и стройной речи.

На небе появляется одинокое облачко и мне кажется, что именно оно испортило мне настроение: сегодня мне не нужно ни единого намека на дождь. Я смотрю на него, хмурясь изо всех сил, будто прогоняя из своего яркого дня, но оно не поддается. Тогда я принимаюсь молча махать руками, чтобы

оно как можно скорее скрылось за горизонтом или хотя бы не заслонило нам солнце. Выглядит это, наверное, довольно забавно: пара лежит на балконе, девушка не шевелится, а парень размахивает руками, будто пытаясь отделаться от навязчивых мыслей, не дающих ему спокойно отдыхать. Когда оно рассеивается, я записываю эту победу на свой счет.

Мы долго молчим. На несколько минут мне даже кажется, что Полина задремала. Я рассматриваю её сначала тайно, а потом уже и открыто. Левая рука слегка подрагивает. Ну точно уснула. Локоны русых волос падают на очки, что заставляет Полину выглядеть героиней курортной фотосессии. Фата сдвинулась на бок, майка сбилась в ком прямо на животе, скрещённые ноги лежат на моих коленях. Я боюсь пошевелиться, чтобы её не разбудить. Если будет надо – я просижу так весь день.

– Завтра, – говорю я шепотом – мне надо на работу. Но я заеду в офис часа на полтора. А потом опять к тебе. Только никуда не уходи.

– Ага. Так и останусь здесь, на балконе. Обещаю. Кстати, – Полина поднимается на локтях, снимает очки и хитро смотрит мне в глаза. – Сейчас меня интересует только одно: ты где взял столько подушек?

– А какая, собственно, разница? Главное – чтобы тебе жилось помягче.

7. Смс

Я столько раз слышал, что главное в жизни – это найти себя, а потом найти того, кому можешь верить и остаться с ним рядом навсегда. В случае, если это – женщина, необходимо ее хватать, оставлять себе и желательно поскорее жениться. Никто не говорил, зачем это делать. Это было нужно по умолчанию, мол, а как иначе. Хотя и вправду: если ты встречаешь на своем пути сотню человек, кто-то из них понравится тебе больше, чем все остальные. И тогда тебе захочется проводить с ним как можно больше времени. Ещё в институте я понял, что хочу быть рядом с Полей. Как можно чаще, как можно больше, а лучше всего – всегда.

Я сижу и смотрю на стену. Кажется, эта стена видела больше моих недоуменных взглядов, чем все мои друзья за всю жизнь. Но только она даёт мне ответ на вопрос, который я не задавал. История, которую рассказала мне Поля на нашем первом свидании в «Честном», абсолютно правдива. Вот только персонажи в ней поменялись местами: это не ее парень сбегал от нее к своей жене. Это она сбегала от него к Лехе. Всегда к Лехе.

А ее бывший парень – это, получается, я.

Я выхожу на балкон, на котором тринадцать лет назад лежала гора подушек, а мы с Полиной начинали выполнять роль молодоженов. Смотрю на тяжёлое небо. Оно правда тя-

жёлое: тучи какие-то однотонно-серые и кажется, что они монотонно нависают прямо над моей головой, как будто вот-вот рухнут прямо на меня. Солнца никакого не видно и, если бы я не посмотрел на часы на стене, было бы не сильно понятно, какое сейчас время суток. Полдень. Но темень такая, будто я смотрю какой-то скучный сон, в котором в любой момент произойдет все, что угодно. И тут я понимаю, что просто хочу, чтобы все вернулось. Чтобы опять было лето, причем настоящее, а не такое, как сейчас. Чтобы рядом со мной стояла, положив мне голову на плечо, Полина.

Или все же не Полина?

Не глядя, достаю из кармана джинсов телефон, открываю один за другим мессенджеры, потом соцсети, а потом нажимаю на ярлык с надписью «СМС». Нажимаю и держу долго, словно готов удалить его навсегда. Но приложение уже сработало. Я задумываюсь, стоит ли поступать так, как хочется и, пока я размышляю, пальцы сами выбирают контакт из телефонной книги. Я печатаю короткое:

«Кофе?»

Разум берет верх и сообщение я не отправляю. «Сохранить в черновиках?» – издевательски спрашивает меня экран телефона, и я начинаю смеяться. Черновик жизни, которой не получилось быть написанной начисто. набросок семьи, от которого я стремглав убежал за горизонт. Эскиз одного из сотен, если не тысяч, неуверенных в себе и в окружающей действительности мужиков, которые и мужиками-то

могут называться потому, что в определенное время у них начинает расти борода. Черновик. набросок. Шарж. Неудавшийся портрет.

Я убираю телефон в карман рубашки и закрываю его на пуговицу. От греха подальше.

Однажды мама сказала мне одну важную фразу. Дословно не помню, но суть примерно такая: «когда пройдешь через ад, не забывай, кто был рядом все это время». За самый мрачный период у меня отвалилась жена и три четверти друзей. Именно так мама научила меня последнему уроку в жизни. Люди не выдерживают проверок. А те, кто выдерживает – те и есть Люди. И их мало.

Очень мало.

На свое тридцатилетие единственное поздравление с днем рождения, которое я прочитал больше одного раза и, пожалуй, единственное, которое я по-настоящему ждал, было от Лизы. Я перечитывал его снова и снова и не переставал удивляться: как же мы с ней похожи. «Помни, что, если ты плачешь, это не значит, что ты нытик. Если ты терпишь, это не значит, что ты слабый. Если ты ошибся, это не значит, что ты тупой. А если ты добился чего-то, то ты можешь и лучше, но вчера ты мог и хуже. Помни, как надо себя любить и ценить себя. Ты есть у себя. Береги себя. Ты себе понадобишься. С днем рождения!» – и пошлый смайлик с рожками, который мне почему-то понравился.

И тут у меня в кармане зажуужал телефон. Сообщение.

«Новое сообщение от: ЛИЗА.»

Открываю. Одно слово и один знак препинания.

«Кофе?»

***

Поздним вечером, как подростки, взявшись за руки, мы бежим к той парадной, которую разведали еще в старших классах. С набережной – во двор, потом направо, в следующий двор. По дороге я успеваю заметить, что на всех дверях теперь установлены домофоны и меня жутко пугает перспектива, что и «наша» парадная теперь заперта и мы никогда не проникнем на крышу, где прощались навсегда, не представляя, что окажемся здесь через почти что двадцать лет. Дверь и вправду новая. Но на ней кодовый замок. Я подхожу и неуверенно дергаю ручку. Дверь скрипит так, будто ее не трогали никогда и петли срослись намертво, но все же поддается.

Открыто!

Мы забегаем по гранитной осыпающейся лестнице на последний этаж, минуя приоткрытые шелушащиеся оконные рамы, баночки с окурками и стены с осыпавшейся краской, пробираемся через внезапно открытый и при этом чистый и сухой чердак и вылезаем на воздух. Тут еле заметно холоднее, чем внизу. Но гораздо проще дышать. На уровне наших глаз ангел Александрийского столпа, вдалеке, почти из-за горизонта, выглядывает башня Лахта-центра.

Люди, которые живут в этом городе, привыкли смотреть

себе под ноги: они боятся луж, боятся споткнуться о случайный камушек и не хотят отступать от изначально намеченного маршрута. Так и бегают себе всю жизнь по делам, спешат, радуются, если успевают, расстраиваются, если опаздывают, но никто как будто не понимает одной простой истины, которая, видимо, навсегда осталась со мной.

Всегда. Смотри. Вверх.

Мы с Лизой стоим на крыше. Со стороны Дворцовой в лицо дует теплый бриз, напоминающий о том, что белые ночи закончились недавно, а впереди еще много лета. Лиза осторожно берет меня за руку, и я понимаю, что в этой зыбкой тишине я абсолютно счастлив.

– Как тихо. Обалдеть, как круто, – неуклюже радуюсь я вслух.

– Хорошо в тишине? – улыбается Лиза.

– Ага.

– Ну так заткнись скорее, – с улыбкой шепчет она и кладет мне голову на плечо.

8. Послесловие. Глебыч

Я приезжаю в «Честный» примерно за час до назначенной встречи. С Глебом мы не созванивались уже больше года, а не виделись года четыре. Я не представляю себе, что происходит в его жизни, я не знаю, как дела у Наташи и ходит ли до сих пор в детский сад их сын. Я пытаюсь вспомнить хоть что-то хорошее из того, что связывало нас с Глебом до того, как мы с ним перестали общаться и у меня почти ничего не получается. Он регулярно рассказывал мне, что между нами никогда не встанет женщина и что только мужское братство свято, что происходит все только так, как должно произойти и ещё кучу различных пошлых и иногда очевидных вещей. Глеб, который называл меня своим самым близким другом и в параллели пользовался мной при любом удобном случае – он же единственный, кого до сих пор мне так не хватает и по кому я по-настоящему скучаю. Я не могу себе объяснить, почему именно я решил с ним встретиться и написал ему все ту же смс-ку со словом «Кофе», на которую он ответил грудой смеющихся смайликов и пообещал выделить в своем расписании время на следующий же день. Может быть он отказался от очередного нового свидания, а может и от срочного проекта на работе. Сейчас мне все равно. Я допиваю уже четвертый американо и понимаю, что от подкатившего адреналина в любой момент начну бросаться на стены. Но

именно сегодня мне кажется, что все в жизни наконец расставлено по местам, а незаполненной осталась только одна полка, на которой нацарапано слово «Дружба».

Дверь в «Честный» распахивается, бариста улыбается и кричит: «Здорово, Глебыч!» И именно в этот момент я понимаю, что в моей жизни остался Глебыч. Единственный настоящий Глебыч, который хотя бы был рядом тогда, когда мне это было так необходимо. Он подходит к столику походкой важного человека, словно заигрывает со мной, пытается держаться надменно и уверенно, но глаза уже улыбаются. Друг крепко жмёт мне руку и обнимает меня, вкрадчиво шепча «Ну наконец». Мы садимся за столик, я поддвигаю к нему кружку с его любимым капучино, улыбаюсь и говорю: – Здорово, старик. Что-то ты похудел.